

РЕГИНА ХАБИРОВА

ВЕЛЬМОЧКА
ДЛЯ ХУДОЖНИКА,
ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В МИР МЕЧТЫ

Рискнуть жизнью ради незнакомца, в которого успела влюбиться? А как иначе, если я не могу забыть его глаза, если то и дело целую его во снах? Но по своему желанию я вернулась домой из мира, куда случайно попала, где он и остался. Теперь же я бы очень хотела обратно к нему... Вот только нужна ли я там?

**Регина Хайруллова — Ведьмочка для художника,
или Возвращение в Мир Мечты**

Глава 1. Возвращение

Вдали — раскаты грома, а на небе — медленно, но неотвратимо надвигающиеся чёрные грозовые тучи. Они скрывают, они поглощают, они пожирают солнце, уничтожают собой всю радость летнего дня. Удар молнии. Треск старого дерева. Огонь. Оглушающий грохот. И страх.

Я снова пытаюсь уехать на велосипеде, но ветер поднимает песок вместе с камнями, срывает листья, и всё это кружит быстрее и быстрее, и всё тревожней на душе, ещё немного — и весь мир треснет от напряжения, но вот грянул ливень.

Я хотела спрятаться в маяке, но было поздно.

Ветер до того разбушевался, что подхватил меня и понес вверх, к разинутому зеву чёрного неба. Я кричала, я пыталась вырваться, но неукротимый ветер был сильнее.

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как бесконечно далеко уношусь от земли, как маяк становится крошечной точкой на берегу, как весь мир скрывается от меня, как я становлюсь для него всего лишь воспоминанием. «Хочу жить! — твердила я, прикрывая голову от камней. — Хочу жить! — кричала я внутри себя».

Морской песок и удары ветра не давали дышать, и волны страха захлёстывали меня сильнее и сильнее и словно поднимали ещё выше, помогая вихрю, и с каждым ударом молнии я вздрагивала и повторяла свою молитву, и только слабый огонёк надежды, что всё это — кошмарный сон, — тлел где-то глубоко внутри...

Кто бы мог подумать, что я захочу повторить это путешествие спустя столько времени ради встречи с Артуром?..

С тех пор прошло девять лет. Я отправилась в дорогу, которая заняла несколько дней, и до того утомилась, что уже жалела о своей поездке, но всё-таки помнила о главном: о цели, ради которой отправилась в путь.

Всю дорогу я думала, стоит ли попробовать, стоит ли окунуться ещё раз туда, где уже однажды побывала и встретила своё счастье, стоит ли рисковать ради него собственной жизнью? Мысли бежали, обгоняя поезд, они уносили меня на самый берег, к дому родителей, к морю, к маяку, уносили и туда, куда мне так хотелось попасть.

Наконец колёса завращались медленнее и поезд остановился. Пассажиры, в спешке схватив не свои чемоданы, покинули вагоны. Уже на улице они разобрались и ушли в разные стороны. Меня позабавила эта сценка. Даже подумалось, что мою собственную жизнь вот так же взяли руки не того демиурга, и потому всё идёт наперекосяк. «Но я не чемодан, а потому сама пойду туда, куда мне нужно», — подумала я и отправилась в ближайшую гостиницу.

Я специально выбрала путь в обход, чтобы обойти все дорогие мне места, которые так часто снились с тех пор, как я уехала жить в столицу.

Я ступала по тёплому песку, вдыхала солёный морской воздух, слушала прибой и отпускала мысли вольными чайками.

Вот они летят, а там — у самого горизонта, где небо соприкасается с морем, где сила любви разных стихий чувствуется нами, и мы хотим снова и снова видеть их объятья — чайки-мысли парят уже невиданными жар-птицами, сливаясь с облаками, улетаая туда, где была и я, где осталось всё моё счастье...

Я бреду по песку, выхожу к знакомым улочкам, забываясь и уходя в далёкие

воспоминания.

Родительский дом совсем переменялся. Пластиковые окна, новая дверь, перекрашенный высокий забор, за которым едва видно, едва узнается давно проданный дом моего детства. От прошлого почти ничего не осталось. Но город дышал всё тем же теплом с разогретого на солнце треснутого асфальта, по которому я шла, пах той же пылью при дожде, вёл в школу той же тропинкой среди ромашек, на которых одноклассницы часто гадали. Всё так же дорого сердцу, и даже не хочется покидать это место, которое вроде и изменилось, и при этом осталось совсем таким же.

И сладкая вага в парке, счастливые мама и папа, яркое солнце над головой, бегущая бесконечно вдаль дорога, по которой иди хоть всю жизнь — не будет ни конца ни края, ведь она замыкается на самой себе. И в этой бесконечности столько радости, столько надежд, будто она дарует тебе само бессмертие.

Я снова и снова окунаюсь в воспоминания, стоит увидеть лишь намёк на былое.

Опущенные глаза и горящие щёки: то первый неловкий неудавшийся поцелуй вот у этой скамейки.

И те самые камни, и та самая дорога к пляжу, по которой велосипед ужасно трясёт. И тот ветер...

Да, я хорошо помню тот ветер. Как он поднял меня, как перепугал до ужаса. Помню и Артура де Вильбурга, и наши встречи, и тот вальс, когда мы были так близко друг к другу, что я едва могла дышать от волнения, и те объятия, и тот полёт на драконе, и все этих странные, но прекрасные миры, где мы побывали... И то отражение в воде...

Надо вернуться туда. Я поняла это так отчётливо, будто иначе и не могло быть. Но как попасть в Мир Мечты? С берега не выйдет: сегодня совсем нет ветра. На маяк я не заберусь, он совсем старый и ржавый. И тут меня осенило. Спустился час я уже стояла у окна пятиэтажной гостиницы.

Я представляю себе эту картину: на фоне закатного неба вырисовывается мой тонкий тёмный силуэт, я томно откидываю с зелёных глаз рыжие курчавые волосы и глубоко меланхолично вздыхаю. Сцена, достойная моего романа.

А из приоткрытого окна доносились крики чаек, провожавших солнце. Хотелось лететь вместе с ними, говорить на их птичьем языке. И вот мне уже виделись необъятные морские просторы, равнины, горы, где я живу то ли в стае чаек, то ли вместе с Артуром; чудились другие миры, которых так много, которые все меня ждут, непременно ждут, ведь не могут же не ждать. Правда ведь не могут? Или миру глубоко безразличны мои мечты, тревоги, пустые фантазии, которых хватает лишь на то, чтобы оторваться от реальности и повиснуть где-то между детскими записками в дневниках и попытками написать роман. Бездарный и пустой, который никто и никогда не напечатает и не прочтает.

«Певица и писатель, — думала я с невероятной злобой на себя. — А что не космонавт? Или ведьма? Вот наколдую себе прекрасного принца и буду счастлива. А что я сделала для этого? Что я вообще сделала в своей — для своей — жизни? Отчислилась, вернулась в город детства — вот и всё, что я осознанно совершила за эти годы. Слабая. Никчёмная и слабая, и я никогда не решусь вернуться в Мир Мечты, я же просто трус».

Я сжала кулаки, и ногти впились в кожу, оставляя после себя синеватые дуги. Я часто так делаю, словно болью пытаюсь искупить своё ничегонеделание, преодолеть свои страхи, возвыситься над собой и стать сильнее. Или хотя бы выпустить злость.

«Да, я трусливая, но мне бы хотелось быть смелее. Но пока не получается», — подумала

я и разжала руки.

Через форточку дул ветер, колыхалась занавеска. Мне чудилось, что он тихо напевает о том, ради чего я покинула столицу. Ветер уносит к мечтам, теребит раны, напоминает всё, о чём не хотелось бы помнить.

Вот кладбище. Там лучший друг: единственный, кто понимал, кто оставался с детских лет. На другом кладбище — отец. А вот фотография, где мама с каким-то стариком, где они улыбаются на фоне какой-то башни, на другой фотографии они уже плывут на корабле, а на третьей стоят в пустыне. Они все так далеко, словно живут в другом мире, они ещё дальше, чем и детство, и хрупкие мечты, и Артур...

Снова подул ветер. Я поёжилась и завернулась в дурацкое колючее покрывало. В голове закопошились мысли. Стоит ли оно того? Что, если тогда мне всё просто приснилось? Не лучше ли дожидаться утра?..

Я уже почти решила, что повременю, но случайно коснулась кулона в форме вытянутой капли. Он был с мной всегда. Несмотря на тоненькую ниточку, кулон ни разу не слетал и был дороже, чем золото со всего света.

Мне вспомнились юные мечты. Как я смущалась, держа под подушкой кулон — его подарок — и представляя себе объятия с Артуром — не те невинные прикосновения, а настоящие. Сильные и горячие. В которых я полностью растворюсь, в которых сердце будет бешено стучать, в которых я буду счастлива. Как неловко мне было думать все эти годы о поцелуе, которого я так и не дождалась тогда, девять лет назад.

Как эти мысли привычны. И до чего всё глупо, до чего по-детски. Ведь я давно выросла, давно были и первые поцелуи, и объятия, но всякий раз во снах виделся Артур, и всякий раз я смущённо опускала перед ним глаза. А в жизни скучно. Одинаковые лица, одинаковые избитые фразы. Бессмысленные дневные разговоры и ещё более бессмысленные ночные встречи, вечные недовольства и опять спасение в грёзах. До чего же привычно. До чего всё надоело. До чего хочется просто жить и быть счастливой. Быть с тем, с кем хочешь.

«Раз я приехала, время пришло. Пора нам встретиться», — подумала я и распахнула окно. В комнату влетел легкий ветерок, взъерошивший волосы и уронивший покрывало. Сердце заколотилось. Я словно опять стала той маленькой девочкой, которой до смерти страшно упасть, которая хочет обратно в свой мир, но теперь всё перевернулось, и мир этот не на земле, а на небе.

Я медлила. Но вот ветер сам подхватил меня и понёс. И я сливалась с ним воедино, и снова поднималась, снова летела к небесам, к Артуру, и на этот раз страху не было места: одна лишь надежда на скорую, на такую долгожданную встречу сопровождала меня.

Решилась бы я, если бы знала, сколько трудностей, опасностей и прекрасных мгновений меня ждёт в Мире Мечты? Да. Тысячу раз повторю своё «да».

Глава 2. Дневник (Гроза)

...Я хотела спрятаться в маяке, но было уже поздно.

Ветер подхватил меня и понес вверх. Я зажмурилась, чтобы не видеть, как уношусь от земли. «Хочу жить! — твердила я, прикрывая голову от камней. — Хочу жить! — кричала внутри себя».

Морской песок, удары ветра и дождя не давали дышать, и страх захлёстывал всё сильнее и сильнее, и с каждым ударом молнии я вздрагивала и молилась, и только слабый огонёк надежды, что всё это — кошмарный сон, — тлел где-то глубоко внутри...

Вдруг всё прекратилось. Стало тихо и легко. Словно теперь не ветер гнал меня, а я сама летела, лишь сопровождаемая его силой. Доброй силой. Она слегка приподнимала меня и плавно несла на волнах, и в этом потоке я до того растворилась, что уже не могла понять, где кончается эта сила и где начинаюсь я. Границы меж нами стёрлись.

Но вот и это исчезло. Теперь совсем тихо. Ничего не происходит.

Я открыла глаза. Потоки уличного шума, круговерть прохожих, ударяющихся об меня, крики, лязги — всё разом ворвалось, хлынуло и закружило мою голову.

Прносящиеся мимо полусказочные-полумифические создания, до того спешащие по своим делам, что никто из них меня совсем не замечает. Некоторые совсем как люди, но с зелёной или синей кожей, с перламутровой чешуёй или белыми тянущимися по земле крыльями ангелов. У других до того высокий рост, что головы теряются где-то далеко вверху, за бледно-розовыми облаками, так что их и не разглядеть. Шаркают мимо и совсем низкие, размером с голубя, существа, все они несут крошечные портфели. Есть и те, кто походит на кентавров и сфинксов. Мелькнула белая летучая мышь.

Сначала я решила, что вижу самый обычный сон. Ущипнула себя — больно. Я ещё не успела придумать объяснение, как заметила молодого темноволосого мужчину, который стоял на другой стороне дороги и с каким-то особым вниманием смотрел прямо на меня. От его руки тянулся поводок к крылатой собаке с двумя хвостами: синим в фиолетовую полосу и фиолетовым в синюю.

Незнакомец двинулся мне навстречу.

Его пёс вытянул шею, стараясь обнюхать моё платье, я отступила назад. Мужчина что-то сказал на языке, которого я никогда не слышала и который чем-то напоминал звуки летнего штиля, дующего из-за самого горизонта, где море теряется в бесконечной дали. Наверное, он извинялся за слишком любопытного друга.

Незнакомец был в старомодном, даже в старом лоснящемся пиджаке с заплатами на рукавах, на рубашке же виднелись бледные следы от краски, будто её так и смогли отстирать, хотя не раз пытались. В свободной от поводка руке он держал зонтик. Я сразу поняла, что он художник и что он не слишком богат. Так оно и оказалось. А самое главное, что незнакомец мне понравился с первого взгляда: крепкие мускулистые плечи, небольшая придающая мужественности щетина на подбородке, чёрные волосы и какой-то непередаваемый взгляд то ли погружённого внутрь себя безумного творца-гения, который вынырнул из неведомых мне космических глубин лишь ради того, чтобы поговорить со мной, то ли взгляд человека, что отчаялся и хочет найти хоть какую-то соломинку, хоть какое-то спасение от внутренних чудовищ, от которых он едва смог сбежать, начав со мной говорить.

Всё это я восприняла в один миг, хотя мне было и страшно, и холодно. в другом месте и в другой ситуации я бы разглядела куда больше. Но и этого было довольно, чтобы я совсем скоро, почти сразу влюбилась в него.

Итак, мы стояли друг напротив друга и молчали. Я разглядывала его, он — меня. Становилось как-то неловко и по-дурацки, особенно из-за того, что с меня скапывала вода, под которую пёс тут же подставлял язык. А ещё мне постоянно казалось, что я не чувствую под ногами земли. и вокруг ходили чужаковатые создания, а я даже не знала, понимают ли они русский язык и стоит ли пытаться говорить на нём

Я подумала, что терять всё равно уже нечего, и ответила:

— Знаете, кажется, я заблудилась, не подскажете, где я? — Немного подумав, я добавила: — Здесь проходит карнавал, да?

Он улыбнулся и, к моему счастью, заговорил по-нормальному:

— Нет, мадемуазель, карнавал у нас будет через несколько дней. А попали вы в Город Мечты, на третью улицу Мысли, в аллею «Капелла». Моё имя — Артур де Вильбург, а это, — он показал на свою крылатую собаку, — мой верный друг Сириус. Позвольте узнать ваше имя?

— Я Мира, Мирослава.

— Мирослава... — задумчиво повторил он. — Бесконечно рад нашему знакомству. — он пожал мне руку. — Простите моё любопытство, но отчего вы так промокли? ведь сейчас нет дождя?

— Есть, но не здесь. На берегу я попала под ливень, а ветер принёс меня сюда, — я чихнула и случайно посмотрела вниз.

А там... Мои ноги и вправду не касались земли! Вот откуда вся лёгкость! Я попыталась опуститься, как делала это много раз во снах, но ничего не помогало, и я уже не понимала, почему сновидение такое длинное и реальное, почему я всё ещё не проснулась, если осознала себя во сне, почему я вообще нахожусь в нём и ничего не могу поделать, почему я не просыпаюсь? Как мне проснуться? Как вернуться? Как?

Я посмотрела на Артура огромными глазами, а он просто улыбнулся.

— Если хотите стоять, расслабьтесь, — после этих слов он погрозил своей собаке, которая рычала на дракона. На дракона. Ну конечно, ещё и драконы. — Ты же воспитанный мальчик, — строго сказал он, и пёс успокоился и снова подставил язык под капли, стекавшие с моей одежды.

— Ох, простите! Я сегодня бесконечно рассеян... — Артур полез в карман и протянул мне шкатулку. — Она высушит вас, а музыка немного успокоит.

Что мне было терять? Я открыла, и поток тёплого воздуха окутал меня, обнял и понёс в неведомые дали, где покойно и хорошо, где звучит удивительная мелодия, подобная той, что иногда вспыхивает в памяти, выплывает из её омутов, но которую никак не уловить, никак не поймать этих нот, а вот кто-то ухватил их за самый хвост и приручил, и парят они вокруг тебя, и уносят всё выше и выше, всё дальше и дальше, и так тепло, и так покойно на душе.

— Прогуляемся? — спросил Артур де Вильбург, и всё чудо мелодии испарилось, и я снова была около пса с двумя хвостами, который по-прежнему пытался ловить языком воду, но её уже не было. Я стояла на земле. На далёкой от моего дома земле, но всё-таки твёрдо стояла на ногах, хотя они, если честно, мелко дрожали.

Мы двинулись по аллее, и тут случилось нечто совсем уж странное: прямо посреди дороги возникла белая летучая мышь с пушистой головой. Та самая, что утром напугала меня

в чулане. Мне показалось, она кивнула.

Артур и Сириус никого не заметили и преспокойно пошли прямо на неё, так что мышь взлетела, чтобы её не раздавили.

Глава 3. Дневник (История)

Я вспомнила, что ещё с утра всё пошло наперекосяк, будто кто-то намекал мне о скором приключении.

Проснувшись ни свет ни заря. В чулане увидела огромную белую летучую мышь. С пушистой головой. Я так закричала, что перепугала бы маму до смерти, будь она дома. Мышь улетела в открытое окно, и вскоре я успокоилась и поехала на велосипеде до моря, пока ещё не кончились мои каникулы.

Я учусь в старших классах. Скоро начнётся новая взрослая жизнь. В пути я как раз думала о ней, представляя себя то студенткой, то женой прекрасного богача, то скиталицей.

Но далеко в мыслях я не дошла: быстро добралась до берега, ведь ветер подгонял велосипед, так что ехать было совсем легко. Когда остановилась, слушала голос моря — в тот день на берегу никого не оказалось, и теперь я понимаю, что так, наверно, и должно было быть, иначе ничего бы не случилось.

Волнующий сердце набегающий шум беспокойной воды, холодные солёные брызги, падающие на лицо, пение пенящегося пьянящего моря и свистящего ветра в горлышке моей бутылки. Это вовсе не тишина, но почему-то именно этот плеск хочется называть тишиной. И я погружаюсь в неё, отдаюсь ритму морскому.

Я ходила по каменистому берегу, смотрела на заброшенный полосатый маяк. Иногда запускала плоскими камнями блинчики, но они быстро шли под воду. Вот у папы получалось куда лучше: его камень мог подпрыгнуть раз пять, пока не утонет.

Я замёрзла и села на велосипед, чтобы вернуться. Но тут началось самое страшное и невероятное в моей жизни. Ветер поднял меня и унёс в Мир Мечты.

И вот я встретила Артура. Того, кому суждено было стать моим первым возлюбленным, моей настоящей любовью.

Теперь я пишу всё это здесь, в дневнике, и так хорошо помню дрожь в нестибающихся ногах, будто снова иду по аллее, которая напоминала мне дорожку из любимого парка, где было так же спокойно и красиво, и мысли утихали сами собой.

Тёмная извилистая тропа, убегающая вдаль аллеи. Не знакомые мне кусты с сиреневыми и малиновыми бутонами, на которых — крошечные насекомые-слоники с хоботками цвета перламутра. Ряды стройных деревьев с синеватой листвой, щебет птиц, перелетающих с ветки на ветку, легкий ветерок, пришедший, должно быть, из моего родного мира, и свет неведомой звезды сквозь облака.

Артур шёл рядом и молчал. Потом, через несколько дней, он рассказал мне, что тогда думал о том, кто же я такая. Он никак не мог понять, чем я отличаюсь от остальных мирян, но точно знал, что я другая, что нет похожей на меня в целом Мире Мечты. Наверное, я ему просто понравилась.

А я шла и думала о том, что это самый необыкновенный сон, что он, наверно, никогда и не кончится, да пусть и не кончается. Ведь если мне так хорошо и спокойно, так зачем же просыпаться?

— Откуда вас принес ветер? — спросил он.

— С города у моря, — ответила я и вздохнула. Воздух совсем посвежел. Мне даже подумалось, что ветер снова налетит и вернёт меня домой, и я вроде хотела этого, а вроде и желала узнать, чем живёт этот мир, что в нём есть, а главное — мне был интересен Артур де

Вильбург. Откуда такое необычное имя? Правда ли он бедный художник? есть ли у него... жена?..

— Он, должно быть, в мире Подземных жителей? Или у моря Надежды?

— Нет. Он на Земле, в мире людей.

Как я ответила! Теперь я понимаю, что лучше бы сказала как-нибудь по-другому, ведь услышь меня другие... Плохо бы это кончилось, но Артур лишь нахмурился и огляделся.

— Вы — человек? — спросил он совсем тихо, так что и сам ветер не мог услышать его слова.

— А вы — нет?

Он снова молчал. Наверно, собирался с мыслями. Наверно, думал, что я разыгрываю его или просто несу какую-то чепуху, наверно... Не знаю. Я только видела, как Артур быстро гладил пса по голове, а после сказал:

— Нет. Давайте-ка присядем и во всём разберёмся.

Как раз тут упала первая капля дождя. Мы сели на скамейку с неудобной спинкой, так что приходилось сидеть прямо и очень близко к моему новому знакомому, ведь он держал зонт.

Я пишу это здесь, в дневнике, но никому бы ни за что не призналась, как тогда колотилось моё сердце, как я пугалась того, что нахожусь меж двух огней: я боялась дождя, я до сих пор его боюсь после того полёта, но и Артур был слишком близко. Я ощущала тепло его тела, видела, как вздымалась при дыхании грудь, как билась вена на виске.

Мне вдруг страстно захотелось прикоснуться к этой вене, найти любой повод, чтобы дотронуться до Артура. И всё же я боялась этого сделать. Так что сидела смиренно.

Где-то над головой, среди малиновой и синей листвы, чирикал местный воробей. Ветерок о чём-то насвистывал мне, и казалось, что ещё чуть-чуть, и я узнаю мелодию, пойму, что же он хочет мне рассказать. Но сколько я ни вслушивалась, я не могла разобрать слов.

Когда аллея совсем опустела, так что Артура никто, кроме меня и ветра, не мог бы услышать, он начал свой рассказ.

— Когда-то к нам, как и вы, попал землянин, который всё помнил. Он вернулся назад к людям и рассказал о Мире Мечты знакомым. Никто ему не поверил. Тогда он показал один из камней желаний, который оказался настолько же твёрдым и прекрасным, как алмаз. Люди отправились в Мир Мечты бесконечными толпами, называя его то Эльдорадо, то сказочной страной. Мирянам это, конечно, не понравилось. Захватчиков изгнали. Камни вернули на места. С тех пор ни вам сюда, ни нам в мир людей нельзя попасть никак, кроме Древа. Оно не пропустит тебя ни с чем, а порой отнимет даже твои воспоминания. Да и вы не такие частые гости. Людей не жалуют здесь и сразу, как опознают, отправляют на дорогу в Пустоту. Там не только стирается память, но и уничтожается сама душа.

Я сглотнула.

— А почему я всё помню?

— Пока сплошная неразбериха. Но есть у меня одна идея.

Он предложил отправиться к Древу знаний, чтобы выяснить это и заодно вернуть меня домой. Я согласилась. Рисковать собственной памятью не хотелось, но и находиться здесь было слишком опасно.

Глава 4. Поиски мастерской

С каждой секундой мороз проникал всё глубже в тело, пробираясь до самых костей.

Зубы беспрерывно стучали. Пальцы уже не могли сгибаться и разгибаться, и дрожь была до того сильная, а голова настолько кружилась, что я не сразу заметила самолёт, пролетевший то ли сверху, то ли снизу — всё мешалось, всё застилал туман, в котором мерцали яркие вспышки, двигались фигуры. Я уже не понимала, куда движусь и где нахожусь. Дракон или облако? Мушки перед глазами или прохожие на той самой улочке? Это Мир Мечты или ещё нет?

Сверлило суставы и мышцы. Не могла шелохнуться. Я едва дышала от боли в груди.

Вдруг я отчётливо осознала, что замёрзну насмерть. Или просто задохнусь — воздух становилось всё тяжелее вбирать. Я никогда не увижу Артура. И вообще всё это напрасно и опасно. И ужасно-ужасно глупо! Какая я дура! Я ошиблась! Это были безумные детские выдумки!

Страх окончательно сковал.

А ветер всё нёс меня, совсем окоченевшую, почти не видящую ничего вокруг, кроме пелены перед глазами. Он приближал к небу. Ввысь, к самому Миру Мечты.

Я часто дышала, всё трудней это давалось, и вот — спазм сковал горло. Стало темнеть.

Толчок. Слепящий свет. Шум кипящего жизнью города. Ароматы корицы, ванили, кофе и чего-то жареного. И невероятная лёгкость в теле, какая бывает, наверно, только на луне.

Я ещё не открыла глаза, но уже точно знала, что попала куда надо. Медленно разлепила веки: убегающая вдаль улочка с магазинами и закулочными, кованые вывески с незнакомыми буквами, деревья с синеватыми листьями, а в самом вверху — драконы из компании «Дракон-Сервис».

Надо же.

Сработало.

Сработало!

А ведь я даже не верила, что это вообще возможно. Что когда-нибудь я снова буду стоять вот здесь. Что после всех этих лет, этих сомнений, этих ночных грёз, этих снов, где мы с Артуром были вместе, что после всего это! Что вот он, мой милый Мир Мечты, всё ещё здесь, что он на месте и рад мне.

Почему рад? А потому что низенький прохожий с портфелем вдруг остановился напротив меня, склонил голову и улыбнулся, словно он привратник, который приветствовал от лица всего Мира Мечты. Неужели видел прежде и узнал? Я улыбнулась в ответ.

И тут меня захватил поток: хотелось петь и танцевать, хотелось подхватить прохожего и кружить с ним вальсе, хотелось отыскать Артура как можно скорей, отыскать и рассказать ему всё-всё, что случилось за эти годы, узнать всё о нём, быстрее обнять его, положить голову на плечо, заглянуть в глаза, коснуться его рук, прильнуть к нему. Поскорей.

Я двинулась в путь.

Я хорошо помнила, что Артур хотел сделать свою мастерскую. Там он бы сутки напролёт писал картины и выставлял их в самобытной атмосфере, как он это называл. Мне тогда казалось нелепым выставляться там, где работаешь, где всё пропитано краской и растворителем, но теперь та идея могла очень помочь отыскать его.

Подошла к ближайшему прохожему — высокий господин с перьями и маленькими

руками, как у тираннозавра.

— Вы не подскажете, где мастерская Артура де Вильбурга? Это художник.

— Что? Надо установить перевод, — сказал незнакомец высоким и чистым голосом, словно был оперным певцом.

Я повторила и получила адрес.

Длинная улица всё не кончалась, а лишь загибалась за угол или раздваивалась, сбивая меня с пути. Приходилось спрашивать дорогу у прохожих. Многие отмахивались от меня.

Сначала тревога просто колола грудь изнутри, медленной мучительной спиралью разворачиваясь, вращаясь, сжимаясь пружиной и вдруг — выстрел. В эти секунды мне особенно сильно хотелось бежать, рваться куда угодно, лишь бы не стоять.

И я шла всё быстрее и быстрее, в каком-то рваном ритме: то мчалась, то полувлетела — гравитация позволяет, — то медленно ступала.

Постепенно мною стала овладевать мысль, что я никогда не отыщу его. Вообще никогда. А если и найду, то будет ли рад меня видеть, ведь прошло столько времени? В самом деле, девять лет. Так много, так бесконечно много, как сказал бы Артур. У него наверняка другая жизнь и женщина. Он живёт с ней у своей мастерской, пьют чай по вечерам, сидя на какой-нибудь веранде, обвитой плющом. Он целует её, как не поцеловал меня ни разу. Он вообще меня не целовал, а других женщин — пожалуйста.

Но вот спираль на минуту сворачивается, и я мчусь с надеждой на скорую встречу, и тело моё полно энергии.

Наконец, я добралась.

Окраина Города Мечты. Невысокое покосившееся здание с забитыми наглухо окнами, полустёртая надпись краской.

Я без особой надежды подёрнула дверь. Закрыто.

А чего я ждала? Что меня встретят с распростёртыми объятиями? Что я брошусь ему на шею, а он примет меня спустя эти годы и мы будем жить долго и счастливо?

Глупо. Да, глупо, но что мне-то теперь делать? Как вернуться домой? Куда возвращаться? Ни там, на Земле, ни тут я никому не нужна. Начать жизнь заново? Но здесь люди не в почёте. Я рисковала собой и продолжаю рисковать ради Артура, а ему мои жертвы не нужны. Он не просил о них, он преспокойно живёт своей чудесной жизнью и давным-давно забыл обо мне.

Тут я поняла, что снова вонзаю ногти в ладони, пытаюсь сдержать слёзы. Я выдохнула, расслабила пальцы и огляделась.

Напротив заброшенной мастерской располагалось кафе. Что мне было терять? Унизительно я себя чувствовала, будто меня предали, а всё-таки хотела увидеть его. Вдруг что-то случилось? А с чего бы ещё закрывать мастерскую, о которой столько мечтал, и уезжать?

Я зашла и спросила, не знают ли они, куда подевался художник.

Официант даже не взглянул на меня, и я хотела уже уйти, но тут услышала:

— Такой ещё с чёрными волосами? Вечно заляпанный краской, да? У него пёс ещё такой, с хвостами двумя? — уточнил сморщенный, как пересоленный огурец, старичок за столиком.

Я кивнула.

— Так он, дочка, уж год назад уехал. Давно это было. Я тогда, помню, вот здесь вот и сидел, а гляжу из окошка: авоськи взял какие-то, деревяшку здоровенную, мольбертом её ещё

зовут, а...

Я не стала дослушивать. Год назад. Мирянский год назад. Это значит, что прошло ровно девять земных лет, что он уехал почти сразу после того, как я вернулась.

В груди зияла громадная пустота, в которой выл ветер, выписывая головокружительные виражи, напевая о тоске и боли. Ещё немного, и я разорвусь под его напором, и я взмою в небо, чтобы уйти от одиночества и тоски.

Я опять шла вдоль знакомых, совсем не изменившихся улиц, вдыхала запахи тортов и кофе, жареных овощей и мяса, и эти ароматы сбивали меня с мыслей.

«Где его искать?» — думала я, еле отводя взгляд от уличных кафе, от столиков, на которых лежали тарелки с пирожными, политыми сгущёнкой или карамелью, а рядом — белые чашки на блюдцах с золотистой каёмкой.

Мир Мечты не рад таким, как я, он огромен и опасен. И так аппетитно пахнет! Он почти незнаком мне, но всё-таки я отыщу Артура.

— Мирослава? — сказал кто-то, и я резко обернулась.

Глава 5. Артур. У моря Надежды

Он вздрогнул и проснулся от удара часов. Спустился, поел и по привычке пошёл к морю.

Чайки парили над волнами и громко кричали, радуясь утру и словно призывая Артура полетать вместе с ними. Но ему не хотелось ни полётов, ни вообще чего бы то ни было. Все мысли крутились вокруг Миры. Ведь завтра ровно девять земных лет. Столько прошло с их расставания.

Все эти годы, все эти дни и ночи Артур корил себя за то, что позволил Мире уйти, но всякий раз оправдывался, что поступил правильно. «Надо лишь подождать: рано или поздно она снова будет здесь. Но это бесконечное ожидание... и что, если на этот раз она всё забудет?» — думал он и расхаживал по берегу, сжимая в руке старый хронометр, который считал талисманом.

Весь день он то пытался писать картины, то слушать голос моря, то читать. Потом снова шёл к морю, возвращался в пустой холодный дом, метался по нему и выходил к берегу. Он не мог найти себе места. Когда беспокойстворосло и захватило его, Артур вдруг понял, что должен ехать немедленно. Что именно завтра он встретит Мирославу.

Сам не зная почему, он не сомневался в этом ни секунды. Словно кто-то подсказал ему, кто-то толкнул и направил.

Он купил билет.

И вот в тесном вагончике, сжимая хронометр, Артур мчался к столице, вспоминая, как приехал сюда год назад.

В тот день он долго слушал прибой, до рези в глазах смотрел за горизонт и всё думал и думал о двух страстях — к Мирославе и к искусству.

Одной страсти не суждено выйти наружу, ей никогда не проявиться, а вторая... Да, она заглушает боль, уносит в далёкие миры, на самую Землю, где живёт его муза, где изо дня в день встает солнце и освещает её рыжие курчавые волосы, которые ему никак не передать на холсте — слишком мало он о них знает, не вдохнул он их запаха, не прикоснулся губами к этим завиткам — теперь ему не нарисовать их в полном огненно-ветреном величии, что обрамляет лик его любимой.

Артур думал и о даре художника — да и есть ли у него этот дар на самом деле? — от которого нет никакого толка. Вспоминал о работе в Библиотеке, из которой его позорно выгнали.

Волнами накатывали мысли и разбивались в пену морскую, и новый вал захватывал его, и в этих потоках сливались и тревога за Сириуса, что покинул его, и невыносимое одиночество, и мысли о смерти, что в других мирах — новая жизнь. И сидел так Артур де Вильбург у шумного моря, взирал на него и ждал то ли ответа на что-то, то ли просто поддержки.

Вот тогда-то море и поведало ему одну свою историю.

Давным-давно усталый и измождённый путник наткнулся на огромный водоём, блестящий под светиллом. Странник до того измучился жаждой и зноем, что не думая погрузился в воду и глотнул её.

Но была она до того солёной, что он весь сморщился и пошёл прочь от моря просить у местных обычной воды. Но стоило чуть отойти, как силы влились в усталое тело, жажда отступила, пропал и голод, и снова он был готов идти на самый край света, куда и держал путь.

Спросил он тогда у местных, что это за целительная влага. И сказали ему, что испил он слёзы живых, плачущих по усопшим. Воды эти пропитаны болью, но стоит пригубить их, как собственные беды слабеют, словно притягиваются слезами несчастных. И становится светло и чисто на душе, и вера во всемогущую силу добра вновь возвращается.

С тех пор зовут этот водоём морем Надежды.

Артур тоже испил этой воды в первый день, но легче ему не стало, ведь он не верил в легенды.

Он вообще ни во что не верил и отличался ото всех, кто жил здесь, всегда сторонился местных, которые напоминали ему огромных чаек. Они расхаживали по берегу в белых костюмах, почитали книги и кофе. Это совсем не плохо, но Артуру они казались какими-то ненастоящими, словно приехали на курорт всего на пару недель, чтобы отдохнуть, но так и завязли, погрязли в болоте лени и мнимой тщетности бытия, из которых и не желали выбираться.

Артур де Вильбург бродил по берегу очень рано, пока местные «чайки» ещё спали, и тогда он рисовал пейзажи. Они удавались особенно хорошо на рассвете, когда светило только готовилось залить этот Мир Мечты своим нежным светом. Небо окрашивалось пастельными цветами: розовый, сиреневый, голубой, бледно-зелёный.

«Интересно, на Земле такие же рассветы? — думал он, проводя кистью по холсту, и представлял себе совсем иные восхождения светила, совсем иное светило, которое где-то далеко греет Мирославу. Вот она бежит в школу, а вот она уже её закончила, а вот, наверно, она ходит на свидания с другими, а он стоит вот здесь на берегу и рисует, вместо того чтобы отыскать её. — Но как? Как мне попасть на Землю, сохранив память? Такое дано лишь хранителям, а я теперь даже не страж».

И он выливал всю эту боль не в море, как делали по легенде, а на холст, и рождались у него пейзажи, где поверх воды стояла гора или где вместо листьев на дереве росли деревья на листе, или ещё что-нибудь эдакое, что могло бы быть на Земле. «Ведь там всё не так», — думал Артур, складывая кисти и протирая мольберт.

Рисуя, он иногда забывался, особенно когда его рукой водила не боль, а вдохновение, когда ему казалось, что совсем близко, за спиной, стоит Мирослава и едва улыбается, и ему даже чудилось её дыхание, и он оборачивался, даже не надеясь её увидеть, а просто веря и чувствуя, что это возможно — но там были лишь дома, улицы, понурые прохожие, но не она. А по ночам, когда звёзды глядели на него из других миров, когда он ворочался в слишком нагретой постели, он неустанно думал, и клочки воспоминаний перемежались со снами, и всё переплеталось, и рождались чудесные мозаичные картины.

Юный Артур де Вильбург. Он бесконечно работает то там, то сям, почти не ест, не спит. Он тощий и подурневший, и ровесники смотрят со смесью жалости и какого-то мерзкого превосходства, ведь у них-то денег довольно, ведь им-то оплатят обучение родители, но у Артура есть лишь приёмные, и они не собираются тратить на него ни гроша. Но он упрям, он идёт дальше и дальше, и вот наконец деньги есть.

Разве может теперь что-то помешать такому близкому счастью?

Годы учения, годы бессонных ночей, изнуряющей работы, громадного непонимания родителей, скандалов, расставаний и встреч с возлюбленной, отчаяния и сменяющей его новой надежды, и вот на соседнем пазле — Артур со своим дипломом стража. Рядом другие выпускники, они тоже улыбаются, тоже довольны, но никто из них не знает, даже не догадывается, чего это стоило Артуру. Но ему не обидно. Пускай. Главное, что теперь всё будет так, как должно. Что мечта исполнилась, что внутри столько сил и они рвутся наружу! И он выпустит их сегодня же на холсте.

А пока стоит тут, держит корочку. Приёмные родители обнимают его, улыбаются, пожимают руки знакомым, и Артуру кажется, что эти мгновения — пик его счастья.

А теперь — сама Библиотека. Высоченные книжные полки, страшные тайны, загадочные фолианты — одни секреты, будоражащие воображение.

В полумраке, со свечой в руке он ходит вдоль коридоров, стирает паутину и пыль со шкафов, с тревогой и трепетом проводит пальцами по шершавым корешкам, изредка заглядывает в книги и уносится в иные миры, где видится с давно умершими поэтами, пьёт чай в гостях у барышень, влюбляется в них, но вспоминает о своей девушке, слушает лекции великих учёных и изобретателей, бывает в гротах у мудрецов, бродит по песчаным отмелям, по берегам чужих морей.

И вот вечерами Артур рисует всё, что видит днём в трудах великих творцов, что рождает его собственная фантазия, что выплёскивается на холсты яркими смелыми мазками — так он больше никогда не будет писать, но пока пишет, и пока он счастлив.

Времени на возлюбленную почти не остаётся, и это беспокоит его, и капли тревоги порой проливаются на холсты, но это ничего. Оливия всё понимает, она любит его, и совсем скоро, когда накопятся деньги, они поженятся, и она станет его истинной музой, которая всегда будет всё понимать с полуслова, как понимает сейчас. И длится это годами, и благодати, что наполняет изнутри и лучами исходит наружу, нет ни конца ни края. Ведь Артур попал на своё место. Он там, где должен быть. Всегда.

А вот другая часть мозаики: огонь, вздымающийся под самый потолок, пожирающий все чудеса Библиотеки и всё счастье Артура. Дикое пламя, что было подавлено, теперь необузданной силой мчит вперёд. Дым, слепящий глаза, гарь, крики, ужас.

Позор. Больше Артуру не быть стражем.

А ведь он лишь хотел освободить. Выпустить из клетки, перенести в другое место из темницы, где свет никому не был виден. Что на Артура нашло в тот день? Пламя околдовало его пением и танцем, заманило потайными коридорами в свою тюрьму и повелело высвободить из неё. И Артур поддался. И лишился всего.

Злость, и обида, и отчаяние — всё пузырилось, взрывалось внутри и не могло найти выхода нигде, кроме как на холстах, и снова Артур де Вильбург творил, и снова его мазки были чёткие и сильные, но больше не яркие: они ещё долго будут до того густыми и чёрными, что через них не видно ничего, кроме мрака и пустоты. Одна работа так и называется: «Дорога в пустоту» — аллюзия на самое страшное наказание в Мире Мечты, которому тогда Артур готов был отдаться.

А что было терять? Мечта рухнула. Оливия ушла к другу, приёмные родители и вовсе отреклись. Теперь ни всемогущих книг, ни встреч с великими умами, ни денег для жизни, ни даже смысла жить. Громадное недоразумение — вот что представлял из себя Артур. Один лишь Сириус, этот несчастный, отнятый у жестоких созданий найдёныш с двумя хвостами, одни лишь он держал на плаву. Приходилось работать то тут, то там, как много лет назад,

чтобы прокормить его.

Но вот всё меняется, и на соседнем пазле дрожащая, насквозь промокшая незнакомка. Потерянная и напуганная, с огромными глазами. Лучше бы пройти мимо: проблем хватает и без неё, но Артур всё-таки подходит.

И вот теперь, сидя в поезде, он несётся к той самой незнакомке, что вернула ему смысл жизни. Отыщет ли он её? Кто знает, но Артур верит и помнит, что любовь может и не такое.

Глава 6. Дневник (Карнавал)

— Знаете, я никак не соображу, — сказала я, когда мы выходили из аллеи. — Почему вы не поняли, что я человек? Я ведь говорю на русском. Вы тоже.

— На чём?

— На русском, — повторила я, чувствуя себя полной дурочкой. — Язык такой. И он точно земной.

Артур рассмеялся:

— Я не говорю на нём, я просто понимаю вас.

— Телепатия?

— Не совсем... — он задумался и собрал зонт: дождь кончился. — Дело в том, что в Мире Мечты бесконечно много тех, кто говорит на самых разных языках. Потому у всех нас есть один удобный навык, дар, если хотите. Когда кто-то произносит фразу на одном языке, а второй — на другом, оба начинают понимать друг друга. Если же кто-то не хочет этого, «перевод» можно прервать силой мысли. А теперь я отведу вас в гостиницу, отправимся к Древу через пару дней.

— Почему? Здесь же опасно. Для меня.

— А вы не говорите лишнего, и тогда никто не догадается. И остерегайтесь хранителей — тех, кто носит клювоподобные маски. Они сразу распознают вас.

В ногах поledenело, они опять еле сгибались. В груди мелко и быстро стучало сердце. Оно трепетало мотыльком, который бился о стеклянную клетку фонаря, и свет и жёг его, и манил.

А если Артур, чей свет так влечёт меня, — один из хранителей? С чего я вообще взяла, что могу доверять ему? Куда он ведёт? Улицы, повороты, низкие серые здания, редкие прохожие, которые косятся на меня...

— Скоро карнавал, — сказал он. — Хочу показать вам его, а потом сразу отправимся. Это главный праздник, который миряне отмечают каждые девять лет. В него почти никто не работает — все веселятся и празднуют возвращение в Мир Мечты.

Я не поняла, откуда они возвращаются, но тогда мне было не до этого.

Артур не съел меня. Мы пришли в обычную гостиницу на окраине, где жили бедные туристы. Я ночевала одна в номере. Артур жил где-то неподалёку, но я не знала точно где.

Платил за всё он, ведь у меня не было ни гроша. Я обещала вернуть эти деньги, вот только непонятно как и когда, но я всё-таки обещала. Я ведь видела, что ему их не хватало: заплатка на рукаве, заляпанная краской рубашка, лоснящийся от старости цилиндр — Артур почти не носил его на голове, но зачем-то всегда держал в руках. Даже поводок у его Сириуса был выцветший и какой-то линялый. Я замечала всё это и ещё больше переживала из-за денег, но что могла поделать? Кто возьмёт меня на работу в Мире Мечты, если я ничего не умею?

Мы встречались утром и гуляли по столице до самого вечера. Артур де Вильбург рассказывал мне о приёмных родителях, обучении на стража, о Библиотеке, о Древе Знаний. Он показывал столицу удивительного мира, и мне всё больше казалось, что я родилась в нём, а не на Земле, что я — такая же его часть, как вот этот господин с пером на шляпе или как та дама с семью ногами. Верилось, что и во мне есть такое необыкновенное, что даёт мне право быть в Мире Мечты, ведь я не случайно сюда попала? Может, есть какая-то миссия?

Помочь Артуру? Ведь ему нужна помощь, я это вижу.

Или я стану частью Мира Мечты, если буду женой Артура? Но он почти не смотрит на меня, изредка бросает взгляд и тут же отводит. иногда держит за руку, но совсем как ребёнка. Да, он старше меня. Но разве это помеха? Если бы он обнял меня, а я склонила голову на его плечо. Если бы он любил меня...

В таких мыслях проходили дни, и вот наконец настал карнавал. С самого утра немислимые создания стекались из переулков и сливались в единый сильный поток, пока не наводнили главную улицу Города Мечты так, что было не протолкнуться. Ходили, летали, прыгали и даже плавали — в особых переливчатых пузырях — существа во всяческих нарядах: великаны в кружевных бальных пачках верхом на драконах; ангелы с крыльями, сотканными из перьев и света; гибкие и худые тени из огня; извивавшиеся, словно на ветру, мерцавшие длинные создания, что застывали в любом положении на бесконечно долго; рыжеволосые красавицы с огненными шарами в руках или с замершими каплями воды — вся эта фантазмагория даже не удивляла, а завораживала, вовлекала в особый ритм карнавала, и хотелось тоже двигаться вместе с ними, быть в потоке этого могучего течения жизни.

Вечером, когда начался бал для всех желающих, я наконец влилась в это празднество. Но не сразу.

Привычные темнота и тишина ночи уступили место огням, отражённым в зеркальных цилиндрах мужчин и корсетах женщин, уступили место вспышкам салютов, грохоту повозок, смеху и музыке. Мелодия кружилась в паре с ветром, заставляя всех вокруг повиноваться её воле и танцевать, и многие уже вальсировали.

Меня кто-то коснулся. Я вздрогнула и обернулась. Стоял долговязый джентльмен в огненном фраке, из которого во все стороны летели искры, так что я отступила на шаг. Незнакомец улыбался, что-то говорил и протягивал мне руку, приглашая на танец.

Я смутилась. Что ответить? Как не обидеть отказом? И где Артур? Я оглянулась и увидела его совсем рядом. Он тоже улыбался, как-то нарочито вежливо, и уже подходил к огненному фраку, что-то объясняя.

— Разрешите пригласить? — спросил Артур, когда мужчина во фраке поджал губы и ушёл.

— Знаете, я не умею, — >сказал я, тщательно разглядывая свою обувь. Да, я всё ещё была в кроссовках и том платье. Не могла же я попросить его купить мне одежду. Могла бы, конечно, но нет. Не надо.

Я была здесь совсем как белая ворона, но мне не привыкать: в школе я такая же птица не с теми перьями, так что со мной никто почти и не общается. Так, пару слов скажут. Да и то не всегда.

Знаешь, дневник, мне порой кажется, что я вообще ненормальная. Какая-то сумасшедшая. Своеобразная — так говорил один мальчик, который мне нравился пару лет назад. Его всё удивляло, что я трогала деревья, а не его, что я вслух говорила с ветром, что иногда просила его помочь мне дойти поскорей, если опаздывала, или освежить в особенно жаркий день, или просто делилась своими горестями и счастьем. Самое удивительное, что ветер всегда отвечал. Он действительно помогал мне, если я спешила, или переставал дуть, если на улице было холодно, или обнимал меня, если становилось совсем грустно. Я поглупости поделилась всем этим с совершенно нормальным мальчиком. Он не понял. Сказал, что всё это — моя придурь, не более. С тех пор я держу это в тайне. Может быть, если я когда-нибудь вернусь в Мир Мечты и снова увижу Артура, он узнает мой секрет.

— Всё просто. Бесконечно движемся по диагонали. Шаг назад левой, поворот через правое плечо, ноги вместе... вот так... Теперь шаг вперёд правой, поворот... Так... и вместе. Главное — ритм. И раз-два-три, два-два-три, три-два-три...

И мы закружились.

Я спотыкалась, всё плыло перед глазами, и Артур был так близко, как никогда, и у меня постоянно потели руки, и я смущалась ещё сильнее, и всё-таки мне нравилось танцевать и быть частью большого праздника.

Когда я выдохлась, мы сели за столик. Артур заказал чай из местных трав вроде нашей мяты и какие-то пирожные, посыпанные какао.

Опять кольнула мысль о деньгах. Где он их берёт? Неужели в Мире Мечты можно жить, совсем не работая? хотела бы я так же. Или он расходует на меня последнее? Но что же я дам взамен? Почему Артур вообще тратит на меня и деньги, и время? Неужели у него нет своих дел? Или я ему настолько нравлюсь, что...

Я ничего не спрашивала. Лишь смотрела в тарелку, стараясь не подавиться.

Мы доели. Было очень вкусно.

Тем временем праздник подошёл к концу. Все сидели и уже обмахивались кружевными веерами. Объявили фейерверк.

Ослепляющие и оглушающие всполохи. Искры, ставшие красными и оранжевыми жар-птицами, что закружились спиралью и умчались во все стороны. Тёплая рука Артура на моём плече. И кулон в форме вытянутой капли, который он вешает мне на шею.

— Это подарок, — так тихо сказал Артур, что я едва услышала.

В тот миг я поняла, что навсегда полюбила Мир Мечты. Даже если он опасен для людей, даже если мне сотрут здесь память, даже если это сон. Пока рядом есть Артур де Вильбург, мне ничего не страшно.

Глава 7. В столице

Я оглянулась.

Мелкой дробью стучало сердце, ослабевшие ноги едва держали меня, и всё внутри так и трепетало в надежде поскорей увидеть те самые тёмные волосы, те близкие черты, тот самый взгляд, от которого я всякий раз в смущении опускала глаза как здесь, в Мире Мечты, так и в своих бесконечных снах.

Но где же Артур? Где ты? Где тот, кто вынудил бросить земную жизнь и вернуться сюда?

— Мирослава! — повторил он.

Я озиралась по сторонам, и всё тревожней становилось, ведь среди чужаков не было родного лица, но вот я наконец увидела того, кто звал. Чёрные волосы, пронзительный презрительный взгляд, на миг брошенный в мою сторону, крылья цвета земли — истинный демон во плоти. Подбежавшая к нему девица в искрящемся платье с волосами-змеями.

— Мира! — повторил он в третий раз, и она повисла у него на шее, обвивая своими змейками.

Вот оно что. Это не Артур де Вильбург. И звали вовсе не меня.

Я застала кусочек чужого счастья, которого лишена сама. Их наверняка ждёт замечательный вечер и целая жизнь, а я обречена бродить по городу в полном одиночестве, без денег, безо всяких сил. Тут я ощутила, как тело моё до того ослабло, что я почти не могла стоять. Надо бы поесть. Раз я попала в Мир Мечты, придётся выживать в нём, пока не вернусь... Но вернусь куда? На Земле меня не ждёт никто, ровно как и здесь, так какая же разница? Разве что закон, по которому меня могут лишить памяти в Мире Мечты. Впрочем, так даже лучше. Не будет воспоминаний, не будет и боли, и горести.

Я вздохнула и зашла в чайную. В этом месте не нужны деньги: работает обмен. Я дала им свою песню, которую часто напевала, когда тоска по Миру Мечты особенно сильно сжимала изнутри грудь и хотелось то ли плакать и вонзять ногти в ладони, то ли мчаться к Артуру, но я выбирала петь.

Я давно хотела, чтобы мой голос звучал в этой самой чайной, где когда-то Артур отдал за обед свою картину. Он сам это рассказывал, и я не знала, какая из работ его. Может, вон та с барашчатыми облаками, бегущими по голубому пастбищу? Или с беспокойным морем, волны которого окрашены фиолетовой тьмой? Или вон тот бесконечный лестничный пролёт, замыкающийся на самом себе и одновременно с этим словно выходящий из картины, вонзающийся в душу зрителя и обновляющий её? Может быть, все?

Окружённая этими картинами, я запела. Тихо-тихо, так что голос порой заглушался уличным шумом, но неизменно всплывал из его толщи и поднимался всё выше и выше, овивая всю чайную, каждого гостя, ныряя в каждую чашку и под каждый стул, огибая каждый столик и проникая в каждую картину на каждой стене — он заполнял всё и вся, обнимал своим звучанием и медленно опускался, и плавно затихал, сливаясь с ветром и удаляясь в бесконечные дали. И пусть никто не понял слов — все поняли чувство тоски и слабой надежды, не могли не понять, я видела это по их глазам, когда несла заслуженную чашку к столику у окна.

Я сделала плоток терпкого чая с бергамотом и задумалась. Где искать? Есть ли в этом хоть какой-то смысл? Столько лет прошло...

Я взглянула в окно, прикрытое кружевными занавесками, и увидела глаз дракона размером с форточку. Глаз сузился и исчез. Я передёрнула плечами и посмотрела в чашку. Тёмная жидкость чуть колыхалась из-за мелкой дрожи в руках. На миг в чае отразилась пушистая мордочка. Я подняла голову и увидела на потолочной балке белую летучую мышь, которая тут же скрылась.

Что за безумие творится в Мире Мечты? Здесь всегда было так странно? Как бы то ни было, придётся привыкать, ведь раз я вернулась, надо отыскать Артура де Вильбурга, пусть он меня и не ждёт.

Я допила чай и вышла, так и не угадав, какая же картина вышла из-под кисти моего потерянного художника.

Уже на улице над моей головой промчалась та самая летучая мышь и подмигнула мне. Где-то я такое видела...

Глава 8. Артур в столице

Он сошёл на станции и двинулся к аллее. Артур точно знал, что Мирослава, если окажется в Городе Мечты, непременно отправится по знакомым ей местам, которых не так много.

Он быстро ступал и постоянно оглядывался: нет ли рыжей копны волос вон за тем углом или в той чайной? А вон та хрупкая девушка на скамейке не она ли? Но нет: блондинка. Или вот идёт кто-то совсем знакомый. Нет, тоже не Мира.

«Но с чего я взял, что она вообще здесь? — думал он, продолжая оглядываться. — Почему из бесконечных дней выбрал сегодняшний, чтобы искать её? Не поздно ли я одумался? — Артур де Вильбург прислушался к себе. В груди быстро и уверенно билось сердце, казавшееся компасом, стрелка которого непременно выведет на Мирославу. — Нет. Не поздно. Прошёл год, бесконечно долгий мирянский год, и если она вдруг вернётся, то именно сегодня. Не может быть, чтобы я ошибался. Просто не может такого быть. Я чувствую нечто странное с того беспокойного утра — когда это было? Неужели только вчера? — с утра, когда что-то теребило, свербило мою душу, что-то толкало то к холсту, то к морю, то ещё куда-то, когда всё внутри рвалось и металось, когда... Что это за чувство такое странное? Будто кто-то дёрнул бесконечно длинную и прочную нить, которая ещё связывает — или мне хочется верить? — меня с Мирославой, и я ощутил это, и, значит, она тоже должна была. Значит, она где-то здесь».

Он снова оглянулся. Сотни существ, сотни голов, сотни душ вокруг — и нет нужной. Артур бесконечно одинок в суматошном Мире Мечты, который так называли словно в злую шутку, как и земной Тихий океан, где одни бури.

Он наточенным взглядом художника вглядывался в лица, пытаюсь отыскать её черты, но мало того, что Мирослава могла — непременно должна была — измениться, так её и просто могло здесь не быть. «Скорее всего, так и есть», — подумал Артур и вдруг увидел хорошо знакомое лицо.

Быстро отвернулся. Хотел пройти мимо. Но Оливия заметила его и стала махать рукой, быстро идя навстречу, рядом с ней важно вышагивал Ричард, который был когда-то лучшим другом Артура. «Бесконечное невезение», — подумал Артур и недовольно кивнул обоим, когда они оказались напротив.

Прекрасная влюблённая парочка, прямо как с плаката: переплетённые пальцы, приветливая улыбка, сияющие от радости глаза, а оба наверняка думают, что Артур одет совсем бедно и опять слишком худой. Конечно: вон как она разглядывает его пиджак, на котором скоро некуда будет делать заплатки. Мира так никогда не смотрела.

Артур по старой привычке хотел погладить Сириуса по голове, чтобы чуть успокоиться, но его больше не было рядом, и Артур сунул руку в карман, сжал хронометр.

Надо бы поддержать разговор, сказать что-нибудь умное и важное, а хочется лишь смыться куда-нибудь подальше. Но нельзя, никак нельзя сбегать.

— Я так рада тебя видеть! — воскликнула Оливия и хотела обнять его, но Артур отстранился. Она, должно быть, почувствовала неловкость, ведь опустила руки и поправила пояс на безвкусной цветастой юбке. — Всё рисуешь? — спросила Оливия, часто моргая.

«Интересно, она всегда так делала?» — подумал Артур и не смог вспомнить, а ведь когда-то готов был отдать всё, лишь бы эти самые глаза смотрели на него одного.

— Да, я же художник, — сказал де Вильбург и оглянулся. То ли за тем, чтобы убедиться, что поблизости всё ещё нет Мирославы, то ли чтобы просто не глядеть на этих попугаев, разряженных как на карнавал. Впрочем, карнавал-то совсем скоро.

— Ты как, нормально? — спросил Ричард и по-дурацки выпятил грудь колесом, словно самец, желающий покрасоваться перед самкой. Хотя, в сущности, так и есть. — Давно не встречались вот так, втроём.

«Ещё бы. После последнего раза я лишился и друга, и невесты», — подумал Артур.

— Да, у меня всё отлично. Я тут по делам шёл, бесконечные дела, сами понимаете.

— Может, зайдём куда? Оливка меня как раз в ресторан тащила.

Артур вспомнил, что не ел со вчерашнего вечера. Сглотнул слюну и отказался.

— Да я плачу, — сказал Ричард, снова выпячивая грудь. «Бесконечное позёрство. А я считал его другом», — подумал Артур и сослался на очень срочные дела.

— А-а-а, — протянула Оливия. — Тогда идём вдвоём, Ричи, — она ухватила его под локоть и отправила де Вильбургу воздушный поцелуй. — Пока!

— Давай! Если будет нужна помощь, я живу всё там же, — Ричард хотел обняться, но Артур сухо протянул руку для пожатия.

— До свидания, — сказал он и пошёл в противоположную сторону.

«Бесконечное невезение, вот точно, — думал он, ступая по тротуару. — Вместо того, чтобы встретить Миру, я увидел тех, кого меньше всего хотел бы. Они до сих пор вместе. Прошло столько лет, а они вместе. А от меня ушла, — он вздохнул и ускорил шаги. — Променяла меня на того, кто побогаче, постатуснее — кто он там? Явно не жалкий страж, каким я теперь даже и не могу быть. Помощник какого-нибудь хранителя? Чиновник? Кто он там? Явно не художник. Явно не тот, от кого уходят. Уходят все: и она, и Сириус, и вот Мирослава, и я опять один, и я бесконечно один. Заброшен в этот Мир Мечты, оторван ото всех, я — никому не нужный ломоть, болтающийся до тех пор, пока чья-то рука не отрежет его до конца и не выбросит в мусорное ведро или не запустит в новый круг, в новые страдания, в эти бесконечные круги, бесконечные и бессмысленные жизни».

Быстрые шаги, прохожие, магазины, камни под ногами — он двигался всё быстрее и быстрее, натёкался, оступался, едва не падал, он шёл, и шёл, и не видел дороги сквозь непроницаемую стену мыслей, пока не возникла она.

Полная живости, сияющая, плывущая по воздуху в тонком развевающемся платье, с копной непослушных огненных волос. Точёная фигура, лёгкая походка. Она ступает неторопливо и непрестанно оглядываясь, словно ищет кого-то.

Артур сглотнул и замер. Никаких сомнений: это она. Она самая. Она. Во всей своей красоте, во всей робости, со всем очарованием — совсем другая, совсем повзрослевшая, но она.

В этот миг зелёные, почти изумрудные глаза Миры встретились с его глазами.

Глава 9. Дневник (Новый спутник)

А со следующего дня началось наше путешествие к Древу.

Прежде чем отправиться, мы заглянули в небольшую лавку, где купили всякие верёвки, консервы, корм для Сириуса и пару зажигателей. Это такие удлинённые блестящие коробочки вроде наших зажигалок. Чтобы огонь вышел, надо произнести какой-нибудь факт из науки или искусства.

— В Мире Мечты много талантливых художников, — сказал мой спутник, и вспыхнуло пламя.

— Артур де Вильбург — один из них, — добавила я, и огонь стал ярче. Артур смутился и закрыл зажигатель.

Талантливый, а ещё и скромный. Похоже, я скоро окончательно влюблюсь.

Так я тогда подумала, и это была правда. Путь предстоял долгий, и времени на то, чтобы разгорелись мои — и его? — чувства, было предостаточно. Так что под конец я уже не хотела покидать Мир Мечты, хотя помнила про стирание памяти и души — сделать выбор оказалось нелегко. Но всё это будет после. А пока мы только отправились в путь.

Дорога ждала нелёгкая, я всё думала, зачем Артур собирается идти со мной. Нет, не так.

Одна я бы никогда никуда не добралась в этой непонятном Мире Мечты, но ему-то это зачем? У него нет лишних денег — и такие траты. Как он будет работать? Он вообще работает? Потом я узнала, что он пишет картины, и продаёт их, и живёт только этим. Негусто, что скажешь.

Я хотела спросить напрямую, почему он так помогает мне, но не было момента, не было... как бы это назвать... я не смогла, в общем. Неловко и как-то... Не моё это будто дело. То есть моё, конечно, очень даже моё, ведь речь-то обо мне, но всё казалось, что Артур хочет путешествий, и хочет давно: так горели его глаза, когда он покупал эти консервы, с таким азартом он рассказывал о местах, которые мы посетим, такой он был счастливый, что я не смогла ничего спросить, не хотела спрашивать.

Первым пунктом был тот самый мир Подземных жителей, о котором уже упоминал Артур. Чтобы в него попасть, нужно либо лететь на драконе, либо ехать поездом. Мы, конечно, выбрали первое. Нам попался двухсотлетний дракон с толстой бурой чешуёй и зелёным стреловидным хвостом.

Он оказался болтливым и рассказал, что в компании «Дракон-Сервис» работают, несмотря на название, все крупные и крылатые существа. Их учат общаться с пассажирами и находить нужную дорогу.

Но всё это я слышала вполуха, потому что ветер — его я всегда чувствую особенно сильно, мне даже иногда кажется, что он вот-вот заговорит со мной — ветер бил в лицо, чешуя больно впивалась в кожу, когда я хваталась за неё, чтобы не упасть, а ремни безопасности вообще были такие изношенные, что и смотреть страшно. Но всё-таки полёт был прекрасен: мелькающие остроконечные здания, сочно-зелёные луга с разноцветными вкраплениями — бесполезные факты, как пояснил Артур. Я была то ли волшебницей, то ли ведьмой, парящей над бесконечными просторами, то ли птицей, вольной делать то, что вздумается — я была сама свобода, сама жизнь. Я и сейчас могу восстановить те чувства, и вот я пишу, и снова я там, и снова Артур крепко держит меня, и этот болтливый дракон, и Сириус с высунутым языком, и свист ветра, и всё так хорошо, и так хорошо. И так хорошо.

После нескольких часов мы опустились на «точку распределения», как назвал это Артур.

«Точка распределения» — что-то вроде площадки для приземления драконов. От неё вниз, в самую землю и, кажется, в ад, уходят особые громадные трубы-тоннели. По ним попадают в мир Подземных жителей. По ним отправимся и мы.

Я осторожно подступила к беспросветному жерлу. Шаг — упадёшь до преисподней. В какой-то момент мне даже послышались крики грешников. Я сглотнула и отступила назад.

— Не бойся, — сказал Артур и взял меня за руку. Гавкнул Сириус, переплетая два хвоста между собой. Тоже, видимо, успокаивал.

Я закрыла глаза и села на край. Вдох-выдох. В конце концов, в Мире Мечты не такая гравитация, как на Земле. Я не разобьюсь. Наверное.

Артур подтолкнул меня, и я полетела.

Снова скорость, снова свист в ушах, снова мне так хорошо, будто я вернулась в детство, будто катаюсь на горке, и весь мир передо мной открыт, и он пока не успел схлопнуться в плотную точку тревожных мыслей и забот, из которых, кажется, нет никакого выхода, которые захватят меня вот-вот — но пока я свободна, и я счастлива в этой свободе.

Полёт кончился совсем быстро. Я очутилась на громадной пустынной площади со стеклянно-витражной плиткой, от которой отражался приглушённый свет. Он лился ото всюду, а точнее — из крошечных ламп, которыми усыпан весь мир Подземных жителей.

И снова был ветер.

Он гораздо более живой, чем на Земле, он будто и впрямь понимает меня, и я даже думаю, что однажды он ответит мне. Если я когда-нибудь вернусь в Мир Мечты.

— Видишь вон те «мельницы», — сказал Артур, одной рукой приглаживая волосы и вздыбившуюся шерсть Сириуса, а второй указывая вдаль, где виднелись строения, светившиеся как-то особенно, по-божественному в окружавшем их полумраке. — Они излучают свет за счёт аннигиляции. Это бесконечно красивое зрелище, как-нибудь я покажу тебе «мельницу» изнутри, если нас пустят — вроде бы вышел новый закон, там какие-то секретные вещи, что-то бесконечно занудное от наших чиновников. Но, может, и пропустят.

— Что такое ан-ни-ли-ли-я-ци-я?

— Есть ты, а есть, допустим, твоя противоположность, она совсем другая, она тебе очень неприятна, ведь вы такие разные, но вот вы сталкиваетесь, выделяется огромная сила — тот свет, что мы сейчас видим, — и вы обе исчезаете. Становитесь чистой энергией, таким сгустком энергии, который рассеивается. А здесь так же, но исчезают не души, если верить властям. Хотя, если честно, — тут он стал говорить тише, оглядываясь по сторонам, — ходит много слухов, что сюда-то и ведёт дорога в Пустоту. Здесь проводят казни особым Костром, и свет дают несчастные души.

— Откуда ты всё это знаешь?

Артур вздохнул и потрепал Сириуса по голове — он так часто делал, когда смущался или нервничал.

— Я когда-то был стражем в Библиотеке, где хранится бесконечно много знаний. А я очень хотел знать всё-всё на свете.

Мы пошли по площади и увидели дома местных жителей. Это были до того чудные строения, что я вряд ли смогу их описать, но я всё же попробую. Здания, соединённые друг с другом подвесными мостами, лестницами, какими-то перекладинами, крепятся к стенам

подземелья, напоминая балконы.

Но самое интересное даже не это, а жители: каждый смотрит не в телефон — а они вообще есть в Мире Мечты? — не на друг друга, не в книги — они смотрят исключительно на голограммы, которые здесь повсюду: вместо деревьев, вместо неба — какое же ещё может быть небо в подземном мире? — вместо, мне кажется, даже семьи и собственного отражения. Это какая-то антиутопия воплоти: огромные красные глаза навывкат, по которым разбегаются сеточки капилляров, неестественно вытянутые тонкие пальцы, ужасная осанка, которой меня пугали в детстве, и почему-то удивительная гибкость. Один подземелец, любясь ненастоящим цветком, чуть не наткнулся на «балкон», но удачно выгнул спину и спасся.

Встретили мы и другого прохожего с голубокрылым грифоном, который парил под сводами искусственного неба. И так странно было видеть, как это живое крепкое и красивое существо летит рядом с ненастоящими облаками. Это будто вырезанная картинка, вытянутая на расстояние руки так, что она начинает казаться частью пейзажа. Незнакомец с грифоном так выделялся среди всех сгорбленный потускневших паукообразных созданий своей прямоотой и настойчивым, каким-то уверенным взглядом, что и я, и Артур, и даже Сириус смотрели на них обоим не отрываясь.

Он заметил нас, нервно улыбнулся и подошёл.

Оказался очень разговорчивым. То ли истосковался по беседам — тут вряд ли кто-то с кем-то говорит, — то ли просто мы ему понравились, но мы узнали, что его зовут Хэйдэн Мэлибуд, живёт он здесь с раннего детства, хотя его корни уходят к горцам. Он попросился с нами, когда узнал, что мы отправляемся на Гору.

Да, я совсем забыла: Дерево находится в особом Саду, а к нему лежит долгий путь и через мир Подземных жителей, и через горы.

После небольшого перекуса мы полетели туда на крылатом питомце Хэйдена. Так и быстрее, и дешевле. Уже в дороге Артур шепнул мне, чтобы я не говорила ничего лишнего, потому что ему Мэлибуд не нравится. Как это связано, я не поняла. Решила, что просто ревнует.

Глава 10. Дневник (Путь до горы)

Полёт на грифоне почти такой же, как и на драконах. Та же сила, свобода и бесконечные, как говорит Артур де Вильбург, просторы. В этом движении, наверное, и заключается моё счастье — мчать и мчать вперёд и вверх.

— Видите ли, — сказал Хэйден, и я прислушалась, — я всегда хотел побывать на этой Горе, но никак не решался.

— А почему? — спросила я.

— Да как сказать... Видите ли, то времени не было, то... Я бы и сейчас не полетел: грифона обещали забрать, если я так и не найду нормальную работу. Он ведь благородное создание, таких нельзя держать кому попало.

Похоже, Хэйден Мэлибуд собирался излить нам душу. Вникать не было никакого желания, но такова, видно, плата за полёт.

— Кем же вы работаете? — поинтересовался Артур.

Хэйден тяжело вздохнул. Большая тема. Но зачем тогда вообще начал? Или в нём накопилось столько, что он готов рассказать всё посторонним людям? Не людям, конечно, ведь здесь лишь я человек — а кто тогда Артур и Хэйден? Они так похожи на нас: нет никаких перьев или крыльев, никаких чрезмерно длинных или коротких конечностей — ничего странного в них нет.

Надо было узнать тогда. Но я не узнала.

— Видите ли, кем только я не был: и пещерные лампы чистил, и туннели продувал, и наши «мельницы» чинил... Много я перепробовал, но постоянную работу так и не нашёл.

— Почему бы вам не устроиться в «Дракон-Сервис»? Много моих знакомых трудится у них на благо Мира Мечты, — продолжал Артур де Вильбург слишком светским, даже чиновничьим тоном, какого я от него ещё не слышала. Интересно, почему он так говорил? Ему не нравился Мэлибуд, и он выстраивал меж собой и ним эту стену из словоплетений?

— Что вы! Это же крупная компания. Она принадлежит хранителям, разве туда возьмут меня? Я, видите ли, имею лишь начальное образование.

— Почему же не учитесь дальше? — спросила я и тут же пожалела об этом.

— Видите ли, для этого нужно много денег, вы разве не в курсе? — он удивлённо обернулся на меня.

Конечно же нет. Откуда мне быть в курсе?

— Знаете... мне казалось, что в Мире Мечты всё как-то проще... Он ведь даже называется...

Артур многозначительно посмотрел мне прямо в глаза, и я осеклась. Хэйден лишь вздохнул. Дальше летели молча.

Внизу простирались всё те же цветистые луга. Артур сказал, что каждая травинка, каждый лепесток — это что-то позабытое. Если кто-нибудь вспомнит о нём, то растение исчезнет, воротится в чьё-то сознание. Но под нами было до того много бесконечных равнин, усеянных прахом чужой памяти, что мне казалось, будто все на свете только и делают, что забывают, и никто уже ничего не помнит и никогда не вспомнит.

Голубокрылый грифон приземлился на вершине Горы, так что нам не пришлось залезать на неё самим.

И воздух благоухал умиротворением, и ветер шептал о чём-то до того прекрасном, что я могла лишь внимать ему и ни о чём не думать.

А вокруг тянулись бесконечные поля из забытых мыслей, событий, очередных незнакомых лиц, случайных и ни к чему не приведших встреч — целые луга похороненных образов колыхались на лёгком ветру и что-то напевали мне золотистым голосом полуфлейты-полусна, и свежесть наполняла изнутри, и я словно сама становилась чьим-то заброшенным, вытесненным сумятицей и буднями воспоминанием. И я могла ступить в эти поля, прыгнуть в них вот прямо с этой самой Горы и утонуть в их шелковистости и песне, и быть единой с Миром Мечты. Быть позабытой его частью, но всё же неотъемлемой частью.

Меня окликнул Артур. Я обернулась и увидела, что совсем рядом с ним неподвижно стоит мужчина в длинном тёмном одеянии с рукавами, которые расшиты красным орнаментом, в чёрной остроносой маске, подобной то ли голове птеродактиля, то ли клюву громадной птицы, то ли маске чумного доктора.

Артур взял меня за руку и подвёл к нему. Было страшно и как-то странно глядеть на стража — так его называли, — и особенно на дикую маску, где вместо глаз — прорези, где эта острая верхушка-шпиль тянется к небу, грозя проткнуть его, как воздушный шарик, и тогда небосвод сдуется и опадёт на нас, и раздавит своей тяжестью. Не хотелось видеть и этот острый, лезвиеподобный низ маски, доходивший до самой грудной клетки, если она у стража, конечно, вообще есть.

Неужели и Артур выглядел так, работая в Библиотеке стражем?

Я бы, наверно, убежала как можно дальше, но де Вильбург крепко держал мою руку, и от этого тепло и покой разливались внутри, как когда он открыл музыкальную шкатулку.

Обменялись короткими фразами на непонятном языке. Хэйден тоже что-то сказал. Страж кивнул и потянулся к моей голове. Я отпрянула бы, но Артур стоял неподвижно и как-то монументально, будто превратился в памятник.

— Не бойся, — тихо сказал он, и тут страж коснулся моего лба.

Земля разверзлась подо мной, и я одновременно полетела вниз и вверх, но меня не разрывало на части, просто верх и низ постоянно менялись местами, и я то падала, то взлетала, то ныряла в какие-то глубокие воды, то задыхалась на невысказанных высотах, порывы пытаясь вдохнуть там, где нет для меня воздуха. Подбрасывало, переворачивало, почти что выворачивало наизнанку, грозя уничтожить моё хрупкое сознание, лишит меня рассудка, но не было больно. Страх, круговерть, безумные скачущие в дикой пляске огни вокруг — было всё это, но не боль. Что-то укрывало меня от ужаса, что-то берегло, что-то заботливо не давало пасть духом и утонуть — увидеть бы его, — и вот наконец оно вырвало меня из плена и вынесло на берег полной темноты.

Глава 11. Немного о Мире Мечты

Весь мир вмещался в улочку, по которой мы ступали. В наши переплетённые пальцы, касавшиеся каждого отдалённого уголка души, в долгожданный поцелуй, в тихий шёпот с признаниями и глупостями, которые казались обоим не просто важными, а сокровенными. И каждое слово было подобно листку или плоду с раскидистого дерева, что тянет свои ветви из глубины веков, что мириады лет стремится вверх, к самым небесам, тем самым приближая нас к возвышенному, давая нам возможность хоть на миг стать богами, позволяя окупиться в чистейшие озёра благодати и счастья, и имя этому дереву — Любовь.

Мы шли, и нечего не существовало, кроме нас. Ничто и не должно было и не могло существовать, ведь было главное, а на его фоне меркнет всё остальное.

Мы устроились на скамеечке с витиеватой спинкой.

Когда закрывали глаза, весь мир исчезал окончательно, и оставались лишь губы и сбившееся дыхание. И удары током от прикосновений. И молчаливое счастье.

И было как-то неловко и странно от того, что мы переменились и вроде как чужие друг другу, но одновременно с этим — связанные нитями, которые кажутся до того крепкими, что хоть ступай по одной такой ниточке-паутинке за самый горизонт, и она не порвётся. Но так ли это на самом деле? Что делали мы, пока были бесконечно далеко друг от друга? Что бы предприняли, не встретиться снова?

«Он мне совсем чужой, — думала я, касаясь щеки, покрытой жёсткой щетиной, — я его не знаю и никогда не знала, да и можно ли узнать кого-то — да хоть себя саму — по-настоящему? Так, чтобы проникнуть в каждый тёмный угол внутреннего мира, где таятся бесы и страхи, так, чтобы осветить их всех и изничтожить своим собственным светом, которого для исцеления себя всё равно недостаточно, а вот для другого — в самый раз, ведь если отдать кому-то, то оно приумножится, оно вырастет, и крошечный огонёк моего света разгорится в лучистое солнцеподобное пульсирующее нечто. Нечто... Нет, не то слово. В пульсирующее великолепие, в... Нет такого слова, не подобрать мне его, но я чувствую, что это так».

И я знала, что Артур почти что вторил моим мыслям, перебирая пряди, пахнувшие совсем не так, как он помнил. Наверняка думал: «Она другая, и смотреть на неё можно иначе, не как на ребёнка, и целовать её можно, и даже я думаю теперь совсем не так, как прежде, как привык за этот год. Но что же должна чувствовать она, для которой прошло в девять раз больше времени, которая провела огромную часть своей жизни вдалеке от меня, которая совсем переменилась, словно художник сменил палитру. Нет, не цвета и даже не оттенки, но поменял краски на другую фирму, и всё вроде бы то же, но совсем иное. Любит ли она то же, что и тогда? А что она любила тогда, будучи почти ребёнком? Что нравилось мне самому? Уже не помню. Утекло бесконечно много воды, и не войти в ту реку, и унесла она с собою часть моих воспоминаний и засеяла ими бесконечные луга и поля, над которыми парят драконы, неся на себе путников, и странники эти уже не мы... Та ли это вода, что стирает людскую память на входе в Мир Мечты?»

Мы словно незнакомцы, которые виделись когда-то давным-давно или знали друг друга в прошлых жизнях. «Быть может, так оно и есть», — наверняка думал Артур, вдыхая цветочный аромат волос.

— Знаешь, я решила остаться навсегда, — тихо сказала я. — Я пришла для этого.

— Значит, на Земле ты... — Артур запнулся и сделал движение, чтобы потрепать Сириуса по голове, ведь это всегда его успокаивало, но пса больше не было. — Теперь тебя там нет?

Я улыбнулась.

— Иначе как бы я попала сюда?

Артур посмотрел на меня. В его зрачках я увидела своё отражение. Я почти такая же, но при этом всё совсем другое. Те же глаза — но глядят упрямей и уверенней; те же губы — но они другие, они будто мягче и ярче, хотя, быть может, это так падает свет; те же черты лица — но оно острее и взрослее, нет той округлости щёк, нет той совсем юной кожи. Всё так, но всё бесконечно переменилось, и ему уже самому неясно, кого из двух он любит сильнее.

Отчего я угадываю его мысли? Оттого ли, что всегда их ощущала?

— Но ведь ты мало знаешь о Мире Мечты. Это был очень смелый шаг. Я бы вряд ли смог, если честно.

— Ты мне расскажешь, а я поведаю тебе всё, что случилось со мной за эти девять лет, — я положила голову на его плечо и прикрыла глаза. Перебирала его пальцы и говорила: — На Земле было слишком одиноко. От этого я даже пыталась писать книги, но получалась одна глупость. Знаешь, я ведь думала, что если отдам все воспоминания в повесть, я смогу жить нормально, как все другие девочки. Но не помогло. Я почти каждую ночь видела Мир Мечты и тебя, я постоянно думала о том, как тут у вас всё, я представляла себя то на карнавале, то у Древа, то вспоминала Пещеру Тайн, то переносилась к морю Надежды, то летала на драконах — словом, я жила здесь, находясь на Земле. Мне говорили, что я рассеянная, что вечно считаю ворон, а я считала дни, месяцы, годы, прошедшие после моего возвращения. Но это неправильное слово. Не возвращения, а после ухода. Вернулась я сейчас, вот теперь я там, где должна быть.

А ещё я пела. Я даже заплатила за чай пением. Знаешь, я сочиняла это все годы, я каждый день напевала тихо-тихо, чтобы никто не услышал и не узнал мой секрет. Я же когда попала обратно, я же никому ничего не рассказала. И дневник прятала под стопками тетрадей, и сказала, что кулон твой нашла на берегу, что понравился, вот я и подобрала. Но это почти правда. Он на берегу был рядом со мной, когда я очнулась. А ещё я когда пела, я будто взлетала сюда, в Мир Мечты, и я будто была рядом с тобой, и во снах тоже была. А ты чувствовал меня?

— Я чувствовал тебя, когда писал картины. Каждый раз ты словно стояла за спиной и водила моей кистью, но стоило обернуться, как всё исчезало, и я оставался один. Искусство связывало нас на бесконечных расстояниях. Оно, как и любовь, имеет нездешнюю, божественную природу.

— Я понимаю.

И мы снова молчали. Я думала о том, что такое божественное начало, что оно, должно быть, заключено во всём, возносящем нас над суетными делами. Оно наверняка есть и во мне.

С кем ещё я могу говорить о таком? Кто понял бы меня? На Земле, среди людей, я не встретила никого подобного Артуру де Вильбургу.

— А ещё этот год мне казался вечностью, даже бесконечностью без конца и без края. А самое страшное, что без смысла, если бы я не ждал тебя.

— Правда? Знаешь, звучит как признание.

— Может быть, это оно и есть.

Я улыбнулась и опустила глаза. Сколько я представляла себе эту сцену? Сколько пыталась описать её в книге? И всякий раз вздыхала с мыслью, что это глупо, что Артур никогда не скажет мне таких слов. А вот сказал. Что ещё я не знаю о нём? А о здешних краях? Что вообще мне известно?

— Расскажи о Мире Мечты то, чего я не знаю.

— В Мире Мечты живут те, которые рождаются уже в нём, и те, которые попадают в него. Если здесь оказывается человеческий неродившийся ребёнок или создание появляется уже в Мире Мечты (это ангелы, потомственные горцы, жители Подземного мира и другие, ты их много раз видела), то они остаются здесь навсегда. Но не так давно у нас началось что-то вроде перенаселения. И теперь тех, кто живёт пятьсот лет, отправляют на Землю или другие планеты на два жизненных оборота. С преступниками всё так же, но для них не ждут пятьсот лет. Просто отсылают на острова и возвращают через определённый срок. Тебе ещё не наскучило?

— Нет, мне интересно, — сказала я, удобнее устраиваясь рядом с Артуром. Как давно я хотела положить вот так голову. Как долго я не могла держаться с ним за руки. Как мучительно, болезненно долго...

— Когда сюда попадает душа, она проходит через воды священной реки (например, в облаках), забывает свою прежнюю жизнь — почему ты помнишь, я до сих пор не понимаю — и «отдыхает» в Мире Мечты несколько лет, работая на общее благо. Затем снова запускается в круг жизни и смерти. Проживая пятьсот лет без «отдыха», душа получает те же права, что и родившиеся в Мире Мечты. С животными всё примерно так же, но вместо пятисот лет — семьдесят шесть. Кстати, стареем мы в девять раз медленнее, чем люди, но это ты уже, наверно, и так поняла.

Значит, мы теперь примерно одного возраста? Значит, теперь нет той непреодолимой границы, из-за которой я была для тебя ребёнком. Значит, ничто нам не мешает.

Я ещё ничего не успела ответить, как словно из-под земли явился Хэйдэн Мэлибуд. Мы вздрогнули от неожиданности.

— Сколько не виделись! — Он улыбнулся и обнимал то меня, то Артура.

— Один год, — недовольно ответил де Вильбург, когда Хэйдэн наконец успокоился и сел рядом.

— Идёте на встречу тумана? Этой ночью. Праздник, — отрывисто сказал он, нервно подёргивая ногой. Раньше он тоже так делал?

— Какого тумана? — спросила я.

— Год прошёл, а ты всё такая же! И любопытная, и как будто ничего не знаешь. Хотя... мне кажется, у тебя увеличился рост. И ещё что-то не так... — он внимательно посмотрел на меня, но, должно быть, так и не понял, что именно изменилось за девять земных лет, поскольку обратился к Артуру: — Так придёте? Говорят, будет интересно.

— Может быть.

— Тогда встретимся там. Ровно в десять, не опаздывайте, — Хэйдэн театрально поклонился и умчался, несколько раз споткнувшись.

— Он всегда такой был?

Артур пожал плечами.

— Идём, — сказал он, вставая. — В гостиницу, — добавил он и обнял.

Глава 12. Дневник (В лабиринтах Библиотеки)

Темно и тихо, словно я в чреве земли, погребённая под тяжёлыми слоями почвы, поверх которой растут цветы и травы, а я стою вот здесь, в глубокой могиле, не то человек, не то мертвец, не то призрак. И лишь вдохи и выдохи говорят мне, что я ещё жива. Это неправильное слово, ведь на самом деле в Мире Мечты нет ни живых, ни мёртвых — здесь лишь души, которые тоже притягиваются силой тяготения, но они всё же иные. Не могу этого объяснить, ну а тогда, стоя в густом мраке, я и вовсе об этом не думала: я лишь впивалась ногтями в ладони, чтобы болью унять страх.

Когда глаза привыкли ко тьме, я разглядела ряды стеллажей, которые до бесконечности возвышались и убегали в незримую даль и глубину места, которое, как я потом узнала, зовётся Библиотекой.

Здесь были мириады книг, и каждая манила своим кожаным или тканым переплётом, драгоценной инкрустацией, золотистыми сияющими буквами незнакомых мне языков. Я не знала, какой коснуться, какую мне перелистнуть, какой запах краски или чернил — а были и рукописи — мне вдохнуть. Я водила пальцами по полкам, пока на задела один фолиант, и тут меня отбросило.

Явилось нечто вроде видения.

Ослепляющее пятно, пронзающий тонкими иглами крик чаек, далёкий полосатый маяк, подобный тому, у которого я рассталась с моим родным миром. Я увидела это за один миг, пока не прикрыла глаза рукой, и тогда всё исчезло, и снова явилась тихая Библиотека, и снова темнота, в которой не разглядеть собственных пальцев.

Я решила, что сошла с ума. Что вообще давно сошла, что, наверно, лежу сейчас в больнице или брожу по берегу с камнями в рюкзаке, который остался там, на Земле, и бормочу, и творю какие-то безумства, а меня или уже поймали и привязали, чтоб не сбежала, или только ловят.

Сколько прошло времени? Я не знала. Ищет ли меня мама? Нужна ли я хоть кому-то? Выберусь ли я из своих безумных видений или нескончаемого сна? Я ничего не знала.

Следующая книга привела меня в лес. Мимо пронеслась девушка-призрак в сиреновом подвенечном платье. Пробрела художница с кистью в одной руке и хлебными крошками в другой. Незнакомка кормила птиц, а рядом с ней сидел какой-то мужчина во фраке. Нелепость. Кто носит фрак в лесу? Зачем он там? Зачем я там?

Потом были динозавры. Были ожившие деревья, говорящие горы и золотые орлы, была королева, ступающая босиком по ледяному царству, была гадалка в захудалой комнатке, где было душно и пахло свечами и горелыми травами. Вот интересно, видели ли они меня? Нет, кажется. Я словно незримый наблюдатель, словно сам Бог, который глядит на всё через стекло, прозрачное в одном только направлении.

Я была лишь зрителем, и вот тогда, наверно, мне и захотелось стать писателем, чтобы не просто смотреть на другие миры, как я всегда делала, читая книги, но и творить их и быть самой подобной Богу.

После десятка миров я убедилась, что каждая книга вела в определённое место, которым можно было неподвижно любоваться: всякое движение снова относило меня к полкам Библиотеки.

Я не знаю, сколько блуждала в лабиринтах стеллажей и завораживающих миров. Я

побывала везде, куда только дотянулась, увидела десятки цивилизаций, тысячи лиц, бесконечное множество существ. Когда я уже насытилась этим и утомилась, я заметила книгу с переливчатым камнем на переплёте. Я подумала, в ней точно есть что-то интересное, и не ошиблась. Стоило коснуться её, как меня не оттолкнуло, а втянуло внутрь, словно я была жидкостью, которую кто-то пил из трубочки, а трубочка эта — буквы фолианта, наделённые магической силой своего автора-Творца.

Стараясь не шевелиться, я открыла глаза и увидела Артура. Его добрую улыбку и потрёпанный цилиндр, который он теребил в руках. Рядом, помахивая хвостом, стоял Сириус.

Я огляделась. Высокие стены, усыпанные разноцветными звёздами-огоньками, убегали вверх и замыкались сводами на неведомых высотах. Тишина окутывала нас, и только изредка где-то капала вода.

— Где мы? — спросила я.

— В Пещере Тайн, — сказал Артур, и голос его разнёсся по огромному пространству, соприкоснувшись со стенами и вернулся к нам эхом.

Глава 13. В гостинице

Та самая гостиница, где я ночевала когда-то. Те же круглые столики внизу и плетёные кресла с мягкими подушками, та же сердитая женщина у стойки, те же смущение и робость, но на этот раз всё будет по-настоящему.

Не пустые мечты, не томительные жаркие сновидения, от которых просыпаешься с колотящимся в груди сердцем и от которых тебе и неловко, и прекрасно, и так хочется, чтобы они стали реальностью. Вот теперь и станут. Как долго я ждала. Как же болезненно долгожданно всё это.

— На сутки, — говорит Артур и протягивает деньги. Здесь не откупишься песнями и картинами.

«Интересно, как он теперь зарабатывает?» — мелькнула у меня мысль, пока мы поднимались, но тут же улетучилась, стоило Артуру взять меня за руку.

Всегда холодная ладонь. Ей немало доставалось от ногтей, вонзавшихся от безысходности или от злобы на себя — теперь эту самую ладонь целуют мягкие губы, и кожу обжигает горячим дыханием. Оно поднимается к запястью с тонкими венами, проходится по внутренней стороне локтя, ключице, задерживается на шее.

Но мы идём дальше по коридорчику, сворачиваем в номер и запираем дверь. Хочется броситься на него сей же миг. Но я сдерживаюсь. Пусть проявит свою силу, пусть он начнёт.

Разглядываю пока торшер. Кружевной абажур, а под ним — что-то вроде лампочки. Наверно, тоже надо говорить какой-нибудь факт, чтобы он заработал.

Интересно, долго ещё ждать? Я начинаю нервно водить рукой по торшеру и вдруг замираю, когда Артур наконец обнимает меня со спины. И вот чувственные, мягкие, но настойчивые, чуть щекотные прикосновения, от которых мириады мурашек волной пробегают к кончикам пальцев ног.

Я обнимаю его в ответ. Прижимаюсь близко-близко.

А перед закрытыми глазами зияет томное небытие, и мысли куда-то уплывают, и остаётся лишь непередаваемое блаженство. И пусть оно длится вечно, и пусть пока его губы не отделяются от моих, и пусть весь мир замирает в этом ожидании, в этой неге, как застыли сейчас мы оба — пускай.

Впрочем, это ведь ещё только предощущение, предвкушение. Обещание большего.

— Я скучал, — коротко и тихо говорит Артур, мой Артур де Вильбург, мой милый, любимый Артур. Он подхватывает меня на руки и несёт к кровати с бахромчатым покрывалом.

И эти два слова пронзают меня насквозь и отдаются в каждой клеточке, и мурашек ещё больше, и я точно знаю, что в эту фразу вложена вся его боль от разлуки, все сомнения, все томления, и от этого каждое прикосновение отзывается всё сильнее и сильнее, и я отвечаю ему тем же.

Целую в ответ. Провожу пальцами по позвоночнику, опускаясь всё ниже и ниже, вкладывая в это все долгие бессонные ночи, все беспокойные мысли о том, нужна ли ему, помнит ли он меня.

Помнит. Теперь нет сомнений. Теперь можно забыться и окунуться в бездонное море чувств и плыть на волнах, погружаясь всё глубже и глубже, на время отдаваясь воле его.

Глава 14. Западня

Бесконечное подобие, повторение и невозможность предсказать, что же случится дальше.

Дежавю — вот что преследовало меня. Всё припоминались чужаковатые объяснения этого неприятного, смутного, странного чувства. Виделись мои другие «я» в иных мирах, которых огромное множество, ведь если малейший поступок, каждый выбор способен привести нас в разные места, то их должно быть бесконечно много. Или нет? Или они всё равно все сходятся в одной точке? Но в какой? Куда ведёт вся наша жизнь и послежизние?

Я не знала и представляла себя то нищей, то богачкой, то принцессой, то ведьмой, то ужасно несчастной или напротив — парящей на седьмом небе, но всё-таки ближе всех мне была та версия, к которой я и принадлежала.

Я продолжала думать обо всём этом, держа Артура под руку и постоянно оступаясь, потому что неотрывно вертела головой, припоминая то лица разряженных существ, то их наряды, то музыку, то пение гаргулий в свадебных платьях. Проходившие мимо старались отойти как можно дальше, лишь бы не слышать их высокие ноты.

— Помнишь это место? — Артур показал на столик, где мы когда-то с ним ели.

— Конечно! Здесь, во время салюта, ты подарил мне кулон, — громко ответила я, стараясь перекрычать певиц. — Знаешь, это ведь он помог мне вернуться, помог продолжать верить в то, что Мир Мечты есть на самом деле, а не приснился или причудился мне.

Артур кончиком пальца тронул украшение и улыбнулся. Средневековые создания наконец умолкли, и вдруг лицо Артура де Вильбурга переменилось.

— Если я ничего не путаю, — медленно начал он, глядя в одну точку, — то эту скамейку убрали почти сразу после карнавала, — Артур немного помолчал, а затем сказал совсем тихо, почти касаясь губами моего уха, отчего побежали мурашки: — Мне кажется, что сейчас мы не на праздновании ночи и даже не в Мире Мечты. Всё выглядит так, словно нас занесло в место, как бы скопированное со дня того карнавала.

— Как это? — прошептала я, чувствуя неприятный озноб на спине.

— Смотри. Выступают те же артисты.

— Гаргулий не было.

— Были, я помню.

— Скамейка, которую убрали, стоит.

— Её могли вернуть.

— Допустим. Но а где Мэлибуд? Ведь это он позвал нас.

— Может, задерживается. И почему Хэйден тебе никогда не нравился?

— Он не так прост, как кажется, он бесконечно много темнит, — по-прежнему тихо сказал Артур.

— Ты ревнуешь к нему?

— С какой стати?

Я вздохнула и поднялась. Действительно. С какой стати я взяла это? С чего я вообще всё это себе надумала? Да, глупо. Опять я глупа, опять я вонзаю ногти в ладони, чтобы хоть как-то утихомирить боль. Обмануться своими же иллюзиями, утонуть в собственных домыслах — это обо мне. Ещё как обо мне. Думать и думать вот так, идя по тонкому краю, по тропке вдоль обрыва, что ведёт, как я верю и ошибаюсь в этой вере, к небесам — а потом срываться

в бездну реальности. Больно ударяться, а после писать об этом в книгах. Да, в этом вся я.

— Так ты думаешь, что это настоящая ночь тумана?

— Тебе виднее, — бросила я, идя быстрее, чем следовало бы, чтобы не привлекать ничьего внимания. Но никто, казалось и не замечал нас: трёхкрылое создание промчалось над самой моей головой, так что пришлось нагнуться.

— Ты как будто обиделась.

— Нет.

— Мира, — он взял меня за руку и притянул к себе, — извини, если я сказал что-то не то.

— Я, видимо, многое додумала. Мне казалось...

— Что?

— Неважно. Просто не надо было давать мне надежду. Ты просто использовал меня. А я возвращалась сюда, думая, что... Что ты...

Ком в горле не дал мне договорить, и я отвернула голову, чтобы не смотреть в ненавистные теперь глаза де Вильбурга. Вокруг становилось неестественно тихо, словно все вокруг подслушивали нас, не показывая виду, но мне не было до того ни малейшего дела.

— Но так и есть, я же... — медленно начал Артур.

— Не надо врать! Я всё поняла. Это мои выдумки, мои проблемы, мои разочарования. Знаешь, я, наверно, вообще зря сюда вернулась.

Де Вильбург глубоко вздохнул и собрался что-то сказать, но вдруг всё переменялось. Цвета стали блекнуть так, словно кто-то не спеша невидимой пипеткой вытягивал из мира весь пигмент, затем чужая рука приглушила звуки, плавно поворачивая рычажок с громкостью, пока она не исчезла совсем.

Теперь мы могли видеть лишь друг друга на белёсом фоне и слышать наше дыхание. Больше ничто не существовало. Я вмиг позабыла все обиды, мы схватились за руки, чтобы убежать, чтобы самим не исчезнуть, чтобы хоть кто-то был настоящим в этом безумном выдуманном месте. И мы помчались.

Но белизна вокруг стала рассыпаться на мозаичные куски и выскальзывать из-под ног, и пальцы как ни старались — не могли удержать любимую руку.

И всё же я знала, что мы ещё увидимся. Совсем скоро. Когда станем сильнее.

Глава 15. Дневник (Пещера Тайн)

— Ты была в Библиотеке, где я когда-то работал, — тут Артур вздохнул, — в мире бесконечных книжных историй, в месте, где проверяют путников, желающих войти в Пещеру Тайн. И оттуда лишь один выход: доказать, что ты не затеваешь ничего дурного.

Если честно, я так и не поняла, как именно это надо доказывать, но уточнять не стала. Среди темноты, после стольких впечатлений моё любопытство поубавилось. Я всё больше воспринимала, почти не пытаюсь ни в чём разобраться.

— Хэйден что-то замышляет?

— Кто знает, но его до сих пор нет. Пойдём, мы не можем ждать его бесконечно.

— А где Сириус? Он тоже остался там?

— Нет, он у стража. Животным нельзя в Библиотеку.

Я хотела спросить, почему нельзя, ведь они всё равно не умеют читать и, значит, никуда не попадут. Или могут испортить книги? Но ведь и люди — то есть миряне, так они себя называют — тоже могут. Или нет? Или фолианты сами себя защитят? Ведь стоит их коснуться, как окунёшься в неведомые края, кому придёт в голову портить такие сокровища? В конце концов я решила, что вопросов слишком много, ответов, значит, будет не меньше, а я их уже не осилю.

И раз Артур говорит, что нельзя, то так оно и есть. Вряд ли бы он просто расстался с Сириусом. Он, мне кажется, лучший его друг. Он, я думаю, вообще единственный, кто есть у Артура.

Вдруг мне стало как-то грустно. Совсем одинокий, ходит везде с двухвостой собакой. У него, наверное, и девушки нет. Но это даже к лучшему.

Пока я думала, Артур пошёл вперёд по каменистому полу. Шаги гулко отзывались эхом. Я догнала его. Чем дальше мы продвигались, тем ярче становились пульсирующие звёзды на стенах.

Мы словно попали на ночные небеса, словно ступали по каменному лабиринту меж звёзд, меж созвездий, меж проходов в иные миры, которые в полутьме чудились мне и слева, и справа, словно мы стали кем-то, кто способен бывать и выбирать меж этих сотен миров тот, который нужен именно сейчас.

— Это камни желаний, — сказал Артур, и слова его разбили картинку, волшебства стало чуть меньше. — Каждый отражает чью-то мечту. Те, которые сбываются, перестают мерцать.

— Почему?

— Когда кто-то добивается своего, он теряет то усердие, которое двигало к цели.

Я не совсем поняла.

— Знаешь, а почему нельзя сначала достичь чего-то одного, потом другого, третьего, десятого, сотого? Разве не все так делают?

Он засмеялся, и эхо повторило этот какой-то печальный, почти безнадежным смех. Стало не по себе. Я ведь Артура совсем не знаю. Куда он ведёт меня? Куда подевался Хэйден? Почему он смеётся, если ему грустно?

— Можно. Даже нужно. Но дело не в этом. Ты наверняка знаешь таких, которые из кожи вон лезут, чтобы прийти к мечте, а потом ничего не делают. Они считают, что то, чего добились, будет рядом бесконечно долго. Я и сам был таким. Я так хотел быть стражем, я

стал, а потом... Смотри, — он показал на чёрную точку в стене, — этот камень только погас и сразу же обуглился. Значит, желание не сделало счастливым того, кто мечтал. А этот, соседний, перестал пульсировать и теперь сияет: кто-то добился чего-то очень для него важного. И, быть может, он даже счастлив.

— А те, которые мерцают, ещё не сбылись? — спросила я, трогая тёплый камень чьего-то желания. Он переливался красновато-оранжевым светом, на мгновение гас и снова начинал сиять.

— Верно. И некоторым это не суждено.

— Слишком сложно?

— Кому-то достаточно лишь мечты, чтобы быть счастливым.

Продвигаясь дальше, мы вышли к просторному гроту с дверями: деревянные узорчатые и резные, словно старые наличники; гладкие блестящие металлические; покрытые изящными ледяными узорами и даже полуобгоревшие.

Артур пояснил, что они ведут в разные края, но после того случая с людьми, которые хотели вывезти из Мира Мечты камни, путь открывается лишь в один конец.

— Раньше эта дверь, — Он указал на ту, которая была заколочена и лишена ручки, — открывала дорогу в твой мир, Но теперь на Землю нельзя попасть так просто.

Он показывал мне и другие двери, и все они вели в невероятные места: в сад изобретений, озеро грёз, музей книжных историй... Хотелось войти в каждую, побывать во всех этих местах, но Артур сказал, что нельзя. Нельзя даже стоять. Надо идти, ведь неизвестно, почему пропал Хэйдэн и понял ли он, что я человек.

— Если догадался, тебе опасно быть в Мире Мечты.

Я хотела начать спорить, оправдывать Мэлибуда, но не стала. В глубине души я была согласна с Артуром.

Мы подошли к деревянной двери, на которой спиралью прорастали цветы и травы. Они закручивались, а отростки убегали в стороны. Артур потянул ручку на себя. Дверь медленно заскрипела, чуть приоткрылась. Подул ветер.

Глава 16. Артур. Пленник

Звон. Бесконечно громкий и долгий звон. Он исходит то ли снаружи, то сочится из собственной души, заволакивая всё вокруг и давя своей непрерывностью, грозя уничтожить, словно букашку под чьей-то подошвой.

За звоном является белая почти пустая комната. Обитые жёстким холодным металлом — он чувствует это затылком — стены, неудобный стул, на котором Артур сидит, и слишком сухой воздух, раздирающий горло.

Он поднял руки — не связаны. Уже хорошо.

Артур встал, и сквозь звон в ушах различил чей-то голос. Он скрежетал, был словно таким же металлическим и холодным, как и стены, он лился из каждого шва, и говорил он так: «Житель Мира Мечты, вы арестованы за несоблюдение статьи Антензианского кодекса номер две тысячи один, запрещающей несанкционированное пребывание человеческих душ в Мире Мечты. Вы дважды не сообщили нам о нарушителе, из-за чего мы вынуждены отправить вас на исправительные работы на одну из планет на пятьдесят четыре года посредством перевоплощения в смертного, которое сопровождается полной утратой памяти. Данное решение принято Советом единогласно и апелляции не подлежит».

Тут монотонный голос исчез. Артур остался один на один со своими мыслями.

«Я ведь знал, что так случится, — думал он, расхаживая от одной стены к другой и сжимая в руке хронометр. — Я ведь знал это ещё тогда, ещё год назад я боялся за неё, я боялся вести её по всем этим бесконечным мирам. И этот Хэйден, и тот случай с Библиотекой. Идиот! — Он ударил кулаком по стене, и боль чуть отрезвила его. — Но что мне делать? Надо было повернуть всё так, будто она ничего не помнит. Но теперь Мира точно всё забудет и вернётся на Землю...»

Снова раздался тот же ледяной голос, который словно отвечал на мысли Артура де Вильбурга: «По решению Совета мы направили нарушительницу в Министерство распределения. Там она войдёт в новый круг, — говоривший помолчал, а потом, когда что-то громко заскрежетало, тихо добавил: — Она проживёт восемьдесят лет. Это немало для людей».

— Нет! — закричал Артур и со всей силы ударил плечом в дверь, но та и не думала открываться.

Он заперт здесь. Пока её ведут почти что на казнь. Он бьётся о стены и дверь, а она, быть может, уже сейчас забывает всё и о себе, и о нём, и о Мире Мечты, и о Земле, и вообще обо всём на свете. Он бесполезен, а она беспомощна. И ничего Артур не может поделать, и это больней всего, и это рвёт его изнутри на мелкие кусочки, и некуда их выплеснуть: нет ни холста, ни красок, нет даже Сириуса, чтобы потрепать его по пушистой голове — нет ничего. Тотальное одиночество, тотальная несвобода. Пустота. Дорога в никуда, где исчезает сознание, а душа распадется на частички, и никакой больше реинкарнации, никакой больше жизни ни в каком виде.

Да, сейчас он бы хотел исчезнуть в бесконечно хаотичном движении атомов, обратиться потоком несущегося света, стать свободным и невесомым, а не сидеть вот здесь взаперти.

И в груди что-то сжималось в плотный, в какой-то вязкий давящий комок, от которого никак не избавиться, который остаётся лишь принять, позволив ему заполнить всё твоё существо, сжать в крошечную беспокойно пульсирующую точку, в суетящийся сгусток

чистой жизненной силы, и когда света уже почти не останется, боль прольётся разноцветными слезами на холст, и благодарность за испытание сделает свободным и исцелённым.

Но это после. А сейчас, когда отчаяние затапливает и не даёт сделать ни вдоха, когда Артур готов рвать на себе волосы от безысходности и громадной вины, когда он мечется в запертой комнате, он не думает об исцелении.

Но вот дверь заскрипела, медленно открываясь и впуская столб света. Артур зажмурился и закрыл глаза рукой.

Глава 17. Хэйден. Воспоминания

Глубоко вдохнул, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Тихо постучал.

Сколько уже раз он вот так стоял перед этой дверью, обитой чёрной кожей? Сколько боялся перешагнуть этот порог? Сколько сдерживал страх в голосе, сколько радовался, что Хранитель не видит его испуганного лица из-под чёрной маски с корявым клювом? Сколько? Он уже не помнил. Слишком много, слишком часто, слишком. Бесконечно, как сказал бы Артур, но его здесь нет.

«Он бы не трусил так, — подумал Хэйден. — Он бы уже давно стоял перед Хранителем. Хотя нет. Он бы вообще здесь не оказался. Он бы сразу отказал. А я? Что помешало мне?»

— Входи, — сказали из-за двери, и Хэйден вошёл.

Всё тот же кабинет. Тот же ковёр под ногами, на который и наступить-то страшно: испачкаешь. Те же книжные шкафы по периметру. А в центре громадный стол с бумагами и папками, но главное — возвышающийся надо всем этим Хранитель в золотой маске, из-под которой чуть виднеется чёрная борода. Он в мантии, на голове — капюшон, так что ни волос, ни лица совсем не видно, и от этого ещё неприятнее говорить с ним. «Прямо какой-то царь на троне», — подумал Хэйден и представил себе, как этого царя обезглавливают, а тело с мантией падает на этот самый ковёр.

— Я исполнил ваше приказание, — сказал Хэйден, глядя на выющиеся причудливые узоры на ковре, которые напоминали то спирали, то ветви, — теперь я свободен?

Хранитель хотел что-то ответить, но закашлялся, хватаясь рукой за грудь. Когда приступ кончился, он выпил воды и прохрипел:

— Нет. Прочь! Не до тебя.

Видимо, он ждал кого-то другого.

Мэлибуд вышел из кабинета и по пути сорвал с себя чёрную маску, походившую на огромный клюв. Она, по сравнению с золотой и изящной маской хранителей, выглядела нелепой и громоздкой. Когда-то он мечтал о ней и о почёте, который появлялся у всех стражей. Теперь же Хэйден ненавидел всё это.

«Как я глуп. И зачем? Чего ради? Статус, маска, чёртов доносчик! Теперь страдай со своей совестью, проклинай Хранителя и весь этот их Совет, иди в какой-нибудь монастырь на отшибе и горной там. Прочь ото всех! Уйду и правда в монастырь. Буду собирать музыкальные шкатулки, за ними съедутся со всего света, потому что у меня будут особенные. Стану лучшим мастером... — думал Хэйден, идя по улице и почти не видя ничего вокруг. — Но какие шкатулки? О чём я вообще думаю? Что делать-то теперь? Надо сообразить, надо найти выход. А сперва — вход.

Итак, началось всё с того, что я хотел работать в Библиотеке. Страшно хотел, до рвущегося нутра хотел. Но что получилось?»

И он стал прокручивать в голове весь тогдашний день.

Год назад Хэйден проснулся рано. Его всю ночь тревожили сны, ведь он знал, что утром встретится с Хранителем. И вот час настал.

Просторный кабинет, пол, устланный ковром, застеклённые книжные шкафы, резная мебель, громадный стол по центру и стоящий подле него Хранитель в золотой маске, в капюшоне, в чёрном одеянии, расшитом древними узорами, смысл которых никто, наверно,

уже и не помнит. Эти парчовые одежды спускались плотными складками до самого пола, целиком скрывая Хранителя.

Всё это впечатляло Хэйдена, и благоговейный страх окутывал его, и стоящий перед ним казался истинным богом. Отцом, какого Хэйден никогда не знал. Могучим повелителем.

Мэлибуд почти не дышал. Тот, о встрече с кем он мечтал с ранних лет, взирал на него сквозь прорези в маске.

— Подойди ко мне, Хэйден, — сказал Хранитель с отеческой мягкостью в голосе. Она ложна, теперь-то Мэлибуд хорошо знал это, но а тогда его подкупила доброта. — Иди же, не бойся.

Едва передвигая ноги, он приблизился.

— Для меня большая честь говорить с вами, Хранитель, — дрожащим голосом сказал Хэйден, склоняя голову в знак почтения.

— Выпрямись, будущий страж. Я знаю, что ты вместе со спутниками хочешь войти в Пещеру. Но знаешь ли ты, с кем путешествуешь?

— Нет, Хранитель. Я встретил их совсем недавно.

— Один из них — человек. Понимаешь, Хэйден Мэлибуд, что грозит тебе за утаение таких сведений? — он помолчал, и ни по телу, ни по лицу, скрытому маской, нельзя было понять, что думает или чувствует Хранитель, и от этого Хэйдену было ещё тяжелее. — Тебя сошлют на планету раньше срока. А ты ведь пробыл здесь лишь половину отпущенного времени, верно? Тебя могло бы ждать ещё много прекрасного в Мире Мечты, мальчик мой, ты мог бы отыскать своих родителей, мог бы стать стражем, как мечтал, а я мог бы даже помочь тебе. Но закон есть закон.

Тут Хранитель достал сигару и зажёл её, дым спиралью пополз вверх.

— Но... видите ли... я... я же не знал, кто она такая, — с отчаянием выдавил из себя Мэлибуд. Ноги его всё больше слабели, и он чуть заметно качался на них.

— Она? — Хранитель рассмеялся, отчего Хэйдена обдало ледяным потом. — Я не говорил, что это женщина, — спокойно продолжил он. — Что ж. Ты, как я вижу, всё прекрасно понимал. И всё же утаил от нас эти сведения. Ты поставил под угрозу весь Мир Мечты, Хэйден, — мягко сказал Хранитель и сел за стол, тогда как Мэлибуд остался стоять на ватных ногах.

— Я... видите ли... — бормотал он, теребя пуговицы и пытаюсь унять страх, который с каждым словом Хранителя накатывал новой более мощной волной и грозил затопить его, утопить, измельчить в песок и усеять им пол этого кабинета.

— Не нужно оправдываться. Посмотри вокруг, — он закурил и показал на стеллажи с тысячами книг, — видишь всё это?

— Да, Хранитель.

— Хочешь стать тем, кто будет внесён в самую главную книгу: в наш список великих хранителей? Можешь не отвечать, я и так знаю, что хочешь, — Он стряхнул пепел прямо на стол. — Но чтобы стать одним из нас, сперва надо побыть стражем. Причём не просто добросовестным и ответственным, но и очень полезным. Понимаешь, о чём я?

— Не совсем.

— Я поясню, мальчик мой, — мягко сказал он, снова стряхивая пепел с сигары. — Сейчас у тебя есть выбор: согласиться с моим предложением и стать стражем, а потом, если будешь стараться, то и хранителем. Либо же мы отправим тебя на одну из планет.

— Но какое предложение, Хранитель? — спросил Хэйден, хотя уже прекрасно всё

понял. Он вот-вот променяет незнакомцев на свою мечту, на то, чтобы наконец достичь её. Так ли это страшно: предать чужаков? Так ли ужасно отдать свою честь ради своей мечты?

— Сущий пустяк. Тебе нужно лишь присматривать за своими спутниками. Куда они идут, о чём говорят... Запоминать как можно больше и раз в пару дней писать мне отчёты обо всём, что они сказали и сделали. Я найду способ получить у тебя бумаги, об этом не беспокойся, мальчик мой.

А всё-таки страшно. Стать доносчиком. Или даже предателем? Хотя можно ли предать тех, кого совсем не знаешь? Где та грань, что отделяет чужих тебе от тех, кто важен и дорог? Он её уже перешагнул или ещё нет? А впрочем, есть ли вообще такая граница?

— Но Хранитель... Видите ли...

— Хэйден, — он встал и положил тяжёлую руку с желтоватыми ногтями на плечо Мэлибуда. Сильно запахло табаком. — Ты ведь не хочешь лишиться стольких прекрасных лет в Мире Мечты и сгнить на какой-нибудь планетке без памяти и без всего, что тебе дорого, мальчик мой? Твой грифон останется здесь, знаешь это? — Хранитель орлиной хваткой сжал плечо Хэйдена, так что он не смог бы отойти ни на шаг, даже если бы решился.

Мэлибуд опустил голову, чтобы не видеть взгляда, разъедавшего даже через золотую маску.

— Так будет лучше для всех.

— Куда лезешь! — завопил громила с камнеподобным лицом, и Хэйден отшатнулся.

Реальность вырвала его из воспоминаний. Хотелось есть. Деньги были, их теперь более чем достаточно, так что он зашёл в лучший ресторан Города Мечты.

Когда-то через стекло он жадно разглядывал посетителей заведения и блюда и всё думал, что однажды тоже переступит этот порог. И вот вошёл. И не почувствовал ничего, кроме усталости и желания поскорее съесть хоть что-нибудь.

Он глотал запечённую форель под кисловатым соусом на изящном блюде, запивал изысканным вином, о котором ещё недавно не мог даже мечтать, ел штрудель с хрустящим тестом и мороженым, ну а мыслями снова и снова, как примагниченный, уходил к тяжёлым воспоминаниям.

День, когда Мирослава вернулась на Землю, был особенно тёплым и радостным. Хэйден точно знал, что теперь, когда она ушла, больше не придётся ни за кем следить и писать отчёты. «Этот — последний», — думал он, сжимая бумажку и бодро входя в кабинет. Хэйден решил сам отнести отчёт, чтобы наконец попрощаться с Хранителем, чтобы разойтись с ним на равных, ведь свою часть уговора он выполнил, а теперь дело за малым: Хранитель устроит так, чтобы Хэйден стал стражем. И всё наладится. А горечь от предательства вскоре уйдёт, должна уйти, ведь он, в сущности, никому ничем не навредил.

Хранитель молча прочёл бумаги, куря сигару, положил листы на стол, медленно встал и посмотрел на Хэйдена сквозь щёлочки в золотой клювообразной маске.

— Мальчик мой, ты помнишь, что должен был сделать? — тихо спросил он, и от этой излишней сдержанности в голосе Хэйдену стало не по себе.

— Да, Хранитель. Я должен был передавать вам всё, что они...

— Идиот! — крикнул он и ударил кулаком по столу, отчего тот едва не развалился. Тут же Хранитель закашлялся так, что маска едва не слетела. Когда приступ кончился, сел и положил руки на отчёт.

Хэйден не шелохнулся.

— Мальчик мой, — снова сдержанно сказал Хранитель. — Как ты мог такое допустить?

Ты должен был следить за ними.

— Но вы просили лишь описывать всё, а теперь, видите ли, Мирослава покинула Мир Мечты. Я ведь могу больше не писать отчёты?

— Не писать? Ты хоть бы понимаешь, что наделал?! — он снова ударил по столу, и от этого открылась дверца шкафа.

Хранитель подошёл к нему, постоял рядом некоторое время и осторожно закрыл.

Хэйден вдруг вспомнил. Говорят, у него там лежит то ли портрет супруги, которую никто никогда не видел, то ли её медальон, то ли вообще череп.

— Она была нужна мне, Хэйден, а ты её упустил, — сказал он, садясь за стол и закуривая новую сигару, пока Хэйден по-прежнему стоял напротив и уже переминался с ноги на ногу, потому что они затекали. — Теперь придётся вернуть её или ждать, пока она сама придёт. И ты будешь следить за Артуром, мальчик мой. Постоянно. А иначе тебе не видать маски стража. Да и ты, помнится, нарушил наш кодекс, не донесся информацию, не позабыл наказание?

Глава 18. Дневник (Сад)

Журчание бегущего вдаль, за самый горизонт, ручья. Отражённое в чистой воде ясное голубое небо, подобное нашему земному. Бледные цветы на деревьях и кустах, молодая сочная зелень, едва пробившаяся, едва вступившая в свои весенние — есть ли тут весна? Есть ли что-то, помимо неё? — права.

Права. Она вечно права. Она вечна зелена.

Она — сама Богиня, царствующая в своих величественных покоях, и чело её украшает венец из первоцветов, и на запястьях у неё жемчужные капли воды, а волосы — струистый поток, и она — это я, отражённая в ручье.

— Знаешь, тут настоящий райский сад, — сказала я, глубоко вдохнув тонкий и чарующий запах цветущих деревьев.

Мы шли по тропинке, и ладонь Артура крепко держала мою. Было до того спокойно и хорошо, что хотелось остаться вот здесь и вот так навсегда. Никуда не возвращаться, никуда не идти — верней, идти вот так, но без конца и без цели, быть просто в движении, просто держаться за руки и чувствовать покой и какую-то благодать, которая идёт изнутри, наполняет меня и выливается наружу вместе с дыханием. И от этого её становится только больше.

Поцеловать бы, но не смогу. Остаётся лишь держать его руку и идти рядом. Идти и идти в неведомые дали мимо благоухающих деревьев и кустов, и сама бесконечность будет сопровождать нас, укрывать своими могучими крылами, и она уберёжет нас, потому что бесконечность и та Богиня в воде ручья — это всё я. Это всё части меня, какие-то иные, каких я ещё не знала, не видела в себе, но мои. Или я — их часть. Впрочем, разницы ведь нет.

Пока я так думала, по тропинке мы вышли к Древу знаний. Мне казалось, что оно будет самым большим и древним, но получилось ровно наоборот — это был саженец, усыпанный цветами. От их запаха голова шла кругом, так что я прислонилась к соседнему дереву, чтобы не упасть.

я глядела на розовые вкрапления в молочных лепестках — ровно пять на каждой цветке, — на тоненькие пестики, на желтоватую пыльцу, на словно пульсирующие прожилки в салатных листьях. я глядела на всё это, и мне чудилось, что цветок хочет мне что-то сказать, что все эти растения говорят со мной, но я не знаю их языка. стоит лишь коснуться, чтобы мы поняли друг друга.

— Не трогай! — Артур схватил мою руку, когда я потянулась к Древу.

— Почему?

— Для тебя опасно. Сначала я узнаю, почему ты всё помнишь и можно ли тебе трогать Древо. Ему известно почти всё. Оно как-бы посредник между нами и знаниями.

Я хотела сказать, что это очень похоже на компьютер, который тоже передаёт нам информацию, но тут вдруг пришёл Хэйдэн.

— вас так долго проверяла Библиотека?

— Да, — сказал он и опустил глаза.

— Ну ладно, — ответил Артур и добавил: — Сейчас, прошу вас, отойдите подальше и не трогайте меня. Особенно ты, Мира.

он сжал в одной руке хронометр, который считал своим талисманом, а второй

прикоснулся к почти прозрачной коре.

Дерево и Артур засветились каким-то потусторонним сиянием, словно они стали привидениями, сквозь которые виднеются кустарники и изогнутые стройные стволы, корявые ветви и яркие листья — Дерево и Артур просвечивали, они куда-то исчезали, проваливаясь под землю или поднимаясь к небесам — не разобрать. Но что-то происходило.

Вдруг Артура затрясло так, будто ударило током.

Подойти и оторвать от дерева? Можно ли? Ведь я лишь человек в чужом саду, в чужих мирах.

Но Артур-то мне не чужой.

Я хочу спасти его. Я смогу.

— Я должна! — крикнула я, когда Хэйден схватил меня за руку, которой я уже тянулась к Артуру.

— Вы не выдержите. Там много информации. Слишком много, — сказал Хэйден.

— Но он же умрёт! Надо помочь! — в полном отчаянии воскликнула я, вырывая руку.

— Он не может умереть, Мирослава. Здесь не умирают.

Глава 19. Дневник (Возвращение)

Казалось, целую вечность этот потусторонний поток проходил сквозь Артура, который становился прозрачным всё больше и больше. Когда я вдруг поняла, что ещё миг — и он исчезнет, пропадёт навсегда вместе с этим деревом, вот тогда я заплакала.

Мне до сих пор больно. В груди всё сжалось в тугую комок, стало так тяжело и как-то... как-то неприятно, даже не то это слово. Было едва терпимо. И мешало то, что ничего я не делала.

Хотя могла. Конечно я могла, но боялась. Страх сковывал, и я приросла к земле. И я вонзала ногти в ладони, и было больно, но в груди было куда больнее.

— Не бойся, — сказал Хэйдэн, и пути рассеялись. Я вдруг поняла, что мне надо делать.

Плохо помню дальнейшее. Кажется, я всё-таки отняла руку Артура от дерева, меня ударило то ли током, то ли мощной струёй. Она залила моё сознание, и я перестала воспринимать что бы то ни было.

А когда очнулась на колючей траве с ярким запахом чабреца, Артур стоял надо мной с широко раскрытыми глазами. Вот тогда-то я и увидела их по-настоящему. Серые, полные внутренней уверенности и спокойствия, которое передалось и мне.

Я глядела на его чёрные волосы, на эту щетину, которой хотела бы коснуться. А он что-то говорил. Обмахивал мне лицо каким-то огромным листком, но в ушах звенело, и я могла лишь смотреть и чувствовать прохладу этого ветерка.

— Ты жив? — спросила я, когда снова смогла слышать.

— Как посмотреть. Ты меня бесконечно напугала.

Он помог мне подняться, и я увидела Хэйдэна в стороне. Тот стоял нахмуренный и до того погружённый в свои мысли, что не сразу заметил мой пристальный взгляд.

Я вспомнила, что сказала ему. Я поняла, что этого никак нельзя было говорить.

— Что ты узнал от Древа? — спросила я Артура.

— Почти ничего. То, что мы ищем, скрыто от обычных жителей. Видимо, только хранители могут узнавать подобные вещи. Не бойся, мы что-нибудь придумаем.

— Может, у меня получится? — тихо спросила я и тут же пожалела об этом: дерево едва не уничтожило Артура, что же оно сделает со мной?

— Нельзя рисковать.

— Если что-то пойдёт не так, просто заберёшь меня от дерева. Вдруг мне удастся? — сказала я с такой уверенностью в голосе, что убедила и Артура. Я откуда-то знала, что всё будет хорошо, что всё получится.

— Может, ты и права... Ладно, но делай всё быстро, пока нет Хэйдэна. Главное, помни, что ты хочешь узнать.

Я подошла к саженцу.

— Я рядом, — сказал Артур. Я ощутила его присутствие за спиной. Он словно направлял меня.

Шершавый ствол, похожий на ствол молодой берёзы. Тонкая кора, под которой словно пульсируют сосуды, несущие в себе вместо крови информацию. И могучие корни как у дуба. Сочетание противоположностей.

«Как мне вернуться? — спросила я то ли себя, то ли дерево. — Покажи, пожалуйста, как мне вернуться на Землю». Я видела звёзды, я была среди них, я парила гордой птицею меж

планетами и системами, я была подобна богине из отражения в ручье, я и была богиней, я была той, кто всё знает, всё ведаёт, я перемещалась в чужие края, дальше и Земли, и Мира Мечты, и дальше того, что способен постичь наш разум, и я отключила его, и я лишь воспринимала. Чистой душой. Очищенной душой.

Галактики кружили в пчелином танце, Млечный Путь остался далеко позади, и я тоже танцевала вальс с неведомыми богами, и я пела, и им нравилось, и они кивали мне, и были они подобны сгусткам чистого света, и были эти места райскими.

Шершавый ствол под пальцами пульсирует.

«Как мне вернуться? — шепчу я, но ответа нет и не будет. Не последует для меня никакого ответа, ведь он и так есть во мне, внутри меня скрыт, надо его лишь отыскать. — Как его отыскать?»

— Просто иди. Быстро и прямо, — донёсся до меня голос откуда-то издали или изнутри — здесь ничего не разобрать, ведь никаких границ нет, я стою на пограничье, я и есть это пограничье, в котором сливаются миры, в котором соприкасаются мысли и чувства, в котором теплится жизнь. Моя жизнь, моя человеческая жизнь, оставленная где-то далеко-далеко, где меня ждут, где меня любят, где меня зовут. И я люблю их. Люблю свою жизнь. Благодарю мир за то, что она у меня есть. — Просто иди, — сказал Богиня из отражения в ручье, и я пошла. Чьё-то прикосновение на миг остановило меня, но тут же направило в нужную сторону.

Меня куда-то втолкнули. Как бывает во сне, когда вдруг оступишься на лестнице и проснёшься, и сердце так сильно стучит, и потом никак не уснуть снова.

Я очнулась на берегу моря. В груди болело, голова кружилась, в ушах стоял звон. Вокруг были разбросанные камни. Погнутый велосипед. Шею грел кулон, который Артур подарил мне на карнавале. Всё плыло перед глазами, но я нашла в себе силы сесть.

Вот так кончается эта часть истории. Пока я записывала её, я вновь всё прожила. Сила слов велика, как и сила мыслей. Теперь я уверена, что это был совсем не сон. Таких снов не бывает.

Вернусь ли я в тот удивительный Мир Мечты? Кто знает. Но Артура я люблю, где бы он ни был. Я люблю его, и мы будем вместе. Быть может, он мне повстречается мне и на Земле.

Глава 20. Разговор с Хранителем

Небо. Безоблачное и неподвижное. На его фоне расплывчатый силуэт, который быстро исчезает. И белая точка.

— Не делай резких движений, — сказал далёкий голос, и я вздрогнула. Небо тут же обратилось всего лишь голубым потолком, на котором головой вниз висела белая летучая мышь и хлопала глазами. Я резко села. Всё покрылось светящимися пятнами, искрами и вдруг потемнело. Я легла обратно на что-то мягкое и прохладное вроде больничной кушетки.

— Где я? Что случилось? Где Артур?

Я пока не видела ничего, я и голос-то свой почти не слышала: всё гудело и жужжало подобно гигантскому рою насекомых. От этого сравнения меня передёрнуло. Зажмурилась, потирая виски.

— Целых три вопроса, — усмехнулся кто-то, и голос его донёсся отчётливей, так что я открыла глаза и снова увидела потолок. Повернулась. Сбоку стоял мужчина в расписном балахоне и в маске, похожей на ту, что я видела много лет назад у стража. — Но тебе повезло: я знаю ответы, а ты знаешь то, что нужно мне. Как насчёт обмена информацией? — он помолчал, но я ничего не ответила. — Расскажу о том, кто ты на самом деле и где сейчас находишься. Взамен нужно лишь одно. Скажи, как ты сохранила память?

— Мне нечего ответить. Где Артур?

— Артур... — повторил незнакомец и прошёлся по комнате, нервно закуривая сигару. — Ты не знаешь, кто я, верно?

— Откуда мне знать, — меня раздражало, что он так бодро ходит, тогда как я лежу с головокружением, словно больна чем-то. Я приподнялась на локте. Взгляд снова натолкнулся на летучую мышь, которую где-то уже видела, но не могла вспомнить где. Та хлопала глазами и смотрела чересчур осознанно для животного. Словно слушала разговор и понимала его.

— Лежи, — резко сказал он. — Не двигайся или снова потеряешь сознание.

— Да кто вы такой? И почему тут эта мышь? — я наконец села на кушетке и разглядела собеседника: длиннобородый мужчина в золотой маске, скрывающей всё лицо.

— Какая ещё мышь? Не носи чепуху, девчонка. Я — Хранитель. Я скажу, где Артур и что было вчерашней ночью, но взамен ты ответишь на мой вопрос.

— Я попытаюсь, — уступила я, ломая голову над тем, как бы выбраться из этой комнаты.

Дверь закрыта и наверняка заперта. Рядом незнакомый и странного вида мужчина, который требует какую-то информацию. Мысли напрашивались не самые радужные.

«Если закричу, услышит хоть кто-то, кто сможет помочь? — подумала я, потирая правый висок, болевший сильнее левого. — Вряд ли. Они тут все одним миром мазаны. Или Артур тоже где-то здесь? Какого я вообще здесь сижу? Что это за тип такой? Чего ему надо?»

— Итак, ты знаешь, что Артура изгнали из стражей после пожара в Библиотеке? Тогда исчезли сотни книг, а ещё тысячи пострадали, потому что он самовольно оставил пост у Костра, — сдержанно начал Хранитель, покуривая сигару. — Его огонь — само отчаяние. Пришлось уничтожить этот драгоценный артефакт. Ты знала это?

— Нет. Мне это ни к чему. Выпустите меня отсюда, — сказала я, вскочила на ноги и с

силой дёрнула дверь. Та, конечно же, оказалась заперта.

Хранитель молча курил и наблюдал за тем, как я рвала дверь на себя и толкала её плечом наружу.

— Выпустите! — закричала я, но никто не открыл дверь.

— А теперь сядь и слушай дальше.

Я осталась стоять у выхода, поглядывая на летучую мышь. Так было хоть немного, но спокойнее. Ударить бы его чем-нибудь и сбежать. Я оглядела пустую, если не считать кушетки, комнату. Но как? Даже окна нет. Да и бить нечем.

— В таком случае, будь я на твоём месте, я бы не доверял ему. Вчера вы вместе были на ночи тумана. И кто привёл тебя? — Я не видела лица Хранителя, но казалось, что он усмехается и от этого всё больше хотелось ударить. — Мы разделили вас, тебя забрали сюда, чтобы выяснить нужную нам информацию, а его восстановили в стражи, убрав из документов сведения о пожаре. Он выполнил свою часть договора, мы — свою.

Я молча села на кушетку. Голова раскалывалась, словно собиралась разойтись по швам и ничего не воспринимала, хотелось воды и свежего воздуха, а Хранитель продолжал говорить:

— Он собирал сведения о тебе, работал на нас. Я лично обещал восстановить его за ответ на тот самый вопрос: как тебе удалось сохранить воспоминания при переходе. Но Артур не смог узнать. Мне пришлось взять всё в свои руки, и вот ты здесь. А теперь слушай внимательно, девочка, — сказал он, подошёл вплотную ко мне и наклонился. — Если поможешь нам, получишь право жить в Мире Мечты столько, сколько влезет. А откажешься говорить, отправим на дорогу в Пустоту, где души почти всех распадаются на частицы. И либо переродишься, получишь новый шанс, либо исчезнешь из всех миров. Обратишься в пепел, в воспоминание. Умрёшь по-настоящему. Не советую проверять, — сказал он истинно злодейским голосом, но не тем безумным, которым кричат в фильмах, а до жути сдержанным, так что из него словно бы сочился яд. — Я дам тебе время на обдумывание, — с этими словами он выпрямился и быстро отворил дверь своим ключом. Я вскочила, чтобы выбежать, но замок уже щелкнул.

Глава 21. Записка от Артура

Тишина. Только дыхание, только тревожно бьющее сердце, что мечется в груди. Куда идти? Кого звать на помощь? Кому верить? Неужели он и правда предал? Специально подстроил всё так, чтобы заманить в логово Хранителя?

В груди что-то разрывалось. И боль от этого разбегалась по всему нутру, сдавливая ребра, не давая дышать. Я мысленно рвала все связи с Артуром, все золотистые нити, какими мы были связаны. И даже толстый светящийся канат я медленно разбирала, и он разлетался светлячками и мотыльками, серебристыми бабочками, золотящейся пылью. Он всё истончался и истончался, но никак не исчезал. Тогда я на миг остановилась. Убить ли всю связь? Разорвать ли?

Вспомнились его огненные поцелуи. Мурашки по всему телу, вздохи и признания. Мог ли он делать всё это понарошку? Оставаясь бесчувственным ко мне? Не зря же он так и не сказал, что любит. Не зря ведь.

И я обращаю пульсирующую ниточку в золотую чайку, которая уносится в небеса. Всё. Но делать дальше? Как выбраться из этого места? Я хочу наружу. К людям, к мирянам, к кому-то доброму и хорошему.

Так много всего навалилось, так сильно я впивалась ногтями в ладони, что я заплакала. Я обнимала себя за плечи и что-то напевала. Какую-то колыбельную без слов. Покачивалась из стороны в сторону, сидя на холодной кушетке, и так становилось чуть легче, вот только голова совсем болела.

— Всё будет хорошо, — сказал чей-то тоненький голосок, и я подняла глаза. Говорила летучая мышь. Меня это даже не удивило. Словно так оно и должно быть.

«Просто смотри, — повторяла я себе. — Просто смотри прямо». И я видела гладкую недавно окрашенную в розовый0 стену. Снизу по ней бежала трещинка, которая замерла, притаилась на какое-то время, пока я не отвернусь. Тогда она снова побежит наверх.

«И мне бы так побежать. Уйти из этого места. И из Мира Мечты, наверное, тоже. Разве я так себе всё представляла? Разве такого я ждала?» — думала я и вспоминала свои грёзы. Мы с Артуром должны были сразу же пожениться и наконец слиться в долгом поцелуе, который виделся мне во снах все девять лет. Он должен был творить в своей мастерской целыми ночами, а я бы носила ему туда блинчики. Или пирог. Или ещё что-нибудь. Вместе бы завтракали и отправлялись на прогулку по Городу Мечты.

Потом бродили бы по улочкам, заходили в забегаловки, обедали в них, а по вечером шли на выставки картин Артура де Вильбурга.

Это, знаете ли, прекрасное имя для художника. С неким налётом французской изысканности, тут даже подпись на этом земном языке, удивительно! Это «де» полно утончённости, полно какой-то изящности. Ровно как и его полотна. Вы только взгляните — этот пейзаж написан в тяжёлое время разлуки со своей любовью — тут я смущённо опускаю глаза — со своей музой, которую наш дорогой художник не переставал чувствовать ни на миг. Скажите, пожалуйста, что вы хотели поведать нам своей работой?

— Что я люблю Мирославу, — говорит Артур в микрофон, отстраняет его рукой, встаёт на колени и протягивает кольцо в коробочке. Непременно в красной бархатной коробочке. — Выйдешь за меня?

Больно.

Как же больно от этих несбывшихся грёз. Как они наивны. Как глупы. Столько было раздумий, страхов, надежд, а всё для чего? Чтобы сидеть в какой-то комнате, слушать угрозы о Пустоте и отвечать на вопрос, на который нет ни у кого ответа.

Я легла на спину.

Голубой потолок и одинокая лампочка. Окон нет. Дверь одна. Рядом белая летучая мышь с пушистой головой. Время от времени говорит со мной.

— Как выбраться? — спросила я, и в этот момент под дверь просунули сложенный пополам листок. Я вскочила и развернула записку.

Буквы стали проявляться не на бумаге, а словно внутри меня, будто чья-то рука выписывала их на сетчатке или напрямую в сознании.

«Кто-то подставил нас. Убеди Хранителя, что ты не человек...»

— Не читайте, — сказала мышь, и буквы исчезли.

— Почему?

— Не надо. Это не Артур прислал.

Станным было абсолютно всё. Почему Артур? Или не Артур? Что это за бумага такая, у которой чернила проявляются в голове? Почему нельзя читать? Что вообще происходит?

— Успокойтесь, Мирослава. Всё хорошо, — добавила мышь и медленно испарилась. В этот момент снаружи кто-то покрутил дверную ручку.

Глава 22. Мраморное здание

Дверь открылась. Я быстро встала с кушетки и выглянула в длинный коридор: никого. Только белые, словно выцветшие или побледневшие стены.

Я ступала по холодной плитке, постоянно оглядываясь и ища летучую мышь. Она точно была где-то рядом. Я знала это. Но пока не видела.

Я не смогла вспомнить, куда подевалась обувь. Куда вообще всё подевалось? Ведь были же, наверно, какие-то вещи с собой, было даже что-то ещё, что-то очень важное. По привычке коснулась шеи: кулон. На месте. Всё хорошо.

А коридор пляшет. Будто расширяется и вибрирует. Стены плавно уводят то влево, то вправо, словно в каком-то танце. Они манят, но не настаивают на своём ритме, я могу выбрать: следовать ему или нет. Я свободна.

Стены расходятся по сторонам и замыкаются в обширную площадь.

Полукруг из столбов, образующий величественное мраморное здание с розоватыми и голубыми разводами. Крепкие светлые колонны поддерживают купол. Взглянешь вверх — увидишь, как правильно сходятся все линии, какая точность царит в этом просторном здании, как всё высчитано и вымерено. До того гармонично, что внутри у тебя спокойствие и нега.

Тихая мелодия кружит рядом, заворачивается и предлагает отнести к самому небу. Но пока рано. Пока я здесь, у здания.

Касаюсь холодного мрамора, провожу ладонью по гладкой колонне, обхожу её кругом. Улыбаюсь. А мелодия рядышком, совсем близко. Танцует, вьётся ленточкой, оборачиваясь вслед за мной вокруг колонны. Идём к соседней. И дальше, дальше, обходя каждую. Что-то в этом есть важное, что-то сильное и значимое я делаю, но пока не понимаю что именно. Хотелось бы осознавать свои действия, но пока я не умею.

Что-то внутри меня повело к просторной галерее, сквозь неё, дальше — в пещеру, стены которой были усыпаны сотнями звёзд. Где-то далеко чуть слышно капала вода.

Увидела Артура. Но я была до того спокойна, что лишь кивнула ему. Он, кажется, даже не заметил, потому что прошёл мимо и прямо.

Дверь.

Широко раскрытая, манящая. Один лишь шаг — и ты окунёшься в полнейшее, в блаженнейшее небытие. Им веет из-за Двери, оно манит, оно нежно окутывает и вовлекает, и ты уже поднимаешь ногу, чтобы войти туда, но грохот разрывает чары.

Кто-то несётся сломя голову, кто-то роняет камни со стен.

— Скорей, скорей! Крутите! — кричит он, задыхаясь, и я узнаю в нём Хэйдена.

А за ним погоня. Двое стражей в птичьих масках. Совсем близко. Но и он почти у самой Двери, рядом со мной и Артуром.

Хэйден уже тут. Крутим настенное колесо, и Артур тоже, он наконец пришёл в себя. Как тяжело! Как скрипит, как шумно вокруг. Как кружится голова. И стражи почти здесь.

Вдруг колесо поддаётся, кто-то толкает сзади, я оступаюсь и...

Глава 23. Переход

И вот всё туманится. Брешь раскрывается, заволакивает, и я уплываю...

Чувствую, что Артур поблизости. С ним можно. Он проследит, чтобы всё было так, как нужно.

Доносится тихое пение. И световые полуточки-полупунктиры пульсируют, заворачивают по кругу, так и вертят по часовой стрелке, так и просачиваются в этот Мир Мечты.

Предо мною спирали, множество путей, множество мест вокруг. Хоть дверь и одна, но ведёт она каждого в разные края. Кто куда готов, кому куда можно.

Ты это просто знаешь. Знание дано тебе.

Куда же идти?.. Как мне лучше выбрать? Впрочем, хотелось бы, чтобы спокойно и хорошо стало прямо здесь, у нас. Но пока как есть.

Пение.

Тихое-тихое, едва уловимое даже не слухом, а чем-то иным, более чутким. Где откликаются эти чарующие звуки то ли голоса, то ли арфы, то ли флейты, то ли... Нет слов пока, не подобрать их, хотя хочу.

Мелькают, мерцают, проплывают, словно в эфире, полупрозрачные создания с крылами, сотканными из чистого сияния. Они подобны то птицам, то прекрасным девам, то юношам, то изогнутым стволам, то струистым, ещё не ясным для моего понимания существам, что видятся пока сгустками, мазками света. Прямо как звёзды на небе. Неужели и они?..

Но выбрать всё же нужно. Вот только что?

— Я проверю, — слышу я голос Артура и чувствую облегчение на душе. Пусть пойдёт первым, пусть разведает путь. А я следом. И Хэйдена тоже пропущу, пускай ступает вперёд.

Что ждёт нас за проходом? Я надеюсь, что свет и добро.

Глава 24. Другой Хранитель

— Они хотели отправить вас на дорогу в Пустоту, — слышу я голос Хэйдена и плавно движусь в его сторону. Медленно опускаюсь, открываю глаза.

Вокруг степь. Кольшутся травы, на горизонте синеют остроконечные горы с множеством пиков. Тёплый ветер обдувает лицо. Хорошо и спокойно, как я и просила. Благодарю.

Вдруг услышала вздох и всхлип. Оглянулась.

Хэйден, согнувшись пополам, стоял рядом с Артуром, который потирал руку.

— Предатель, — процедил он.

— Не стану оправдываться, — пробормотал Хэйден.

— Я ничего не понимаю, — сказала я. — Что происходит? Что вообще случилось? Мне говорили, что... Знаешь, Хранитель сказал про тебя, Артур, много плохого...

— Хранитель? Кто-то звал меня? — послышался бодрый голос, от которого мы все вздрогнули и оглянулись.

Старик в развевающихся одеждах и золотой маске. Кудесник, алхимик из древних времён, который ещё тогда раскрыл многие тайны природы. Вот он берёт две почти не видимые глазу пылинки, два светящихся сгустка в одну руку, а ещё четыре — в другую, соединяет ладони, раскрывает их, и вверх взлетает нечто новое.

— Гелий, — пояснил он. — Вы обеспокоены?

— Простите нас, Хранитель, за вторжение, — сказал Артур, склонив голову. — Мы оказались здесь, ища приюта и спокойствия.

— Хорошо, оставайтесь, — просто ответил он и отошёл.

То ли гениальный учёный, то ли волшебник, то ли тот, кто подобно Богу созидает. Отыскивает взглядом и руками никому не видимые колебания, тонкими пальцами вытягивает эти нити и собирает в пучки пульсирующего света, съединяет в пылинки, в полупрозрачный силуэт, который медленно насыщается, обретает очертания, наполненность — и вот сейчас это золотой компас. А теперь трехногое крошечное существо. И зелёная почка, из которой прорастёт гигантский дуб — его уже почти видно, он ощущается, почти осязается чем-то периферийным, но пока никак не улавливается сознанием. А хотелось бы.

Сияющий дождь наоборот — вот лучшее описание того, что видели мы. Созидаемое переливалось и стройными потоками уплывало ввысь, где вскоре пропадало для нас.

В его пальцах сосредоточена сила. В его ладонях рождаются те и то, что составляет саму Жизнь.

— Ему ведь можно доверять? — тихо спросила я у Артура, хотя уже точно знала, что можно.

— Да, — сказал он и взял меня за руку. Я заглянула в его глаза и вдруг вспомнила, как была обижена на него, как разрывала всю связь между нами. Как я могу восстановить её? Как лучше создать связь с тем, кого я люблю? Впрочем, она ведь и так есть. Раз мы отыскивали друг друга, раз мы вместе, то всё хорошо.

Как я могла поверить, что Артур предал меня? Как глупо. Я была обижена, была зла на него, но теперь я спокойна. Хотелось бы ещё больше безмятежности, но пока не получается.

— Обними меня, пожалуйста.

И он обнял. И всё беспокойное, всё лишнее, что металось внутри меня, доводя до

срывов, то унося далеко, слишком далеко ввысь, то роняя под самую землю, то растаскивая в стороны, то разрывая и снова сталкивая, возмущая мысли и чувства — всё утихло. Ушло. Сменилось благостным состоянием глубокого, полного умиротворения, из которого я и созерцаю, и действую во благо себе и другим. Уверенность и земля под ногами.

— Ну как? Всё хорошо?

Я кивнула.

— А куда он делся? — спросил Хэйдэн, и я оглянулась. — Неужели докладывает о нас Хранителю? Видите ли, скоро за нами придут из Министерства...

Я отчётливо увидела, как обеспокоен он, как встревожен, как не хватает ему этой корневой уверенности мужчин.

— За вами и правда придут, однако сперва стражам и хранителям придётся поискать место, в которое вас занесло, — донёсся сверху бодрый голос.

Я подняла голову, но никого не увидела.

— Где вы?

— Я там, где есть жизнь. Однако сейчас перед вами, — сказал он и возник из ниоткуда. — Что ж, путники, вас изгнали? Нет, не отвечайте, — старец одним движением руки остановил Артура. — Я и так знаю.

— Откуда? — насторожился Хэйдэн.

— Да ведь я Хранитель жизни. Мне положено ведать то, чего не ведают другие.

— Скажите, вы уже сообщили о нас в столицу? — спросил Артур де Вильбург.

— Однако моя работа не в этом. Пусть сами разбираются.

— Я знала, что вам можно доверять. Благодарю.

Старец довольно улыбнулся.

— В этом месте, — он обвёл руками земли цвета осенних трав и камышовых колосьев, что сияли в лучах дневного светила и казались золотисто-прозрачными, едва осязаемыми. А всё же они были здесь. Колыхались на ветру, шурша и умиротворяя, — вы гости, а гости, однако, бывают здесь крайне редко. Так что я рад вам. Пока сюда не явился мой старый знакомый Хранитель, советую отдохнуть. А когда он придёт... Разберёмся. Кстати, юноша, — он посмотрел на Артура, и мне стало так смешно, что я еле сдержала улыбку: какой из него юноша, — вы, случайно, не горец? Мне знакомы эти черты, как-то раз я сотворил первого горца.

— Нет, я бесконечно далёк от этого древнего рода.

— Однако... — он помолчал и добавил: — Ваш брат всё-таки ближе к ним. Должно быть, этой крови в нём больше.

— У меня никогда не было брата, — сказал Артур и стал теребить в руках хронометр. Это, должно быть, новая привычка. Раньше, когда нервничал, гладил Сириуса.

Как же мало я, оказывается, знаю Артура. У него есть брат, он горец. Как странно. До чего непривычно слышать о том, что у Артура есть родственники. Мне он всегда казался каким-то отделённым ото всех в Мире Мечты, каким-то обособленным причём настолько, что я и не могла представить, да и до сих пор не могу, что он когда-то ходил за руку с мамой или папой. Артур словно одинокая скала, которая борется со стихиями, но продолжает отчаянно сопротивляться вместо того, чтобы просто жить и наслаждаться жизнью. Но зачем? Чего он хочет этим добиться? Или это — обыкновенное упрямство? О да, он упрямый, тут не поспоришь. Но ведь я и сама была такой же совсем недавно, до моего путешествия.

Я снова прислушалась.

— Однако вы заблуждаетесь, мой дорогой гость. Рядом со мной две родственные души.

А третья полна тем, о чём и помыслить не может.

Артур и Хэйден стояли друг против друга с такими лицами, будто их ударили чем-то тяжёлым по голове.

— Это же нелепо. Я сын Вильбургов, а он никакой не горец.

— А я? — переспросила я. Что значит полна тем, о чём и помыслить не могу? Это про любовь к Артуру или нет? Или... Неужели про ветер? Может ли быть, что я и правда его слышу, чувствую, что он и в самом деле отвечает мне, а не я сама всё это придумала? — Я-то тут причём?

— В вас есть сила, вы и сами о ней ведаете. А вы, мой друг, всё прекрасно знаете о своих родителях. Сейчас же прошу простить меня: я должен продолжить работу, — сказал он и снова растворился, оставив всех нас в тишине осенних степей.

Глава 25. Артур. Выбор

Кто-то намешивал самые гнетущие краски и густо накладывал их на холст, и они почти скрывали за собой все радости, все надежды, едва не затмевали даже ту встречу, которую он так жаждал. Обрести любовь, чудом сохранить её, а после узнать, что предатель, который чуть не уничтожил всё их счастье, — родной брат. Мыслимо ли такое?

А жестокий художник, имя которому — внутренняя тьма — бесконечно наносит мазки мастихином, и тишина уже сгустилась до того, что стало тяжело дышать, и Артур закрыл глаза.

Всё давило на него, тяготило, хотелось сбросить кожу или вообще всю свою оболочку и умчаться ввысь, словно тот гелий, умчаться вместе с Мирославой или даже одному — это не так важно. «Хотя она ни в чём не виновата», — подумал Артур и всё-таки поймал себя на мысли, что ему хотелось бесконечно полного и неприкосновенного одиночества. Закрыть все ставни души, забить окна наглухо, запереть все засовы и сидеть там столько, сколько потребуется, а после тайком, чтобы никто не увидел, выбраться наружу и бежать как можно дальше, мчаться лесами и полями, уноситься в небеса, бывать там, где жаждет оказаться душа, очутиться в самых неведомых краях, а после — вернуться.

В груди что-то отозвалось, будто Артур случайно коснулся какой-то струны. И она запела. И он уловил в этой возвышенной, чарующей мелодии нечто до того светлое, что сможет исцелить, убрать всю боль и стереть отчаяние. В самом деле. Артур вдруг почувствовал, что вокруг столько счастья, — если только его ощутить этой внутренней арфой, — что оно струится и наполняет изнутри, и кончики пальцев пульсируют в такт на той же частоте и...

Да, хорошо бы перенести это на холст. Показать другим. Но на чём рисовать?

Он открыл глаза.

Артур прислушался и огляделся. Он неведомо как перенёсся в края, в которые так жаждал попасть ещё совсем недавно. Поющие горные вершины, укрытые девственными снегами, синие зигзаги хребтов на горизонте — то каменно-ледяное царство с протоптанной кем-то добрым тропой. Она ведёт ввысь, к самому синему небу.

Выбор? Возможность?

Вверх, в горный — горный — мир, отправиться туда, откуда ему не вернуться так просто, но где ждёт нечто высшее. Или вернуться?..

Снова толчок. В груди вновь отзывается. Значит... Да, нужно обратно. К Мире, к его прекрасной и светлой Мирославе, к той, что подарила ему когда-то смысл для жизни, что избрала его — нужно идти к Мире. Вообще к миру. Какая игра слов, как верно, бесконечно верно названа его возлюбленная. И теперь пора ступить к ней и к остальным.

Артур наклонился, взял на память перламутровый камень и отправился обратно. К жизни. В самую настоящую, в наполненную смыслом и счастьем жизнь.

Глава 26. Ветер

Артур куда-то пошёл. Я хотела отправиться за ним, но он так вперился взглядом куда-то то ли прямо, за самый горизонт, то ли вообще внутрь себя, что мне стало жутко. А после глаза затуманились. Будто в них что-то рассеялось, и Артур пошёл быстро и прямо, словно несомый какой-то высокой волной.

Я не решилась трогать его. Пусть побудет один.

Вздохнула, потёрла виски, которые пульсировали от напряжения, и посмотрела на Хэйдена. Тот ссутулился. Совсем сник.

— Я вас подставил, — сказал он сдавленным голосом. Хэйден показался мне таким слабым и незащищённым, что захотелось успокоить его. Но как? — Из-за меня вы чуть не исчезли. Спасибо, что не избегаешь меня, но... Я не могу... А этот старик... видишь ли... он сделал ещё хуже. Теперь я не просто предатель, я предал родного брата, если он не лжёт. А он не может лгать, понимаешь? Не может. Это Хранитель жизни. Он знает всё о нас.

Я почти ничего не понимала. Решила пока молча кивать.

— Я теперь не смогу себя простить. Ты понимаешь? Я всю жизнь хотел узнать родных. Я мечтал о нормальной семье, в которой есть мама, папа и брат или сестра. И вот я собственными руками, своим же эгоизмом всё и испортил. Не знаю... Зачем я вообще говорю всё это? Ладно, не бери в голову. Я пойду. Ты прости.

— Но куда?

— Хочу найти того старика. Он, видишь ли, он сможет перенести меня в другое место. Так, если получится, я запутаю Хранителя. И мне не придётся смотреть в глаза Артуру, — договорил Хэйден и тоже ушёл.

Да. Мужчины загрузились по полной. Ну а я села на одинокий камень, лежавший посреди земли.

Здесь не пели птицы, не журчали ручьи, не было даже дуновения ветерка — всё будто замерло, всё застыло в миге. Травы и цветы здесь не растут и не увядают. Облака никогда не застилают горизонт, пока их создатель того не пожелает. «До чего это должно быть скучно, — подумала я и сорвала голубую ромашку. — Я тут сижу и размышляю о пейзаже, а они не хотят друг друга даже видеть. А я будто посреди них. Я как мост, который должен связать их, но как? Как мне лучше всего применить свои силы для творения добра?»

Я вздохнула и опустила голову, разглядывая примятые травинки под ногами. Захотелось приложить к ним ладони. Так и сделала. От земли в меня пошли тепло и наполнение.

А всё-таки. Кто я, чтобы разбираться в чужих жизнях? Почему Хранитель жизни сказал так? Почему мы все поверили ему? Почему я вообще сейчас сижу на камне и смотрю на мураву вместо того, чтобы побежать за Артуром и поддержать его? А всё-таки сейчас я хочу побыть здесь. Это я точно знаю.

Я поднялась, но не сделала ни шага. Что-то ощущалось, витало в воздухе. Стоило лишь прикоснуться к нему — и всё стало бы доступно.

Но для того надо быть спокойной. Вдох. Выдох. Моё дыхание — тот же ветер.

Да. Вот оно. Улавливается, предвестием веет, окутывает, но пока ускользает.

Но тихо.

Будь же спокойна. Всё хорошо.

Откуда-то сбоку подул тонкой струистой то ли волной, то ли мелодией ветер. Коснулся

шеи, рук, охладил голову. И прояснилось. Рассеял тонкую-претонкую вуаль непонимания, и тут я ощутила, я осознала сокрытое прежде.

«Я хочу попробовать», — сказала я вслух и закрыла глаза.

Глава 27. Возвышение

Волна. Сильная и высокая. Я плавно поднимаюсь на её пенистом могучем гребне к белым облакам, от которых опускаются белые полосы. Протягиваю пальцы в их сторону, касаюсь светила с лучами, что расходятся во все-все стороны всех-всех миров, образуя радужные круги, спирали, лабиринты. Согревая их, озаряя той внутренней силою, что давным-давно сотворила всех нас.

Подо мною земля, её я тоже ощущаю. Крепкая, полная жизни и моих корней, которыми я держусь здесь. Они не дадут улететь далеко, если только я сама захочу того.

И ветер.

Мой любимый поток воздуха, что несёт, подобно коню, туда, куда я желаю. Его грива струится в лучах по-закатному мягкого солнца, что золотистым сиянием ложится на эти осенние степные, просторные земли.

Ставлю руку ладонью вверх. Свет вместе с ветром проходят от кончиков пальцев, что сейчас пульсируют, чуть покалывают, и сила движется дальше, к запястьям...

А в груди стало так тепло и хорошо, будто маленькое солнце засветило прямо внутри меня. Вынули пробку, мягко убрали преграду, словно повернули дверную ручку и открыли путь. И свет отныне свободен. Может сиять наружу, может греть меня саму, может и вовсе бывать там, где возжелает, а после возвращаться, но а сейчас — он здесь. Я здесь.

Я у камня. Я здесь.

Плавно возвращаю себя мыслями к реальности. Чувствую свои ноги, руки, голову, что чуть болит. Делаю пару глубоких вдохов и выдохов.

Итак. Чем мне заняться? Куда отправиться? Артур и Хэйден разбежались, Хранители заняты своими делами. Но а что же делать мне?

Я зевнула. Захотелось спать. Так сильно, что я прислонилась спиной к камню, закрыла глаза, вновь увидела то радужное сияние и погрузилась в глубокий спокойный сон.

Глава 28. Свидание

Когда я проснулась, Артур уже стоял рядом и глядел на меня как-то странно, будто впервые видел.

— Что с тобой такое? — спросила я, поднимаясь с земли и разминая затёкшее тело.

— Я вдруг понял, как бесконечно сильно люблю тебя.

— Надо же. Сказал наконец, — ответила я, усмехнувшись, а сама еле сдерживалась, чтоб не заплясать от радости.

— Пойдём, — сказал он, взял меня за руку и мягко потянул в сторону.

Пока мы шли, из-под земли выплыли тёмно-синие сумерки, проступили насыщенные медовые звёзды. Они пылали, словно свечи, над нашими головами, над нашими голосами, что тихим шёпотом раздавались в ночи.

— Знаешь, я всё думала, что ты ненастоящий, — сказала я, переведя взгляд с лица Артура, освещённого звёздами, на его затасканный пиджак, на такие родные плечи, к которым захотелось прижаться. И я обняла его, и тепло собралось у меня в груди и засветило. — Ты мне казался воображаемым другом. И я беседовала с тобой, когда становилось совсем тяжело. Знаешь, я так много хотела сказать в эту бесконечно долгую разлуку, но а теперь всё позабыла. Тебе было без меня тяжело? Ты думал обо мне?

— Думал, ещё как я думал. Я бесконечно много думал. Я думал столько, что голова не выдерживала, тогда я выплёскивал всё на холсты. В то время я лишь ими и на них жил. Я хотел огородиться ото всего мира и уйти с головой в себя и свои переживания, бесконечно глубоко погрузиться в них и никогда уже не выплывать. Утонуть там, как в болоте. Но что-то случилось. Я вдруг понял, что должен ехать, и я поехал, и мы встретились с тобой.

— И тебя не пугает, что я теперь другая? — спросила я, проведя ладонью по его колючей щеке. Как же давно я не касалась её. Как же давно. — Что я совсем не та, кем себя считала? Я ведь поняла, о чём сказал Хранитель жизни. Погляди.

И я закрыла глаза.

Поднялся ветерок. Но тут же стих. Не испугается ли Артур де Вильбург? Не сбежит ли потом? А впрочем, притворяться я не стану. Пусть знает, с кем имеет дело. Пусть.

Ветер кружит листья и мои волосы. Он спиралью загибается вокруг меня, всё нарастая и нарастая. «Я хочу взлететь, — говорю про себя, и вот он чуть приподнимает, приближая к незнакомым звёздам. — Благодарю, но пока хватит».

Прекращается. Я снова стою перед Артуром и улыбаюсь ему и своей силе.

— Ты бесконечно прекрасна. Будь ты хоть гномом, хоть богиней, хоть той маленькой девочкой, которая промокла под дождём — я люблю тебя, всю тебя. Без остатка.

Во мне снова множится тепло, но уже иное. Горячее, зовущее, влекущее. И мы даже не доходим до стола с горящими свечами, с блюдами на золочённых тарелках поверх белой скатерти. Мы идём мимо цветов в вазочках.

Пока не до них.

Повсюду девственная земля с необъятными просторами. Удар током от прикосновения пальцев. Набегающие мурашки от каждого поцелуя. Рука, медленно скользящая от шеи вниз, исследующая каждый изгиб. Горячее дыхание.

— Ты нужна мне. Я повторю это бесконечно, а ты больше не исчезай.

— А я исчезала? — спросила я, и всё тепло куда-то делось.

Артур не ответил. Тогда я чуть отстранилась и повторила снова. Любопытство стало нарастать.

— Да, — недовольно сказал он. — Когда я писал картины у моря, я ощущал твоё присутствие за спиной, а в Министерстве случилось наоборот.

— Мне тогда тоже стало больно и одиноко. И так пусто. Да, тогда я правда всё оборвала. Извини, — сказала я и положила голову на его плечо. Вновь тепло стало шириться во мне, и снова мы были так близки, как никогда. И весь мир заключался в этих пальцах, в губах, в дыхании.

Но вдруг раздался грохот.

Глава 29. Артур. Совет

Быстро шёл мужчина. Жёсткая чёрная борода почти сливалась с одеждой. Золотая маска блестела, зеркалом отражая небесное светило.

— Здесь беглецы, — сказал он, стремительно приближаясь к Хранителю жизни, который в это время составлял из частиц семени дубов. — Они нарушили статью Антензианского кодекса и помешали правосудию. Я забираю их.

— Однако им оказана большая честь, раз прибыл сам Хранитель Города Мечты, — ответил он, на секунду прекратив своё дело. — Да ещё в такой спешке, да ещё и ко мне. Однако с чего вы взяли, что они именно здесь?

Хранитель снял маску. Уставшие, но озлобленные глаза, плотно сжатые челюсти, прямой нос.

— Я весь Мир Мечты вдоль и поперёк. Их нет нигде. Остались острова и это.

— Однако вполне возможно, — продолжил старец, соединяя в ладонях светящиеся шарики, — что они как раз на островах.

— Именно поэтому двое за вашей спиной.

Хранитель жизни обернулся и вздохнул, увидев Миру и Артура. Потом как ни в чём не бывало продолжил:

— Что ж. Почему бы не отложить это дело на некоторое время?

— Хранитель жизни, — сдержанно сказал он, доставая сигары и зажигатель. — Вы не можете ни ограничивать мои решения, ни влиять на них, — с этими словами он щёлкнул зажигателем, но тот и не подумал загореться. Тогда Хранитель сжал его так, что корпус треснул и спиралью вылетел дымок.

— Однако я и не собираюсь. Вот только мне, насколько помнится, не приходилось бывать на Советах пару десятков лет, — сказал старец, выпуская вверх золотое облако.

— Хотите созвать? Придать огласку? Думаете, что Совет рассмотрит это дело? С чего бы им тратить своё время ради какого-то человека?

— Однако вы своё тратите. Видно, дело это чрезвычайно важное. Так что созвать необходимо. Иначе придётся просить вас покинуть эти края. Всё же здесь вам не кабинет, дорогой Хранитель, здесь, если хотите, лаборатория, где рождается жизнь. Утроба Мира Мечты.

Хранитель ещё сильнее сжал челюсти и быстро надел маску. Чем сильнее он сдерживался, тем более нервно и карикатурно вёл себя.

— Как вам угодно, — процедил он, ударил ногой об землю, произнес слова на древнем наречии, которого не понимает в Мире Мечты практически никто. Твердь стала трескаться и расходиться.

— Что с нами будет? — тихо спросила Мира, держа его за руку. — Я совсем оторвалась от событий, я будто позабыла, что вот-вот Совет, что хранители против нас, что всё вот так... Знаешь, я боюсь.

— Не бойся. Хранитель жизни на нашей стороне, — ответил Артур де Вильбург и обнял её. Захотелось защитить Мирославу, спрятать её за собой, стать горой, если понадобится. Кем угодно, лишь бы защитить. «Сбежать бы, пока не поздно. Но куда и как? Он везде, везде отыщет нас», — думал Артур, ощущая, как ладонь у Миры мелко подрагивает.

— Знаешь, мне кажется, у Хранителя ко мне какая-то личная неприязнь. Слушай, а что

такое Совет? — добавила она, глядя на расщелину в земле, из которой выплывали тёмные фигуры, облачённые в мантии и золотые клювоподобные маски.

— Это собрание хранителей. Они скоро придут сюда все, — сказал Артур, слыша, как его собственный голос начинает дрожать. Он перестал говорить и начал думать, перебирая пальцами свободной руки цепочку хронометра: «Во-первых, она непростой человек. Хранитель жизни сказал, что в неё есть что-то сильное, необычно сильное. Значит, всё хорошо. Во-вторых, дело с Библиотекой давно забыто. Меня не могут наказать ещё больше, чем это было сделано».

И ему вспомнился тот Совет. Сколько стыда, боли, просьб и уверений, сколько рассказов о том, что это вышло случайно, что он всю жизнь мечтал быть стражем, что его лишают счастья, что он не переживёт этого. Как он копил, как отказывал себе в каждой мелочи, старался учиться, мечтал работать в Библиотеке, следить за порядком, проверять книжные миры. А в конце — приговор. Никогда не быть стражем. Никогда.

— Как же много хранителей, — прошептала Мира, возвращая Артура к реальности.

А их в самом деле было бесконечно много. Высокие и низкие, с красными вышивками на мантиях, с золотыми, с зелёными. Даже с настоящим кровавым подбоем. Хранители уже выстроились в круг, один из них — в серебряном одеянии — поднял руку вверх и тем самым объявил о начале Совета.

Раздались шорохи, скрежеты, словно кто-то включил радио не на ту волну. Некоторые замахали руками, другие молча закивали или качали головами. Третьи же стояли неподвижно, будто их нисколько не интересовало обсуждаемое.

Степной ветер кружил в маленьких вихрях. Мира то заворожённо глядела на них, то вздрагивала, будто вспоминая про Совет, и сжимала ладонь Артура.

Истинная ведьма. Точёная фигура, рыжая копна волос. Глаза цвета зелени, в которую хочется окунуться, нырнуть в самую глубь этого внутреннего прохладного леса, нырнуть и не выныривать до тех пор, пока не насытишься им, пока он не пропитает каждую твою клеточку. И тогда явится иное. От касания к чему проступают добро и благо. То, что и есть наивысшее благо, связь с той истинной бесконечностью.

Мира вздохнула.

«Как странно мы себя ведём, — подумал Артур. — Мы будто застряли в каком-то болоте. Ни я, ни Мирослава не делаем ничего, чтобы спасти себя, мы просто сидим и ждём. Но почему? Что мешает, что пока не даёт нам стать лучше? То даже не страх. Но что? — Артур перевёл взгляд с Миры на хранителей. От их речи гудела голова. — Неужели это они мешают? Но ведь моя воля и её воля могут быть в разы сильнее, я чувствую это. Мы сами избираем свой путь. А раз так...»

— Идём, — сказал Артур и потянул Мирославу за руку.

— Куда?

— На свободу. Уйдём отсюда.

Она засмеялась.

— Куда же мы пойдём? Хотя знаешь... Веди. Веди меня туда, где будет хорошо и спокойно, где мы будем счастливы. Ты справишься, я верю в тебя и я верю тебе.

И они поднялись. И пошли быстро и прямо, и им не было никакого дела до Совета, до хранителей, их статей и кодексов, до всех этих правил — нет никаких границ, есть лишь свобода и счастье, большое и могучее счастье, которое живёт внутри них самих, в их любви, в том, что однажды поведёт их в лучшие, в истинные миры, где счастливы все и постоянно.

— Знаешь, — сказала Мира, когда древнее мирянское наречие уже не было слышно, — я вдруг поняла, как много прекрасного, как много всегда чудесного и доброго вокруг и внутри нас. Мне кажется... Я точно верю, я вижу, что у нас с тобой всё будет хорошо.

— И я так думаю, — ответил Артур де Вильбург и поцеловал Мирославу. — А теперь идём. Я знаю, куда нам с тобой нужно.

— Куда же?

Глава 30. Встреча с конём

— К счастью, конечно, — сказал он и засмеялся.

И мы отправились прямо и прямо.

Мне казалось в тот момент, что весь мир открыт для нас, что повсюду нам будут рады, куда бы мы ни подались. И всё же смутные мысли о Совете и хранителях тяготили меня, примешивая оттенки тревоги к нашей свободе.

Так и виделась мне эта сцена в каком-нибудь романе. Две удаляющиеся в закат фигуры, двое влюблённых, что оставляют позади пылающий ненавистью круг из причудливых силуэтов в мантиях и клювоподобных масках. Будто мы с Артуром выходим из древнего мира полуящеров-полудикарей и ступаем ввысь, к прекрасному и светлому...

— Погодите! — крикнул Хэйден, и мои высокопарные мысли тут же стихли. — Если уйдёте, вас... — продолжил он, нагоняя нас. Мы с Артуром остановились. — Вас могут отправить на дорогу в Пустоту, но могут и спасти.

— Спасай лучше себя, — ответил Артур и пошёл дальше. Я замешкалась.

— О чём ты?

— Видишь ли, Хранитель жизни сказал тогда, что ты непростой человек. Даже больше: ты не просто человек. Он наговорил мне многое, когда я просил отправить меня на острова или ещё куда-нибудь. Вы в безопасности, Мира. Только не уходите.

— Неужели веришь ему? — процедил Артур, который снова оказался рядом. — Он же предатель. Играет роль заботливого спасителя, доброго вестника, а сам заманивает в новую ловушку.

— Видишь ли... я... — начал Хэйден неуверенно, но тут же сказал совсем другим тоном: — Я говорю правду.

— С чего нам верить тебе?

— С того, что я спас вас там, в Пещере, когда...

— И что с того? Ты бесконечно лжёшь...

Их голоса звучали всё громче, так что голова заполнялась ими и гудела. Я перестала слушать. Мне вдруг до того сильно захотелось побыть в тишине, побыть свободной и сильной, что я закрыла глаза.

Ветер... Ты слышишь меня? Приди ко мне, пожалуйста. Я хочу полетать, я хочу отправиться туда, где будет хорошо и спокойно. Я призываю тебя.

Мягкое дуновение. Тонкий шелест, словно конь ступает по опавшей листве. Прохладное прикосновение к моей ладони. Глаза закрыты. Пусть длится чудо, пусть станет явью моё желание...

И вот я уже лечу, словно истинная ведьма, но не на метле, а на потоке ветра, что вскачь несётся по мирам. Сила, дремавшая столькие годы глубоко внутри, наконец проявилась. Открыла мою свободу, растворила все запертые окна и впустила в них свежесть и силу. И свет.

— Куда полетим, Мирослава? — спросил кто-то, и я открыла глаза. Белая летучая мышь с пушистой головой. На моём плече. Вот так встреча.

— А ты кто?

Глава 31. Фамильяр

— Я фамильяр, — важно ответила мышь. — Разве вы меня не замечали, Мирослава? Тогда, в кафе, где вы пели. И там, на Земле, это ведь я сидел в чулане. Помните?

— Ещё как. Я тогда кричала на весь дом, паразит ты этакий, — сказала я и стряхнула мышь с плеча. Та молча полетела рядом. — Как зовут-то тебя? И почему ты вообще разговариваешь?

— Вы, Мирослава, сами должны дать мне имя, — ответила мышь и обиженно отвернула пушистую мордочку. — А говорю я, потому что умею.

— Будешь Вероника.

— Но я не могу так зваться, — протянула мышь, глядя на меня огромными глазами, и добавила: — Я самец, а не самка.

— Тогда Говорун. Много болтаешь.

— Как изволите, Мирослава.

Он так сказал это, что мне стало жалко его. И стыдно. Это ведь он успокоил меня в том месте, в министерстве. Уберёт от странного послания, прочти я которое...

Представилась жуткая картина. Как я безвольно ступаю по ледяному мраморному полу, а по телу пробегают тысячи мурашек. Впереди мелькает светлое пятно: Артур. Он тоже в полусне, в полузабытье.

Но нет. Я стираю всё нехорошее. Я хочу счастье. Я избираю другой путь — свободы и счастья.

Вот и сейчас я была свободна. Поток воздуха нёс всё дальше и дальше. И подо мною простирались лазурные моря и леса с деревьями цвета золота и солнца, и проносились пастбища с розовыми животными, которых и не разглядеть отсюда.

— Чуть ниже, — попросила я, и конь мой послушно опустился, чтобы после вновь взмыть.

Облитая солнечным светом полянка. Деревья, что приветливо помахивают ветвями с перстнями и браслетами из золотых листьев, что глядят на меня выступами коры, что говорят со мною шелестом кроны. Голубеющие, совсем как дома, на Земле, небеса.

Мне вдруг показалось, что я даже увидела знакомую опушку. Точно. Вон оттуда, по той самой тропе, можно попасть в посёлок, а из него — в наш дом. Где мы жили много-много лет назад. Где рос барбарис у заборчика — его листья хороши в компот, особенно ранним летом, — где я стоя каталась на калитке, а она скрипела на всю улицу, где лежали дрова для печки, а еще там...

Стало чуть больно. Но всё же тепла больше. Оно засветило внутри, словно маленькое солнышко.

— Я могу пройти по этой тропе? — спросила я у мыши. Та обиженно молчала, сидя головой вниз на ветке. — Прости меня, пожалуйста, мне очень жаль, что задела тебя.

Мышь встрепенулась и подлетела ко мне.

— Вам пока рано, Мирослава. Это пока опасно для вас.

— Пока опасно... — повторила я и вздохнула. Что ж. Пусть так и оно и будет. Пока. — Знаешь, ты будешь Соломон, — сказала я и посадила его на плечо.

— Хорошо, Мирослава, — ответил он радостно и потёрся о ладонь тёплой пушистой головой.

— Полетели дальше!

И вот снова ветер касается моего лица. Повсюду — свобода. Мчись за самый горизонт. В чудесные леса с могучими деревьями, с поющими горами, с древними рунами, что начертаны на стволах. В края с плясками у костров, с пучками трав вдоль стен. К добрым и сильным существам. Мчись туда, где сходятся рельсы, где все мечты оживают и усыпают твой путь сиренью, лавандой и шалфеем. Улетай... Пари там, где не бывал ещё ни один человек — впрочем, первая ли я? Не это ли воспевали поэты? Не это ли — ещё только предвестием — ощутила я сама, когда летела на драконе вместе с Артуром? Не это ли и есть счастье?

Почти.

Сила и движение ввысь — вот слагаемые счастья, которые являются частью тебя. Но нужно кое-что ещё — любовь. И любимый.

Он далеко. Хотела бы я, чтобы мы сейчас оказались рядом и летели вместе. Но пока не получается.

Так думала я, перебирая пальцами гриву, что струилась полупрозрачными воздушными прядями.

Глава 32. Артур. Продолжение Совета

Когда бесконечно глупый спор прекратился, Хэйден ушёл обратно в сторону Совета. Артур же, убеждённый в своей правоте, сказал:

— Я же говорил, ему не стоит доверять. Предатель. И трус. Мира, почему ты так долго молчишь? — сказал он и оглянулся.

Мирослава куда-то подевалась.

Артур де Вильбург тут же сбросил всю надменность вместе короной победителя и сперва заметался, а после остановился. Где она может быть? Вперёд, бросив его здесь, она не пошла бы. Влево и вправо нет дорог. Впрочем, Мира может лезть и через траву, и через кусты она пойдёт, но не теперь. Нет, что-то подсказывало: она не там.

Могла вернуться к хранителям? Да. Да, конечно же. Надо скорее отыскать её. И после — уйти вдаль, за самый горизонт, к бесконечному счастью, туда, где будет хорошо и спокойно.

Артур быстрым шагом направился обратно по тропе.

Издали завидел Совет и замедлился. Хранители, почему-то запрокинув головы, растерянно стояли посреди облысевшей полянки, вокруг которой размеренно колыхались жёлто-осенние степные травы. А над ними... Артур медленно поднял взгляд. И сглотнул.

Знакомое платье, рыжая копна волос, родной голос, напевающий что-то вместе с ветром — то Мирослава, кружащая в воздухе, по спирали уносящаяся всё выше и выше, к самому светилу, к самому небу. К звёздам. К...

— Ваше Святейшество, — сказал старый Хранитель жизни, и все, включая Артура, вздрогнули. — Позвольте же, однако, узнать, на каком основании их собирались казнить?

— Один скрыл несанкционированное пребывание человека от правительства Мира Мечты. Другой нарушил проведение судебного процесса. Девушка же сохранила память о Земле и дважды нарушила законодательство, — невозмутимо ответил хранитель в серебряной мантии.

— Однако не кажется ли вам, что Мирослава не совсем человек?

— Вы полагаете?

Хранитель жизни снял клювоподобную маску и чуть заметно усмехнулся.

— Да, я полагаю, — сказал он, широким жестом указав вверх. — Её корни содержат следы мирян. Мне известная её история. Я поведаю это вам. Девять поколений назад один из жителей Мира Мечты был послан на Землю. Он должен был изучить её. Однако мужчина влюбился в человеческую женщину. У них родился ребёнок, и мирянин прожил с ними пятьдесят местных лет. После он вернулся, получил хорошую должность, но так и не примирился с потерей. Иногда она до сих пор разъедает его изнутри. Мирослава же — его потомок. Она чиста и сильна.

— Кто же нарушил вторую статью Антезианского кодекса? — спросил он.

— Никто, Ваше Святейшество. Всё это случилось ещё до его принятия.

— Чего вы добиваетесь? — произнёс Хранитель Города Мечты до того медленно и сдержанно, что у Артура по спине пробежали мурашки. Неужели все слухи, что ходят о Хранителе, — это правда? В кабинете лежит портрет его жены, и она — землянка? А Мира? Что теперь будет с ней? Как высоко улетит? Захочет ли вернуться к Артуру де Вильбургу?

Он не знал. Он лишь стоял и молча глядел то вверх, то прямо перед собой. А где-то

рядом мелькал Хэйден. Что-то говорил ему, но Артур не слушал.

Он уже совершенно ничего не понимал. Голова Артура до того заполнилась туманом, что ему вновь захотелось скрыться глубоко внутри себя, убежать в такие края, где есть лишь чистый снег, синеющие горы, далёкие зелёные долины внизу, где водопады дышат прохладой и умиротворением.

Артур закрыл глаза и мысленно перенёсся туда.

Голубое, почти безоблачное небо. А высоко в нём — кружащая по спирали громадная золотая птица. То скроется за скалой, то вновь выльнет. Полёт её плавен, равномерен. Она точно знает, что ищет. Уже заприметила.

«А что ищу я? — подумал Артур и постарался вспомнить. Морок в голове чуть рассеялся, мысли притихли, и прояснилась та, что важнее сейчас, чем остальные. — Да, я же ищу Мирославу. Где она может быть? Неужели где-то здесь?»

Артур поднялся — и когда это успел сесть? — и оглядел соседние горы. Их острые макушки касались неба. Их лица, скрытые в ущельях и гротах, в линиях снегов, что подобны стволам и ветвям деревьев, наблюдали за Артуром, словно мудрые наставники, чьи голоса достигали его сквозь пространство и время. Они напевали, указывали путь.

Артур прислушался. В груди что-то потянуло вверх, к той самой золотой птице.

— Мира! — воскликнул он, и птица взглянула на него. Знакомый огонёк посреди зелени радужки. Он растёт, заполняя весь глаз, и вырывается наружу, и поднимается ветер. Знакомый, свободный и сильный. Ветер. — Я нашёл тебя! Вернись, пожалуйста, ты нужна мне. Я люблю тебя!

И голос его разносился вширь, и словно зыбились горы, и туманились их лики, и стихали голоса, и медленно опускалась огненно-рыжая птица, обретавшая человеческое тело.

Артур принял её на руки и укрыл своим пиджаком. Она была совсем лёгкая, будто соткана из чистого света.

Мира открыла глаза и улыбнулась.

— А где Соломон? — спросила она, отыскивая кого-то взглядом. — Это летучая мышь. Белая такая, с пушистой головой ещё. И есть конь из ветра.

— Пойдём обратно, — сказал Артур де Вильбург. — Всё хорошо, идём. Отыщем их в Мире Мечты, они наверняка там.

— Да, ты прав, — ответила Мирослава и обвила его шею руками. Стало тепло-тепло. И так легко, будто в теле продвигалась, сияла пока неведомая, но такая знакомая сила, что они оба без раздумий доверились ей. — Вот и конь, — радостно сказала Мира, указывая куда-то в сторону и вставая на землю. Пойдём, Артур, — окликнула она и потянула за собой.

И он сел на невидимого, струящегося прохладой коня, и они поднялись ещё выше, чем были, а после помчались обратно.

— Мы возвращаемся, — сказала Мира и откинула рыжую прядь волос, которая закрывала её глаза. — Держись крепче.

Глава 33. Ночь на полянке

Приземлились. Соломон и конь учтиво исчезли на время, и мы с Артуром де Вильбургом остались вдвоём.

Наползли сумерки. Как-то чересчур быстро и очень удачно, будто специально для нас. Проступили звёзды цвета мёда и серебра. Я запрокинула голову, стараясь разглядеть побольше чудесных огоньков высоко в небе.

Артур мягко обнял меня со спины и уткнулся носом в мои волосы.

— Как ты приятно пахнешь, — сказал он, чуть прижимая к себе. Стало тепло и хорошо. Будто внутри меня засветило то ли солнце, то ли свеча из золотистого воска. Её огонь плавно разгорался от нежных, едва ощутимых поцелуев.

Прохладный ветер растрепал мои волосы. Я привычным движением заправила прядь за ухо. Артур повторил моё движение, и кончики его тёплых пальцев чуть коснулись моей шеи. Пробежали мурашки. Такие же знакомые и желанные, как само счастье.

Он поднёс мою ладонь к своим губам, и горячее дыхание окутало её и прошлось от центра к кончикам пальцев, всё больше разжигая пламя свечи. Он поцеловал серединку ладони, и стало щекотно, но приятно.

— Какие у тебя тёплые руки, — сказал Артур, и мне вдруг вспомнилось, как я вонзала в эти самые ладони ногти, пытаясь успокоиться хотя бы так. Как же давно всё это было. Словно в прошлой жизни.

Я повернулась к нему. Его пиджак, служивший мне единственной одеждой, соскользнул.

Свет звёзд мягко падал на мои руки и обнажённые плечи. Я золотилась в этих лучах.

— Ты прекрасна, — тихо-тихо сказал Артур. И я прижалась к его груди, к могучим плечам, которые так люблю. Вдохнула его особенный запах, к которому всегда примешиваются нотки красок и растворителей. Забралась пальцами в корни волос на затылке и скользнула второй рукой под рубашку. Прошептала волшебные слова.

Артур прижал к себе плотнее.

— Какая удивительная ночь. Совсем тёплая, — сказала я, чуть запрокидывая голову и открывая шею для поцелуев. Они обжигающими рядами проследовали до самых плеч. Я прильнула ещё ближе.

Желание всё нарастало, овладевало нами. Я ощущала дыхание Артура, выравнивая своё под тот же ритм, позволяя нам становиться единым целым.

Глава 34. История Хранителя

Когда мы вернулись, Совет то ли уже кончился, то ли пошёл не по плану. Хранители разбрелись кто куда. Одни ссутулившись сидели на степной земле и жевали травинки, другие умиротворённо бродили по округе, указывая друг другу на редкие полуобнажённые деревья и кустарники. Изредка оглядывались на меня и Артура и, кажется, обсуждали нас. Третьи же, придерживая подола мантий, старались ускользнуть в расщелину, из которой и попали сюда. Они садились на её край, опускали ноги вниз и прыгали. Спустя где-то минуту на краю появлялись их руки, которыми хранители цеплялись за землю и выбирались обратно на поверхность.

Артур сказал, что всё это выглядит до того карикатурно и нелепо, что он лучше прогуляется. Я же прислушалась к разговору двух хранителей, которые стояли на прежнем месте и продолжали спор всё о том же. И даже не на древнем мирянском языке. Ведь понимала их.

— Разболтали всем, что она связана со мной, и что теперь? Довольны?

— Однако, вы обладаете редкой способностью понимать всё неверно.

Эти двое походили на сцепившихся подростков, один из которых был чересчур насмешлив, а второй — слишком вспыльчив, так что драки было не избежать.

— Объясните тогда мне, как будет верно, — ответил Хранитель Города Мечты и нервно повернул колёсико зажигателя, пробормотав что-то себе под нос. Появился слабый огонёк, после чего от сигары потянулся тоненький дым.

Надо же. Этот сильный, разодетый в мантию мужчина, что сейчас стоит здесь, в далёком от моего дома месте — неужели он и вправду мой родственник?

— Знаете, мне тоже интересно, — сказала я. — Как вы, дорогой предок, могли сотворить такое? Если у меня действительно ваши корни.

— Ты не понимаешь. Моей женой была твоя мать.

— Это как?

— Что ж. Раз это и так полный позор для меня, то слушай. Слушайте все вы, — сказал он упавшим голосом.

— Нет, — сказала я, ощутив вдруг к нему сострадание. Его довели до отчаяния. Почти сломали. Добивать ему себя я не позволю. — Они не будут слушать.

Я быстро, пока тот не опомнился, взяла Хранителя за руку, подозвала коня, села на него сама и потянула Хранителя следом. Он хотел было выдернуть руку и возмутиться, но конь, сотканный из воздуха, стал поднимать нас ввысь, так что мой спутник крепко схватился за мою ладонь и подтянулся.

— Я хочу узнать эту историю, — сказала я, перекрикивая ветер.

— Ты получишь её, — ответил он после долгого молчания. — Но дашь мне взамен одну вещь.

— Какую? — недоверчиво спросила я.

— Исцели меня от боли. От боли потерь, — сказал Хранитель почти упавшим голосом, в котором всё же отчётливо слышались мольба и надежда.

Такого я уж точно не ожидала. Огорошил по полной программе. Как мне исцелять? Чего он хочет? Таблетку ему, что ли, дать обезболивающую? Только для души.

— Разве я такое умею? — спросила я и тут же подумала, что, наверно, напрасно сказала

так. Мне ведь очень хотелось услышать ту историю. Расскажет ли теперь?

— Умеешь. Мари тоже умела. Если она действительно чего-то желала, это случалось.

И вдруг я поняла. Поняла всё. Полёт в Мир Мечты и возвращение. Встреча с Артуром в огромном городе, вероятность которой была совсем небольшой. Наверняка есть ещё многое, но я просто не помню. Мелочи вроде именно того сорта яблок, какой рос у нас в огороде, в любом магазине, где я бываю. Пустяки на первый взгляд, но из них и складывается удовольствие от жизни и уверенность в своих силах.

— Хорошо. Я исцелю вас, — сказала я и представила, как из рваных багряных душевных ран протягиваются тоненькие лучистые ниточки-паутинки, как они мостиками перекидываются через пропасть, как всё плотнеют и обретают ту же структуру и тот же цвет, что и душа Хранителя. — Я вижу вас исцелённым. Теперь всё будет хорошо, — добавила я, и конь из ветра стал спускаться.

Он коснулся копытами незнакомых, но приветливых земель, где розовела японская сакура и пели не ведомые мне птицы. Здесь было до того хорошо, что на какое-то время я позабыла о Хранителе и умчалась нюхать цветы на деревьях. А они были прекрасны. Их нежные лепестки мягко прикасались к моему лицу и ладоням, и я закрывала глаза и наслаждалась сладким благоуханием.

Но тут я вспомнила о Хранителе, который всё ещё молчал, и оглянулась на него: по-прежнему сидел на коне и держал ладонь около сердца. И он улыбался.

Значит, помогло.

Я обрадовалась, очень обрадовалась, но тут же решила успокоиться. Пусть я буду спокойна. Так лучше.

— Знаете, теперь ваша очередь. Расскажите мне ту историю. Пожалуйста.

— Девять поколений назад, — медленно начал Хранитель, переводя на меня взгляд и держа руку у груди. — Совет направил меня на Землю. Я должен был собрать информацию о людях. Мы хотели быть готовыми к возможному вторжению. Я согласился, ведь после возвращения меня обещали сделать хранителем.

Но работа продвигалась медленно. Я не понимал ни один земной язык, я бедствовал, я просил милостыню, чтобы поесть, потому что людям постоянно нужно есть.

Меня чурались. Информации не было. Мне не давали её, будто кто-то ограждал от неё.

Так продолжалось, пока я не встретил Мари, — сказал он дрогнувшим голосом. — Она не отшатнулась от оборванного глупца, который променял комфорт в Мире Мечты на вот это... — Тут Хранитель сделал неопределённый жест и вздохнул. — Приютила, обучила французскому. Она рассказала много важного о людях. Благодаря ей я предоставил Совету всё необходимое.

Работа закончилась. Я думал вернуться, но она сказала, что беременна. Теперь нельзя было забрать её с собой. Я не имел такого права. Понимаешь, если Мари могла сама сделать выбор, то ребёнок внутри неё ещё не мог. Я стал перед выбором.

Хранитель Города Мечты то уплывал в негу далёких воспоминаний, то выныривал оттуда с глубоким печальным вздохом, то снова подносил ладонь к сердцу и замирал так ненадолго в полном молчании, будто чутким внутренним слухом прислушивался к тому, о чём говорило его нутро, как отзывалось на каждое произнесённое слово.

Я не торопила. Пусть сперва ощутит спокойствие — тогда и история потечёт в нужном направлении, и я узнаю всё то, что хочу от него.

Пока мы так молчали, я глядела на ещё одно цветущее дерево, которое сразу и не

приметила.

Мазки белой гуаши поверх редковатых пастельно-зелёных листьев. Ветви расположены как-то по-восточному, словно это не растение в Мире Мечты, а сакура в японском саду. Этакая весточка — веточка, — приветствие из другой страны и другого края. Киваю. Я поняла сообщение. Я уловила неуловимое в изящных изгибах ветвей, в недвижимости, в полном успокоении кроны, в этом состоянии духа и тела, когда всё есть благо и умиротворение — творение мира внутри себя, снаружи, взаимодействия этих и многих-многих иных миров. Пока всё есть межмирье, пограничье, на котором мы стоим и касаемся друг друга, пытаюсь понять. Как лучше это сделать? Как помочь себе и любимым стать ещё счастливей и сильнее?

А дереву нет до того дела. Оно движется в дуновении ветерка, и оно недвижимо в своём внутреннем успокоении. То успокоение жизненное. Живое. Когда тебе благостно и ты творишь добро.

Это и есть ответ?

Один цветок ветром принесло мне на раскрытую ладонь. Вспомнился Артур. Я ведь покинула его, даже не предупредив. Нехорошо получилось. Надо бы извиниться.

— Я остался, — продолжил Хранитель, и я переключила внимание на его рассказ. — Но она потеряла того ребёнка. Однако по-прежнему не желала покидать Землю. Мари, я думаю, не всегда верила моим историям. Я казался ей сумасбродным фантазёром, из которого, как она говорила, вышел бы писатель или философ. А всё-таки она меня любила. Через пару лет родился наш первенец. Мы стали настоящей семьёй, — сказал он, и лицо его просияло от счастья. Он словно опять очутился в том времени. Никогда бы не подумала, что этот зловредный Хранитель, который только и делал, что курил сигары и подавлял всех вокруг, что вот он глубоко в себе носит такую любовь. Но тут Хранитель вздохнул и помрачнел. — Но оказалось, что людское счастье недолговечно. Спустя годы земной жизни она ушла. Наш Флорент, наш сын, однажды тоже покинул тот мир. Тогда я решил, что пора возвращаться в Мир Мечты.

Хранитель снова перестал говорить, и я не торопила его.

— Здесь мне сказали, что она попадёт на Землю ещё много раз. Вот только память о прошлых жизнях у неё сотрётся. Пока она не поймёт то важное, для чего проживает свои земные жизни, так и будет происходить. Хранитель жизни мог помочь, но он отказался. Старик заявил, что это нарушит закон! Я отыскал Мари в Министерстве, но это была уже не она... Когда появилась ты, ко мне вернулась надежда. Я захотел выяснить, почему твои воспоминания сохраняются, а её нет. Только теперь я понял, в чём было дело. Ты просто очень сильная ведьма. Как в той легенде, но по-другому.

— В какой легенде?

— Ты разве не знаешь? — спросил он, с недоверием глядя на меня, после чего устало прислонился к сакуре. На её ветку сел, словно птица, Соломон и склонил пушистую голову. — Ну слушай, раз так.

Глава 35. Артур. Рисунок на камне

«Бесконечно ты мчишься, — думал Артур де Вильбург, вышагивая по тропинке и теребя в руках хронометр. — Бесконечно улетаешь куда-то. Опять не подумала, стоит ли так делать, опять. Что ж. Ладно. Ладно. Больше терпения, больше терпения и любви, — сказал он себе меня раздражение на спокойствие. — Подождём, пока вернёшься, и поговорим».

Решив так, Артур свернул с тропы и пошёл к Главному Хранителю в серебряной мантии, который и объявлял начало Совета. Сейчас тот бесцельно бродил по степи.

— А, это ты... Страж Библиотеки, верно? — сказал он, поправив клювоподобную маску, когда Артур подошёл и поздоровался.

— Да, вы правы. Я был тем самым стражем, — ответил он, и мысли о том нелёгком времени чуть было не заполнили его, но Артур силой воли переключил внимание на то — на ту, — что сейчас важнее всего: на Мирославу. — Я хотел спросить, какое решение вынес Совет насчёт этой девушки и всех нас?

Главный Хранитель вздохнул. Он, как и все здесь, казался до того уставшим, что слова о каком-то решении, которое надо принимать, о советах и прочем вызывали лишь тоску. Артур и сам чувствовал то же.

Сейчас бы сидеть где-нибудь под добрым золотистым светом звёзд, кутаясь в тёплый плед и обнимая Мирославу. И она бы то клала голову на плечо, то показывала в небо и что-нибудь мило болтала, держа в другой руке чашку какао или чая, а рядом был бы костёр. И сидеть бы вот так в бесконечном счастье...

Но пока Артур один, и Мира тоже пока одна.

— Скажу вам честно: Совет в затруднении, — начал он, и Артур прислушался. — Хранители разбрелись кто куда. Никакой дисциплины. Словом... — сказал он и вздохнул. Помолчал. — Словом, я собираюсь распустить Совет сразу же, как вернётся Хранитель Города Мечты. Я аннулирую все обвинения в адрес этой девушки и всех вас, — устало закончил он и поправил маску. Наверняка под ней скрывалось до того измученно лицо, что лучше его было не видеть.

— Благодарю вас, — сказал Артур де Вильбург и отправился бродить по владениям того, кто творил саму жизнь.

«Раз я здесь, — подумал Артур, — буду наслаждаться тем, что имею».

А вокруг простирались бесконечно однообразные, даже унылые пейзажи: всё та же степная трава цвета дождливой осени и ветер. Хотелось спокойного, да, но всё же... Чего-то ещё...

Тут Артур вдруг понял. Рисовать. Вот что ему нужно сейчас больше всего. Вот куда отдать лишнее и вот откуда взять новое. Отыскать Хранителя жизни — да вот же он! — и попросить создать холст, краски и кисти. И всего-то.

— Одиноко, однако? — спросил тот, и Артур кивнул. — Она скоро вернётся. Она пока не умеет быть более чуткой к тебе. Но научится. Ей мешает гордость, она привыкла тащить на себе ненужное, но скоро станет лучше. Потерпи, однако же.

Артур улыбнулся.

— Как хорошо вы сказали. Я хотел попросить у вас краски, кисти и холст. Я бы порисовал сейчас, раз подходящий момент.

— Краски и кисти — пожалуйста, а холст тебе не нужен. Рисуй прямо на вон том

камне. — Он указал на одинокий камень посреди степи. — Так будет лучше.

— Хорошо, благодарю.

И он стал творить. Твёрдость камня придавала уверенности его движениям, и они широкими и плотными мазками красок ложились на поверхность. Кисть огибала мшистые узоры, превращая их в раскрывшиеся цветки, добавляя им тонкие листья с сеточкой изгибов поверх, вытягивая стебельки и уводя их к самому основанию камня, к самой степной земле, давая так опору и твёрдость цветам.

И откуда вообще взялся этот камень? Будто нарочно его поставили здесь — не с тех ли сказочных гор? — как монумент, как символ стабильности и покоя, которых сейчас так не хватало им с Мирой.

Как лучше понять и уравновесить друг друга? Как стать ещё счастливей и сильнее?

Артур задавал себе эти вопросы, а кисти в обеих его руках касались и касались камня, и неясные мшисто-узорчатые цветы и листья из трещинок проступали всё отчётливей, и в момент, когда их осветил луч местного солнца — в тот миг Артур ощутил мягкое тепло внутри, в самой груди, и такое счастье наполнило его, что он закрыл глаза и продолжил творить из глубины этой благодати.

Глава 36. Легенда

— Наш Мир Мечты, как ты, наверно, уже поняла, — начал Хранитель, взяв в руки клювоподобную маску и снова бросив её на землю, — лишь один из миров, как и твой земной. Да, мы более развиты, но и у нас свои проблемы. Есть и иные края. Их бесконечно много, и некоторые верят, что дорога в Пустоту тоже ведёт в места, где обитают пока недоступные нам существа. Подобно тому, как люди не могут себе вообразить, что у нас живут драконы, так и мы не можем представить их созданий.

Тут я захотела возмутиться. Как это люди не знают о драконах? И о ведьмах знают, и о грифонах, и вообще о многом, и сколько всего написано, и нарисовано, и сколько скульптур, легенд. Да и сам же он бывал на Земле, где его память?

Но спокойнее. Путь он рассказывает дальше.

— И из семени этого появилось древо Тар-дан, — продолжал Хранитель, и только тут я поняла, что всё-таки прослушала половину. Но да ладно, перешли как раз к самому интересному. — Оно подобно нашему Древу Познания, но куда мощнее, и оно держит на себе миры, что висят на нём, подобно плодам. В верхней части, в Кроне, расположены светлые миры, в Корнях же — тёмные. Мир Мечты посередине, — сказал Хранитель и тяжело вздохнул.

Похоже, он устал. Я тоже, если уж честно. Я так давно бегаю в поисках истины, что едва не позабыла об отдыхе и удовольствии. А ведь я хочу наслаждаться жизнью прямо сейчас. Вот договорим, вернусь к Артуру. Полетим в прекрасное место вроде тех гор, где мы недавно побывали. Или в городок поедем какой-нибудь уютный. Тихий такой, с улочками мощёными, с мостиками влюблённых, с кирпичными домиками. Где всё такое милое и доброе, что мы сразу почувствуем себя лучше.

Я поглядела на Соломона. Он прикрыл глаза и раскачивался на ветру. И даже улыбался, слушая легенду.

— За равновесием следит Странник в плаще и с мечом. Есть и Ехидна — ведьма, обитающая в корнях Тар-дана. Она поистине прекрасна, один лишь раз я видел её, и с этой красотой не смогла сравниться ни одна женщина. Даже моя Мари. Ехидна бывает недоброй, она похищала наших путников, которые отправлялись в Корневые миры... И ещё она любит этого Странника. А он — её. Но...

Она пока несчастна.

Это я поняла сразу, как только Хранитель заговорил о Ехидне. А ещё осознала, что могу помочь ей исцелиться, как помогла ему. И наконец-то считать себя по праву особенной. Не бояться, что я всё выдумала, что просто хочу быть не такой, как все — а действительно быть другой. Я хочу стать ещё более доброй, светлой и сильной.

Но главное, что я теперь — это я. И другой такой нет. Ни у кого больше нет Соломона и нет такого коня, сотканного из ветра. И Артур только у меня есть такой. А я — у него.

Я внутренне окликнула ветер, и он поднял вокруг мелкие камни. Теперь я управляю своим даром. И я хочу применить его во благо.

А Хранитель всё говорил и говорил что-то, но это было лишнее. Я поняла суть. А ещё я полностью простила его. В тот самый миг, как пожелала добра ему.

— И ты подобна по силе Ехидне, даже сильнее, быть может, но по-другому. Ты светла, а она несчастна...

— Благодарю, Хранитель, за то, что рассказали мне больше. Вернуть вас на Совет? — спросила я, перебив его речи.

— До чего нелепо, — устало сказал он и прислонился к дереву, где сидел Соломон. — Девчонка хочет помочь мне, Хранителю Города Мечты. До чего нелепо, — повторил он и подошёл ко мне. — Ну вези, раз так.

Глава 37. Спираль

Но где же остальные ведьмы? Почему в Мире Мечты они настолько нечасто встречаются, что Хранитель не сразу понял, в чём дело?

— Соломон! — позвала я, и летучая мышь, сидевшая на плече Хранителя, открыла глаза и перелетала поближе. Хранитель оглянулся, ничего не понял и устало опустил голову в маске. Он, видно, дремал. На такой-то высоте. Это как же надо было утомиться? На всякий случай я замедлила бег коня и пристегнула Хранителя чем-то вроде ремня безопасности, который соткала из воздуха. — Соломон, — прошептала я так, чтобы ветер приглушил мои слова, — где другие ведьмы в Мире Мечты?

— Они пока спят, Мирослава, — протянул Соломон, зевая и прикрываясь перепончатым крылом. И он совсем размяк.

— Это как?

— Пока силы дремлют в них. Это случилось так давно, что никто и не помнит почему... — сказал он и снова зевнул. Я тоже захотела спать. — Было вот что: Костёр горел долгие-долгие годы, и он сжигал то, что могло помочь пробудиться и добрым силам. А потом его затопили на время. Тогда ваш возлюбленный был стражем, Мирослава.

— Как же так? — Я вдруг вспомнила, что Хранитель уже рассказывал про этот Костёр и что Артур недоглядел за ним. — Выходит, что если бы не он, я бы не стала ведьмой?

— Вы ею родились, Мирослава. Но сами не ведали о способностях, — Соломон потянулся крыльями и встряхнул головой. — Они были слишком несильны. Но вот то, что мешало, исчезло. И вы пробудились.

— Значит тогда, на Земле, это и вправду всё было? А я-то считала, что это моё воображение, что фантазии у меня такие яркие, что я не с ветром говорю, а так просто, выдумываю. Знаешь, я ведь и в книжку написала о своём приключении, и Артур там есть, и вообще много всякого хорошего там есть, я как вернулась, так и стала писать... И в Мир Мечты, значит, я оба раза попала по своей воле? — добавила я, чуть подумав.

— Конечно, Мирослава. Вы сами хотели.

И я вспомнила. Первое путешествие. Тогда, много-много лет назад, я желала сбежать из своего мира, и мне дали такую возможность. Я словно внутренне призывала несчастье, отыскивала всё нехорошее, будто предчувствуя его, но на деле — неосознанно хотела уйти. По глупости я делала это. Теперь я бы хотела передать себе тогдашней больше осознанности, больше понимания и ответственности за слова и мысли. «Будь добрее, береги себя, и всё будет хорошо, — говорю я той, что стоит на краешке жизни, на том самом краю собственного света, что ступает по нему и оскальзывается, и камни осыпаются под теми ногами. — Я люблю тебя ту, я люблю. Так живи».

Я вдруг ощутила, как внутренне перенеслась к себе той, давнишней и совсем другой, пока глупой и неосторожной. Я коснулась себя в том страшном урагане и окружила защитой и добром. «Всё будет хорошо», — прошептала я себе той. И она услышала. Она открыла глаза и почувствовала мою любовь — а я ощутила её благодарность. Наши добро и Свет... Оно замкнулось, оно по спирали пошло вверх и...

Так вот почему я тогда спаслась... Так вот кто...

— Возвращайтесь, Мирослава, — сказал Соломон, и я открыла глаза. Мы по-прежнему летели, и конь сам отыскивал нужную дорогу. В груди у меня вдруг затрепетало что-то,

беспокойно забилося. Я узнала своё сердце. — Всё хорошо, Мирослава. Всё будет хорошо. Вы сделали правильно.

— Знаешь... — начала я, но тут же перестала. К чему вопросы об этом? Я и так знаю, что оно истинно. В груди стало спокойнее. — Да, ты прав. Я вернулась, я здесь. Знаешь, я а спросить хотела, разве Костёр можно затопить? — слишком громко сказала я, так что Хранитель услышал.

— Только на время, чтобы чуть ослабить. Он необходим нам.

— Да, это правда, Мирослава, — добавил Соломон и прикрыл глаза.

Дальше мы летели молча.

Глава 38. После Совета

Конь остановился на том же месте, где проходил Совет. Но там уже почти никого не было, лишь вдалеке мелькали смутные фигуры в развевающихся мантиях. Громадной расщелины, из которой вышли хранители, тоже не осталось. Вообще всё говорило о том, что им надоело нас ждать, и они просто разбрелись по своим делам.

— Где же Артур? — оглядываясь по сторонам, спросила я вслух не то у себя, не то у Соломона, не то у степной земли с одиноким камнем. Я пригляделась: на камне будто что-то поблёскивало. Впрочем, ладно, пока не до этого.

— Наверняка ушёл, — сказал Хранитель Города Мечты после небольшого молчания и вздохнул. — Они все тут куда-то ушли. Совет, видно, досрочно свернули. До чего нелепо всё вышло... А впрочем, я тебе благодарен, девочка моя.

После этих слов он вдруг приподнял маску, кивнул мне на прощание и исчез.

Отлично. «Моя девочка» — это вообще прелесть. А что не доченька? То, значит, готов был отправить нас неведомо куда, то...

Хорошо, что хоть Соломон рядом. Кстати, а где он?..

Я огляделась: золотистая степь, колыхание трав, голубое, совсем как дома, небо с широкими размашистыми белыми облаками, нанесёнными как бы плоской кистью. Будто это художник тут постарался.

Художник... Где же всё-таки Артур де Вильбург? Куда вообще все подевались?

Я устало побрела в ту сторону, где ещё не так давно у нас было свидание.

«Как же много всего случилось, — думала я, идя по пустынной земле, где изредка рос какой-нибудь куст. — Как же я устала. Зачем я всё это узнала? Жила бы себе спокойно с Артуром, он бы писал картины, а я бы стала его музой. Ведь мы ещё можем так жить? Мы теперь свободны. Совет распущен. Возьмём с собой Хэйдена и Соломона. Поселим Мэлибуда где-нибудь на веранде или лучше — в соседнем доме. Будем ходить друг другу в гости по вечерам и пить чай. И обсуждать будем что-нибудь такое интересное. Расскажут мне про Мир Мечты, о котором я, оказывается, вообще ничего не знаю. Будто ещё меньше знаю, чем тогда, девять лет назад.

А Соломон будет нас оберегать. Он вон какой большой и сильный. И про Ехидну всё узнаю, и про Костёр тоже, — подумала я и зевнула. — Как же я устала. И есть хочется. Сколько вообще прошло времени? Какой сегодня день? — я постаралась подсчитать, но ничего не вышло: солнце ни разу не заходило и не вставало с того момента, как начался Совет. У Хранителя жизни, видимо, были более важные дела. — Где бы мне прилечь? Эх, сотворить бы прямо тут кровать. Или хоть коврик какой. И Артура бы сюда».

И тут я увидела его.

Артур де Вильбург шёл мне навстречу. Всё в том же пиджаке с заплаткой, в застиранной рубашке, со своим цилиндром на голове, который снова где-то отыскал. Из кармана выглядывала цепочка хронометра.

Артур нёс какие-то цветочки в руке и глядел на меня так внимательно, словно задумал сказать что-то важное.

Уж не предложение ли хочет мне сделать? Да, было бы здорово. Мы бы поженились, и тогда...

Рассветы в горах, где солнце куда ближе и ярче, где оно не плавно выплывающее из-за

горизонта, как на равнинах, а вдруг являющее себя над чётким очертанием гор и озаряющее всё вокруг своим сказочным и сильным светом. То счастье прохладного утра.

Но вот облака, скрывающие от нас пока недоступные вершины. Мы минуем их, и настаёт день, и мы точно знаем, что завтра — больше счастья и благополучия.

А по вечерам мы то на макушке горы встречаем скорые сумерки с густо-медовыми горными звёздами, то пьём травяной чай в своём домике с верандой и большими деревянными качелями. У них резная спинка и массивные, прочные ручки. Мы раскачиваемся и глядим в небо. И благодарим друг друга и целый мир. И любовь наполняет нас, и Артур рисует само счастье, а я пишу о нём и иногда пою.

И от этого становится вокруг ещё лучше, ведь люди слышат эти песни и видят картины, читают эти стихи и сказочные строки и тоже становятся добрее и светлее.

Да, я бы очень хотела, чтобы такое счастье стало явью. Но пока мы просто встречаемся. Пока так.

— Мира, — сказал он, когда подошёл и вручил букет. — Я хочу поговорить, — добавил Артур и посмотрел мне в глаза. Неужели и правда?.. Я затаила дыхание. — Ты бесконечно куда-то улетаешь... — начал он, и всё очарование как рукой сняло. Претензии, да? — Когда ты исчезаешь, я остаюсь один. Я говорю это не чтобы тебя задеть — нет, я потому и цветы принёс, чтобы ты так не решила. Я просто хочу, чтобы ты не убегала одна. Потом мне приходится искать тебя то тут, то там.

— Знаешь, я не понимаю. В каком это смысле — искать?

— Помнишь, как я забрал тебя с горы? — сказал он, снял цилиндр и начал тереть хронометр. Нервничает, значит. Как мило. А мне куда девать свои эмоции? Опять, что ли, вонзать ногти в ладони? Ну нет. — Куда ты собиралась умчаться тогда? Птицей.

— Не знаю, — сердито ответила я и для чего-то стала делать вид, что разглядываю цветочки. Хотя не видела их в упор.

Перед моими глазами снова представали тянущиеся на бесконечные километры, сверкающие на солнце остро-снежно-вершинные горы, голубизна такого близкого неба, свобода и сила.

Он коснулся моего плеча. Я вздрогнула.

— Вот опять. Ты чуть не улетела.

— Чего же ты хочешь от меня? — воскликнула я чуть громче, чем следовало. — Чтобы я всегда была здесь, рядом? Знаешь, мне иногда бывает нужно отправиться куда-нибудь... в прекрасные края, где царят свобода и сила. Понимаешь? Как те горы, где я парила птицей, как те поля, усыпанные цветами-позабытыми фактами. Мне хочется красоты и воли, — уже спокойнее закончила я.

— Ты свободна, — сказал Артур и отошёл от меня. Стало неудобно. Неужели обиделся? — И твоя свобода в том и заключается, чтобы выбирать. Хочешь ли ты бесконечно летать где-то там, в одиночестве, или хочешь строить крепкие отношения со мной и тоже парить птицей — да, пожалуйста, но не всякий раз, как вздумается.

— Знаешь, я опять не понимаю, — сказала я, опустила букет и подошла к Артуру ближе. Взять его за руку? Можно ли обнять сейчас?

Он улыбнулся так, словно говорил с малым ребёнком, и сам обнял меня. Я ощутила тепло и спокойствие.

— Поймёшь. Я помогу. Совет, кстати, закончился. Его распустили. Все обвинения сняты.

— Так мы, значит, можем жить в своё удовольствие? — спросила я и вдруг услышала за спиной чей-то чужой голос.

— Можете, — сказал он.

Я обернулась.

Огромный белый Кот серьёзно смотрел на нас и словно чего-то ждал.

— Артур, — тихо позвала я, — ты же видишь Кота?

Глава 39. Кот

— Вижу, — так же тихо ответил Артур. — Это я с ума сошёл или как? — добавил он, и я выдохнула: если мне не чудится, то всё отлично. Значит, оба мы адекватны. Значит, говорящий Кот и правда есть.

И с чего он вообще удивил меня? То, что белая летучая мышь разговаривает и частенько сидит на моём плече, или что конь из ветра носит нас по небу, меня не смущает. А вот Кот...

Неподвижно сидящий громадный Кот, подобный то грозному волку, то большой мягкой игрушке. Кот, меняющий выражения морды на противоположные, слово кто-то крутит киноплёнку с совершенно разными белыми котами.

Наконец он принял спокойный и даже расслабленный вид.

Тогда я неуверенно произнесла первое пришедшее в голову:

— Фамильяр той самой Ехидны?

Кот кивнул.

А говорить на «ты» или на «вы»? Как вообще к нему обращаться?

— Можно на «ты», — ответил Кот моим мыслям, и тут появился заспанный Соломон.

Он лениво подвигал крыльями, потянул когтистые лапы, зевнул. Разлепил глаза и тут же весь встрепенулся, будто его ударило током.

— Кот! — воскликнул Соломон. — Прошу прощения, я утомился, и пока Мирослава...

— Тише, — бросил тот и внимательно посмотрел на меня.

Я пошатнулась от этого взгляда и ощутила примерно то же, что бывает в горах, когда они так давят на сердце и голову, а перед глазами всё начинает куда-то уплывать, что приходится застыть на месте или даже сесть на голые камни, лишь бы удержать равновесие.

Вот и сейчас я закачалась, опустила глаза и прикоснулась пальцами ко лбу.

И вдруг отпустило.

Словно там, где была моя рука, медленно и со скрипом, но отворилось давно закрытое окно. И туда попал свежий воздух и свет. И стало совсем легко. Так, как всегда и должно было быть.

Кот перевёл взгляд на Артура, чуть задержался и снова посмотрел на меня.

— Идёмте, — добавил он и развернулся, готовый показать дорогу.

Я хотела сделать шаг, но тут же ощутила невероятную слабость. Захотелось опуститься поближе к травам, посидеть в них и повдыхать этот сладкий, местами горьковатый запах местной таволги и розового шалфея, прикоснуться пальцами к лепесткам, к тонким гибким салатовым стеблям, к почему-то сиреневым пушистым одуванчикам, которые ветер — всё тот ли это ветер, что принёс меня в Мир Мечты? — развеивает по полянке, уносит в леса с ветвистыми деревьями цвета небесной лазури или тёмно-синих сумерек, уносит к существам других миров, других Вселенных, где кто-то тоже стоит среди трав и смотрит вверх такими же глазами, и этот кто-то тоже чувствует тебя, и твою боль, и счастье, и усталость. И, быть может, вы — мы? — когда-то, когда-нибудь встретимся и сразу узнаем друг друга.

И всего одно объятие исцелит раны. И даст жизнь новому: розовым, или голубым, или вовсе белым цветам душистого душицами рождённого шалфея. И мы соберём их в пучки трав, и засушим, и станем прикладывать туда, где паутинка исцеления ещё недостаточно крепка.

И другим я тоже подарю эти цветы. Их ветром отнесёт к тем, кому особенно нелегко. И голос мой...

Да, голос.

Я запела.

И голос мой слился с ещё слабым ветром, который тут же стал нарастать, и он поднял меня и понёс. Меж ослепляющих звёздных вспышек, меж огней, мимо бездонных чёрных дыр; мимо родного Солнца, мимо такого милого сердцу зелёно-голубого шара, где когда-то я родилась; вдоль громадных колец цвета бензиновых разводов в луже; меж Корней, Ствола и Кроны могучего Древа, что связует собою миры.

— Вернись, — сказал Артур, и я ощутила его ладонь на своей руке.

Я снова здесь.

— Ты очень сильна, — сказал Кот. — Твой голос — отличный помощник ветра. Идём, я научу тебя управлять силой, — сказал он и снова развернулся, идя на тропу, которая тянулась посреди шалфея и таволги, в которой я заприметила голубые цветки из букета Артура.

Ладони наши соприкоснулись. Мы переплели пальцы.

Соломон учтиво полетел чуть впереди.

Лиловый рассвет, скромные ромашки, пахучая зелёная лаванда. Ветерок, треплющий мои волосы. Теплая рука Артура. Светило, мягко согревающее исцелённые сердца, из которых пробиваются чуть заметные первоцветы. Таким стало это утро.

Я шла и улыбалась.

Глава 40. Артур. Глазами художника

«Написать бы эту картину прямо сейчас, — думал он. — Передать бы пейзаж со степными золото-колосистыми травами, словно бы изнутри подсвеченными солнцем, передать бы барашчатые бегущие куда-то вправо облака, голубизну неба, уходящую вдаль, протоптанную в синих цветочках тропу. Но главное — передать бы то, как бесконечно прекрасна моя любовь. Как густо-рыжим оттенены её медно-золотые на свету кудри, как сияет её лицо в этих лучах, как сосредоточенно глядят глаза цвета зелени и самой природы, как платье обтягивает стан, а подол его струится на ветру. Написать бы её портрет прямо сейчас».

Артур шёл чуть отставая, разглядывая Миру и начиная желать не только отобразить её красоту на холсте, но и прикоснуться к ней. Переплести свои пальцы с её. Соприкоснуться горячими, горящими внутренним страстным огнём через ладони. Провести сомкнутыми губами по тонкой шее. Услышать тихий вздох. Ощутить её близкое тепло и манящий, кружащий голову запах волос.

Однако он медлил. Стоит хотя бы провести ладонью по её щеке, как мысли о живописи улетучатся. А пока он хотел чуть задержаться на них, наполнить себя прекрасной любовью созерцателя и творца. Поглядеть ещё чуть-чуть глазами художника.

«Подарить бы ей бесконечно много новых платьев, подарить бы всё лучшее в Мире Мечты, — думал он. — Но как мне узнать, чего она хочет? Как самому угадать, что за мысли кроются в этой чуждой и чудной кудрявой голове? Как отыскать ключ к этому сердцу?»

И взгляд художника всё слабел, рассеивался и становился взглядом просто влюблённого мужчины. И смотрел он на то, как Мирослава беззаботно ступала за громадным белым Котом, на ходу подставляя лучам ладони, а время от времени она чуть останавливалась, запрокидывала голову и закрывала глаза. Замирала так на миг. А после оборачивалась на Артура и улыбалась ему.

Тогда он сдавался, подходил вплотную и обнимал её со спины. Мира нежно проводила рукой по его волосам и ещё больше будоражила этим. Он прижимал её чуть сильнее. И дышал куда чаще. И чувствовал её ответное дыхание.

И она подставляла шею под его поцелуи, но пока он обходил её стороной и лишь прикасался то к лицу рядышком с губами, то особенно нежно целовал висок, и руками мягко обвивал тонкий стан.

Мира чуть вздрагивала и улыбалась, закрывая глаза. И перебирала его волосы на затылке, и водила кончиками пальцев по щеке Артура, опускаясь то к краешку уха, то чуть задевая шею.

И он на миг замирал от удовольствия.

Тогда Мирослава поворачивалась к нему и прижималась всем телом, и её дыхание разбегалось по коже мурашками. Горячие ладони забирались под пиджак, чуть задерживались на лопатках, проскальзывали то к пояснице, то к затылку, то выныривали из-под одежд и искали его собственные ладони, чтобы вновь переплести пальцы.

И когда губы их уже почти соприкасались, Кот резко говорил:

— Вы не одни.

И Артур с Мирой вздрагивали. Она оборачивалась. И снова они шли порознь, лишь время от времени смотря друг на друга особенно долгим и внимательным взглядом.

И эти минуты разлуки казались ему бесконечно долгими, и лишь мысль о том, что они вскоре окупятся, утешала его. И он старательно пытался думать о красоте пейзажа, о вон том кустике, о тех бегущих облаках, о синих цветочках под ногами, и даже начинало получаться, но вот Мира вновь притормаживала, оборачивалась с улыбкой, и Артур прижимал её к себе.

После очередного объятия Кот резко замер на месте.

— Так не пойдёт. Вы оба отвлекаетесь. И мешаете мне вести вас.

Мира опустила глаза и покраснела. Это до того мило выглядело, что Артур не удержал порыв и поцеловал её прямо перед строгим взглядом Кота.

Тот вздохнул. То ли устало, то ли безнадежно.

— Если вы хотите стать сильнее, вам нужно уметь управлять своим вниманием. Ваша воля расхлябана. Болтаетесь мыслями туда-сюда.

Артур отпустил Миру. Ему стало неловко, и он по привычке потянулся к хронометру, но Кот прыгнул и оцарапал ему руку.

Мира вскрикнула. Артур де Вильбург же просто поморщился и обернул кисть платком.

— Всё в порядке, — сказал он. — Я понял тебя, Кот. Распускать здесь руки нельзя.

— Отлично. Тогда идём дальше. Я веду вас туда, где не потерпят таких отвлечений и развлечений. Насладитесь друг другом чуть позже.

— Я хочу с вами, — вдруг сказал знакомый голос. Его Артур желал услышать сейчас меньше всего. То был Хэйден. Снова запыхавшийся, снова бегущий. — Видите ли, мне некуда идти. Разрешите с вами?

Артур тяжело вздохнул. Теперь уж точно пока не получится обнять Миру.

— Ему разве можно с нами? — спросила она у Кота.

— Пусть идёт, — бросил тот не оглядываясь.

Глава 41. О рукописях

Когда с нами пошёл Хэйдэн, Артур перестал меня обнимать.

Я всё ловила его взгляды, ощущала спиной его тепло и близость, но Мэлибуд постоянно маячил перед глазами. И без умолку болтал. И мешал.

— Совет, видите ли, принял решение. Вы не слышали, наверно, ты, Мира, особенно. Ты ведь улетала куда-то, а Артур уходил, а я, видите ли, рядом стоял, — неустанно говорил он, то и дело обгоняя, вставая передо мной и преграждая путь. Тогда я глубоко вздыхала, чуть заметно сжимала кулаки и обходила его стороной.

Сначала, значит, Кот мешал, а теперь вот этот.

Я, вообще-то, по Артуру скучала, я хочу побыть с ним наедине, а тут эти. Сбивают с нужного настроения. И постоять в обнимку не дают. Всё идём и идём, всё куда-то спешим.

И куда мы, кстати, вообще направляемся? И зачем?

Тут я вдруг представила себя со стороны до того отчётливо, будто описывала сцену в своём полуромане, который пока так и остался не дописанной рукописью. Да, хорошо бы закончить ту историю с первым путешествием в Мир Мечты. Там про наш вальс, про мою совсем юную влюблённость. Про первую любовь даже. Много-много лет та сказка не давала мне покоя, возвращала к себе во снах, притягивала желания и мысли. И я писала на разрозненных листочках, скрепляла их, хранила в особом файлике. В прозрачном.

Это было так давно, что, кажется, будто и не со мной. Будто не я описывала ту страшную грозу, слушая, как рокочет гром за моими окнами в нашем старом доме. Я старалась ловить такую погоду и ту искру, что загоралась во мне вместе с блеском молний, и переносить, переводить её синей пастой на разноцветные, отысканные по всему столу листки бумаги. Запираясь в кладовке от мамы, сутулясь над синим столом, я дрожала над каждой буквой.

А сколько я переписывала ту сказку? Сколько у неё версий? Штук пять? Десять? Я уже почти и не помню, какой начинала её, какой сама была в тот миг, как впервые поставила надпись «Глава 1». Или там просто стояло «I»? Да, простым карандашом. И дальше был что-то вроде: «За окном ударила молния. Я плотнее укуталась в клетчатый плед. Мы с бабушкой часто сидели в библиотеке». Да, вспомнила. Через бабушку я вела повествование, именно она рассказывала ту историю с Артуром, она было мной. Здоров же я себя состарила. А в конце де Вильбург приходит за ней, и оба они уносятся в небо, и остаются на месте бабушки лишь полупрозрачные пылинки. А вот внучка остаётся.

Я сама вроде тоже оставалась, но часть меня всё-таки парила вместе с бабушкой и Артуром.

Каждая новая рукопись подводила меня всё ближе к истинной истории, которую я так хотела поведать. Самой себе. Чтобы точно знать, что всё это было, чтобы удостовериться в тот самый момент, как начну сомневаться.

И как я мнила себя творцом! Великим писателем. Смешно и глупо вспоминать. А как тешила себя фантазиями, что буду таким автором, чьи труды будут потомки отыскивать, беречь и изучать. Это непременно. Ведь в историю вложено столько сокрытого, столько тайн, что нужно внимательнейшим образом прочесть каждое предложение. Лучше раз по десять. И повторять это каждые лет пять. Или хотя бы семь. Чтобы открывались новые смыслы, конечно же.

Да, то было давно. Так сладко теперь возвращаться к тем юным порывам, так хочется сохранить их в себе.

Но юность ушла далеко. Я почти и не заметила, как вдруг вышла из её царства безответной влюблённости и искренних стихов, постоянных ссор с лучшей подругой, надрывов, из которых рождались всё те же неритмичные строки. Почти и не заметила, как мы разминулись. Как стало неважным то, что мучило тогда. Все обиды, и косые взгляды, и душевные терзания, и всё то, что наполняло тогдашнюю жизнь. И лишь те самые нелепые стихи и скрепленные листочки рукописей остались мне в напоминание. И моя история. И кулон Артура на шее.

Вот и теперь, пожалуй, я вернусь ненадолго к той себе, что пишет книги, что без оглядки любит литературу и всё с нею связанное.

Итак, чуть побуду творцом, который всецело поглощён своим занятием.

Представляю себе, как описываю в романе такую сцену.

Тропинка, проложенная в травах и степных цветочках. В синих цветочках. Трое взрослых идут по этой дорожке. Впереди маячит огромный Кот — прямо как у Булгакова — размером с хороший дубовый пенёк. Или с бочонок вина. Нет, непонятное описание.

Лучше так: Кот, который достигает на четырёх лапах примерно уровня колен.

Девушка — то есть я — одета в потрёпанное, измятое и совсем не свежее платье. Кроссовки из белых стали серыми. Про носки лучше вообще не упоминать. Рядом идёт Артур. С уже давнишней щетиной. В поношенном пиджаке с чуть отошедшей заплаткой, с блестящим на солнце цилиндром в руках С чуть опущенной головой и взглядом, обращённым куда-то глубоко в себя. Поблизости, мешая двигаться остальным, мелькает Хэйдэн. У него радостный и перевозбуждённый вид: говорит без остановки с того момента, как ему разрешили идти.

Время от времени Кот, которому, кажется, нет дела до этой болтовни, оборачивается и ждёт, пока мы догоним его.

Вздыхаем.

А, я же от третьего лица тут описываю. Да, все трое вздыхают и взглядывают тоже. Девушка — то есть я — смотрит на руку возлюбленного и нервно сглатывает слюну.

Так, ладно, увлеклась. Уже карикатура какая-то. Но если серьёзно, то мы и правда выглядели потрёпанными и уставшими, будто позади был долгий походный день. Ну это я про себя и Артура, конечно. Хэйдэну всё было нипочём, а Коту — тем более.

Мне только и оставалось, что развлекаться такими картинками в голове. Артур, наверно, тоже представлял себе что-то в таком духе, но выглядел он всё-таки встревоженным и порой тянулся к хронометру и начинал его теревить.

Что же тебя беспокоит?

— Артур, — тихо сказала я и взяла его за руку, когда Хэйдэн умчался вперёд, поближе к Коту. — Что-то случилось?

— Да нет. У меня просто в голове не укладывается всё это.

— Знаешь, я и сама не пойму, куда мы вообще сейчас идём и для чего. Может, свернём потихоньку с тропы и пойдём наконец туда, куда хотим? Вместе.

Артур улыбнулся и поцеловал меня совсем нежно, будто цветок или ребёнка.

— Обязательно, но только чуть-чуть подожди.

— Но чего? Зачем мы вообще идём за Котом? — спросила я и остановилась. — Куда он ведёт нас? Ты ведь знаешь, да? Ты поэтому так задумался. Скажи мне. Пожалуйста.

Артур поднял на меня взгляд. Совсем потерянный. Нет, не так. Ищущий. Я только успела обеспокоиться этим, как вдруг его серые глаза чем-то блеснули. Огоньком или искрой — не разобрать. И Артур снова поцеловал меня.

— Всё будет хорошо. Я понял, что хочу сделать.

— Верно, — сказал Кот, который неизвестно как оказался рядом с нами. Я оглянулась на него. Увидела Хэйдена. Тот тоже смотрел на меня как-то слишком внимательно.

Они все что-то знают. И не говорят мне. Оберегают от какой-то информации? Эти двое точно не скажут. А Кот? Я ему вроде безразлична, он лгать и умалчивать из любви ко мне явно не станет.

— Что вы скрываете? — спросила я напрямую. — Я хочу знать. Куда мы идём и для чего?

— Хорошо, — просто сказал Кот. — Мы идём к Костру.

Глава 42. Скрытое

— К тому самому? Который горел в Библиотеке? — зачем-то уточнила я, хотя и так отлично поняла.

— Да. Тебя это может испугать, — продолжил Кот, — но внутри него Пустота, — сказал он, и я застыла на месте.

Пустота. Я вдруг вспомнила всё, что слышала о ней. «Их отправляют на дорогу в Пустоту», — говорил Артур де Вильбург давным-давно, в первое моё путешествие, и в груди у меня всё сжималось, и это лишь подгоняло меня поскорей вернуться домой. И он добавлял про Мир Подземных жителей и их мельницы и вновь пугал.

«... на дорогу, — вторил ему Хранитель Города Мечты, — где души почти всех распадаются на частицы. И либо переродишься, получишь новый шанс, либо...» Всё тот же страх. Всё то же сжатие в груди. Но ведь кто-то добавлял: «... некоторые верят, что дорога в Пустоту тоже ведёт в края, где обитает пока недоступное нам».

Так что же это за место?

Оно очищает, подобно пламени Костра, или сжигает? Или это зависит от того, кто и с какой целью подойдёт? Да. Значит, и в Пустоте своя сила?

Я почти приняла это, но тут внутри встрепенулось негодование, недовольство и страх стали копошиться, подбивать меня отказаться от этого пути, бежать с него прочь, стать нормальной, как все. Но... Вот что странно: я поняла вдруг, что это чужой страх. Людей и созданий, которых я встречала, их мыслей и слов — но ведь это не я. Я-то свободна. Да, я ведьмочка, ведьмочка для моего милого художника, для себя самой, но и это не совсем я. Я же... Я как ветер, как этот воздух, как свет от Солнца и Луны, как звёзды — вот это куда ближе. А впрочем, далеко я пошла. Пока рано об этом.

— Миряне боятся Костра и Пустоты, — сказал мне Кот, и я перевела на него взгляд. В его глазах отражалось глубинное спокойствие, подобное покою озера или горы. — Но ты видишь их силу. Потому я прошу тебя помочь.

— Но чем?

— Покажи это другим.

— Знаешь, Кот, я не совсем понимаю тебя.

И тут он развернулся и пошёл дальше, покачивая хвостом. Он и раньше так делал? Или это из вредности? И как показать? Кому показать?

Меня потянуло к Артуру. Захотелось спросить у него совета и вообще что он думает обо всём этом. Я оглянулась. Позади была лишь пустая тропа.

— Где остальные?

— Вы скоро увидите. Совсем скоро.

Я снова оглянулась. Но уже спокойнее.

— Знаешь, мне кажется, я сошла с ума.

Кот, конечно же, промолчал. И почему он то отвечает так туманно, то вообще никак? Неужели нельзя по-человечески? Хотя он же кот. Чего я прошу от него.

— Исцели Ехидну, — вдруг сказал он.

— Чего?

— Исцели её. Пожалуйста.

А это к чему? Что вообще происходит? Артур с Хэйденом куда-то подевались,

огромный белый Кот рассказывает про Пустоту и перерождение, просит исцелить Ехидну, ведёт к Костру. А я следую за ним. Вот голова.

И голова, и глава для книги, кстати, получилась бы хорошая. Но мне бы никто не поверил. Не ведут себя нормальные люди так, как я сейчас. Но я-то другая. Я часто отличалась от большинства и то гордилась этим, то выслушивала упрёки, то явственно ощущала себя той самой белой вороной. Вот даже сейчас играю словами вместо того, чтобы разобраться во всём. Мне куда легче спрятаться за буквы и собственные мысли.

Разве так ведут себя истинные ведьмы? Нет. Так где же моё благоразумие? Где та смелость, с которой я пустилась в путь в Мир Мечты ещё так недавно? И где, кстати, Соломон?

— Я здесь, Мирослава.

Я вздрогнула. И тут же погладила его пушистую головку.

— Хоть ты рядом. Благодарю, что пришёл.

— А я всегда рядом, Мирослава. Помните об этом. Я рядом, я помогу.

— Объясни мне, пожалуйста, что говорил тут Кот? Знаешь, я не соображу никак.

— Всё просто, Мирослава. Вы идёте сейчас по тропе, что ведёт вас к себе самой. И так каждого, потому Артур и Хэйден пока не видны вам. Сейчас вы все — и даже я — меняется. Скоро мы доберёмся до особого места, до Костра. Он счистит остатки нехорошего, и тогда вы перейдёте на... — Соломон помахал в воздухе перепончатым крылом, подыскивая слова. — На другой уровень.

— И Кот?

— И Кот.

Я помолчала, переваривая услышанное.

— А это чтобы исцелить Ехидну?

— Чтобы вы стали сильнее. А Ехидне вы и так можете помочь, Мирослава. Вы ведь сами уже прошли через её испытание.

Я снова не поняла. Но ладно, сейчас важнее не она, а я. И Артур тоже.

— А потом? Что будет после?

Глава 43. Артур. По тропе

Он шёл всё по той же тропе, но мысли его были далеко.

Он уже не думал о том, как бы улучшить момент и обнять Миру — всё равно пока не дадут. Не злился на то, что Хэйден постоянно мельтешил. Не ломал голову над феноменом говорящего Кота. Нет. Всё это уже стало просто фоном для картины его мыслей, на переднем же плане сейчас проступали узоры будущего. Он тщательно выписывал каждый их завиток и усматривал во всём этом некую причудливость. Словно Артур одновременно был и тем, кто думал, и тем, кто отстранённо наблюдал за развёртывающимся рисунком мыслей в своей голове.

«Вот мы бесконечно бегали с ней по Миру Мечты, и мне казалось, — думал он, глядя на синие цветочки под ногами, — что я знаю её. Понял про неё абсолютно всю. Узнал её душу. Принял такой, какая она есть на самом деле. Но стоит ей улететь куда-то, как я злюсь. Как я хватаюсь за кисть и рисую где придётся. Теперь даже на камнях. Теперь даже холст мне не нужен. Выходит, что я будто и сам сбегая, прячусь то в тех горах, то в искусстве, то иногда просто хочу закрыться по старой привычке. И при этом сержусь на Миру, которая делает ровно то же, но по-другому.

А ведь я люблю её, я хочу быть с ней. Так как же нам обоим стать лучше? Как нам понимать друг друга ещё больше? Как нам создать гармонию в нашей любви?»

Тут Артур поднимал голову и глядел высоко в небо. А там плыли бесконечно размеренные облака. Артуру де Вильбругу вспоминалась одна из его картин, где были точно такие же белые барашки.

«Сколько я написал работ, пока ждал Миру? Сколько сбегал в творчество, чтобы сохранить свой рассудок? Чтобы выплеснуть эмоции? — думал он, и замечал, как этот завиток мысли оканчивался. И за ним тут же распускался другой, цвета малинового заката. — И куда мы идём? Буквально. Куда ведёт этот Кот? Мира всё спрашивает и спрашивает меня, но я и сам не знаю. Я понимаю лишь одно: я хочу идти вместе с ней. Идти дальше и дальше, по новым тропам и новым виткам. С ней. Как я стал рассуждать. Как романтик или как дурак? Оливия бы такое не оценила, — подумал он и вспомнил их последнюю встречу. Тогда Оливия и Ричард, кажется, куда-то его звали. А он искал Миру. — Как давно это было, словно в иное время, в иную эпоху. Будто я прошёл с тех пор столько, что между мной и ими, между мной тогда и теперь пролегла громадно-протяжённая пропасть. А всё-таки это обман. Самообман. Я по-прежнему Артур де Вильбург, я по-прежнему люблю Мирославу, я по-прежнему хочу быть с ней».

— Куда мы идём и для чего? — спросила она в который раз.

— Хорошо, — ответил Кот. — Мы идём к Костру.

«К какому костру? Зачем?» — подумал Артур и вдруг понял. Костёр. Тот, что много лет назад вырвался из клетки. Тот, что поманил тогда. Всё очарование ступающих друг за другом мысленных узоров исчезло.

— Зачем? — спросил Артур и остановился.

— Так нужно, — ответил Кот.

— Я хочу знать правду.

— Мирослава, если пожелает, осознает всё, что ней случилось за последнее время.

— О чём ты?

Тут Артур оглянулся: ему вдруг почудилось, что Мира куда-то подевалась. И точно: её не было рядом.

— Она прошла по краю много раз. Очень много раз она могла уйти туда, откуда почти не достать. Она поймёт это. Она очень сильная. Но пока глупая. Научится быть осознанной, если захочет.

— Я пойду с ней. Я хочу оберегать её. И прямо сейчас, и вообще. Верни нас на одну тропу. Пожалуйста.

— Как желаешь. Но для неё с момента развилки прошло намного больше времени, чем для тебя, имей это в виду.

Глава 44. Хэйден. Родина

Хэйден говорил без умолку. Ему казалось, что стоит остановиться хоть на минуту, как случится нехорошее. То ли ему запретят идти дальше, то ли начнут расспрашивать о Хранителе и их давнем уговоре, то ли Артур вдруг накинется на него с кулаками, то ли Мира упрекнёт в предательстве — хотя она-то как раз вряд ли это сделает — что именно случится, он не знал.

А впрочем, знал. Но боялся себе в этом признаться. И говорил ещё больше.

Но в какой-то момент слова, слетавшие с губ, начинали повторять те самые изгнанные мысли. И он ловил себя на фразе вроде такой: «Я всё беспокоюсь, я всё будто виноват перед вами, я вот пытался, видите ли, сгладить, а всё-таки...» Тогда он замирал на секунду, чувствуя укол страха, и пускался в новое словоплетение, пытаясь им прикрыть оборонённую фразу. А потом уставал, догонял Кота и с минуту шёл молча.

Рядом с этим существом Хэйдену становилось спокойнее. Оно будто лучилось тишиной и умиротворением. И шерсть его белая так и серебрилась на солнце, как бывает, говорят, зимой на той самой планете, откуда прибыла Мирослава.

Хэйдену вспоминалось, как блестела шерсть у его грифона. Как переливались её голубые крылья. Каким он был уверенным и спокойным, когда она летала под сводами Подземного мира, а он держал тоненькую ниточку поводка и наслаждался полётом, и всё думал, что если отпустит эту верёвочку, то никуда она и не улетит. Ему хотелось верить, что грифон, что это милое создание, которому он так и не дал имя, боясь привязаться, оставалась бы с ним всегда.

Но он точно знал, что это невозможно. Что её либо заберут, ведь это благородное создание, а их не дают кому попало, либо она сама улетит.

«Откуда у тебя грифон?» — спрашивали частенько полусгорбленные местные жители. А Хэйден увиливал. Плёл про наследство, про подарок от дяди из гор и богатых родителей. В самом деле, не расскажешь ведь, что однажды она сама к нему прилетела. Крошечной птичкой. Так что Хэйден не сразу и разобрал, кто это на самом деле. А когда понял, уже не мог расстаться, не мог отнести её к себе подобным.

Переезжал с места на место, возил её повсюду с собой, а вот имя так и не дал. Так она и осталась просто грифоном. Обезличенной птицей. Которая всё-таки умчалась.

Хэйден часто думал о ней, как о своей возлюбленной. Или как о музе. Или ангеле хранителе. Разные мысли бывали, но чаще всего — первая.

Особенно когда она глядела на него, Хэйдену казалось, что вместо реальной женщины ему послана вот такая. То ли обречённая быть птицей. То ли благословлённая летать. И всё же далёкая. Бесконечно далёкая для понимания. Ведь она, как ни крути, — грифон.

И тогда Хэйден горевал. И шёл гулять один.

Он внутренне смеялся над своей драмой, которую сам же и выдумывал и сам же ставил на сцене своей жизни. От скуки. Втолковывал себе, что это просто грифон, что просто она сейчас с ним, а потом, когда придёт время, она улетит к своим. Что это никакая не женщина. Что ему давно бы пора развеять иллюзии и найти себе подружку. Нормальную.

Соглашался с этими мыслями. И тут же опрокидывал их навзничь.

«Не бывает таких животных», — думал он, вспоминая, как внимательно она слушает истории о горных жителях, об острых вершинах, о далёкой синеве склонов, где она могла бы

парить, как кладёт голову на крыло и прикрывает глаза, словно представляя всё, что он говорит.

— Ты дурак, — сказал вдруг Кот, и Хэйден вынырнул из своих мыслей.

— Ты о чём? Почему? Видишь ли, я...

— Хватит думать глупости. И болтать. Ты без остановки либо витаешь в облаках, либо несёшь чепуху. Хватит.

Хэйден умолк. Опустил глаза и стал глядеть на синие цветочки под ногами. Ему вдруг показалось, что эти цветы никогда не кончатся. «Какое-то бесконечное васильковое поле», — подумал он.

— Не поле, — сказал Кот. — И вообще!

Тут он обернулся. Взглядом хлестнул Хэйдена. Он пошатнулся.

— Что ты... — начал он, но вдруг перестал говорить. Хэйден точно понял, что сейчас лучше всего — помолчать. Пока помолчать.

А Кот продолжал смотреть. И из памяти, как из мутного озера, выплывали обрывки фраз, калейдоскопом мелькали пока не узнанные лица и места. И проступали горы.

Они стирали беспокойство, и веяло от них таким родным и тёплым, словно где-то там была деревушка, где Хэйден провёл всё своё детство, куда хотел бы снова вернуться, пусть хотя бы мысленно, но вновь побывать в том домишке, по правую сторону от которого огород, а по левую — старый-престарый заборчик, через который запросто перелезть. И дрова там, у забора, сложены большой горкой. И мята растёт. У соседей её чуть-чуть взяли украдкой и себе посадили. Прижилась.

Когда же это было? Кажется...

— Это они? — тихо спросил Хэйден, всё ещё держа картинку в голове и боясь отпустить, упустить, пропустить через себя и никогда уже не отыскать снова. — Края, где я родился?

Кот кивнул.

— А... Мы идём туда? — осторожно спросил Хэйден и с тёплой надеждой, и со страхом, что это не так.

— Ты можешь. Остальные идут к Костру, у них другая дорога.

В одно мгновение он представил себя посреди Миры и Артура — болтливый, глупый, вечно неприкаянный, не принятый братом — и сравнил с тем собой, каким мог бы быть там. В горах. На родине. Где его корни, где ещё недавно Хэйден и не смел побывать, но куда так рвался. И вот он — шанс.

Сомнения рассеялись.

— Как мне попасть туда?

— Просто иди.

— А ты?

— У меня своя дорога. Если хочешь в те горы, то иди прямо сейчас.

— Но куда? — спросил Хэйден, и вдруг увидел, что позади Кота синеют, как на акварельной картинке, далёкие, остроконечные пики. Те самые. Из глубинной памяти, из самого сердца.

Он уже пошёл было, обогнул Кота, но вдруг замер.

— А другие? — спросил он. — Я их увижу?

— Всё может быть.

— Передай мою... — он запнулся, подбирая слова. — Мои извинения. За всё.

Кот кивнул.

— Благодарю тебя! — сказал Хэйден, всё ещё медля.

— Да иди уже. Захочешь, увидишь их. Иди.

— А... это... Не знаю, как спросить... Видишь ли, тот свет, да?

— Дурак, — ответил Кот и добавил, уже отвернувшись: — Ничего ты не понял.

Хэйден оглянулся: горный пейзаж стал бледнеть. Он испугался: вдруг сейчас исчезнет?

Вдруг...

— Ты можешь быть везде, где захочешь, — сказал Кот.

И Хэйден успокоился.

— Тогда до встречи! — крикнул он удаляющемуся Коту, повернулся в сторону гор и бодро зашагал к ним.

— Здравствуйте! — завопил он, чувствуя, как голос его летит ввысь, к самым вершинам. — Я вернулся! Здравствуй, мой дом!

Глава 45. Лес

Я шла за Котом.

Зной, звенящие насекомые и сказочные пейзажи — я словно попала в летний жаркий поход. Разве что рюкзака не хватало.

Да, походы... Те самые, когда частенько думаешь о том, как бы славно было бы отдохнуть в тенишке, обсохнуть, а лучше — окунуться в ручей. Или ещё лучше — посидеть у водопада. Шумного, с ледяным дыханием. А потом — лечь в траву и полежать. И послушать свободных, диких птиц высоко в небе. И увидеть их полёт. И ощутить терпкий запах чабреца. Или полыни. Или задеть вдруг колочку, почти рассердиться, но тут же понять, что это — можжевельник. Со зрелыми тёмными ягодами, которые уже можно собирать для чая.

Или вот реки. Могучие, раскидистые, вроде Волги. Или бурные, горные, почти кипящие в своей быстроте. Через них обычно проложены шаткие мостики. И когда идёшь по такому — дух захватывает.

Или леса. Равнины. И горы, конечно, тоже. И вообще весь мир... Как хорошо бывает в походе, как хорошо бывает на Земле...

Тут мне стало совсем тоскливо. Я впервые, кажется, ощутила, насколько сильно люблю свой дом. А там ведь, наверно, уже зима. Или пока осень? Сколько прошло? Не знаю. Вернуться бы мне на Землю. Вместе с Артуром. Но захочет ли он?

Пока я так думала, время от времени вытирая лоб и глядя на горячее степное солнце, дорога стала меняться.

Теперь мы ступали по полю забытых событий и судеб, которые обратились цветами. Я хотела постоять здесь чуть подольше, до того сладко они пахли, но Кот запретил.

— Нельзя отвлекаться.

И мы прошли. Выбрались на узкую тропинку. Она бежала вниз по косогору, с которого виднелись гигантские макушки голубых елей и ветви синих дубов. А рядом со мной сидел громадный белый Кот. Вот бы написать такую сцену для книги. Но пока не до того. Пока я шаг за шагом спускалась по козьей тропке, старательно думая о том, как благополучно это сделать.

Но вот дорога вывела нас к сказочному лесу. Я устало прислонилась к стволу и закрыла глаза. Привал. Нега. Прохладные объятия леса. Чуть влажный пропитанный счастьем воздух.

Такое ведь уже было... Я узнаю это место, это ощущение.

Я вдохнула поглубже и открыла глаза, ожидая увидеть голубые сосны и ели, но их не было. Лес переменялся.

Теперь вокруг меня клёны и липы. И дубы. Совсем обыкновенные, земные.

Местное солнце серебристой каймой обходит, обегает вдоль кленового листа, просвечивает сквозь дырочки в нём и достигает меня, золотит мою кожу, роняет ажурную тень. Золотистые пятна света на стволах клёнов и лип цвета какао или крепкого чая. А на дубах — свет с белёсым отливом. И всё те же витиеватые тени кленовых листьев и ветвей. И свист птички. Знать бы, как она называется, понимать бы то, о чём она поёт, что вещает нам из глубин самой природы.

А ещё отчётливо пахло летом. И лесом. У лета свежий лесной аромат. Сильный, но ненавязчивый. Чуть печальный из-за предстоящей осени, но всё-таки жизнерадостный, и сладковатый, и травянистый, и такой наполненный и наполняющий, что сердце бьёт сильно

и смело. И при этом нечасто, потому что ему некуда спешить — все лето, вся жизнь, всё счастье впереди. И я впитаю его и понесу другим, чтобы и они увидели, если только захотят увидеть, как прекрасен мир. Всегда. Стоит лишь открыть глаза и уши. Прикоснуться к шершавой коре. Вкусить земляники и вдохнуть запах летнего леса — лесного лета. И улыбкой озарится лик его — мира — и твой.

Я вдохнула поглубже и позвала Кота. Он появился откуда-то сбоку.

— Куда идём дальше?

— К Древу познания, — ответил он.

Я вспомнила, как много лет назад через него вернулась домой. Неужели и теперь?.. Ведь хотела же я на Землю...

— Зачем?

— Оттуда пройдем к Костру. Там тебя ждёт важное дело.

— А что за важное дело?

— Скоро узнаете, Мирослава, — ответил Соломон вместо Кота и прикрыл голову крылом. Он и раньше был здесь?

— А Артур? Где он? Он пойдёт со мной?

— Да, — коротко ответил Кот за моей спиной, и я обернулась. Он неподвижно созерцал лес, так что я стала сомневаться: говорил ли он что-то или мне послышалось?

Я опять вздохнула. Жаловаться мне всё равно нельзя. На вопросы отвечают непонятно. Потому я просто сказала, что готова идти дальше. Хоть с Артуром увижусь.

— Важное дело, — тихо сказал мне Соломон, когда Кот отошёл вперёд, — может вас напугать, Мирослава. Будьте осторожней.

Глава 46. Ведьмы

Мы добрались до Сада. Я сама не поняла, как это получилось, ведь не было ни мира Подземных жителей с их чудными мельницами, ни Горы с тем стражем в чёрной остроносой маске, ни Библиотеки, ни Пещеры Тайн со сверкающими в темноте камнями и с особыми дверями — ничего этого. Если можно было попасть сюда так, то почему же мы с Артуром не прошли по тропинке? Зачем был такой долгий путь?

— Это я провёл тебя, — сказал Кот. Каждый раз он отвечал на мои мысли. Даже делалось неуютно от этого. Хоть вообще ни о чём не думай.

И я решила пока не думать. А оглядеться.

Тот же, что и много лет назад, бегущий вдаль, за самый горизонт, ручей. Ясное голубое небо, бледные цветы на деревьях и кустах. Отсюда я попала снова на Землю. А на этот раз я иду в совсем другое место. Но вот...

Снова мне захотелось домой. В тот приморский городок детства, к тому старому парку. Пройтись бы по тем мощёным улочкам, послушать бы того соловья, что много лет назад пел у наших окон в родительском доме, когда я не могла спать дольше пары часов, потому что всё думала и думала об Артуре.

— Знаешь, Кот, — сказала я, чтобы он опять не начал читать мои мысли. — Я бы очень хотела вернуться на Землю. Это Древо, я знаю, может мне помочь. Да, я помню про Костёр, я помню про всё это, но... Зачем? — спросила я, мельком посмотрев на Кота. Тот равнодушно взирал на меня немигающими глазами. Я уставилась на свою обувь. — И сила, и приключения — это, конечно, здорово. Но знаешь... Я... — тут я запнулась. Слова перестали складываться, словно их что-то сдерживало. И я вдруг поняла, что стоит преодолеть это и произнести их, как меня вышвырнут отсюда. Прямо обратно. В ту самую гостиницу, где за окном летают чайки, где я стояла, насквозь продуваемая ветром.

— Ну говори, — язвительно сказал мне Кот.

Я подняла взгляд.

В конце-то концов — кто я? Я ведьма. Я умею летать. Я умею творить чудеса. И испугалась какого-то Костра? Каких-то трудностей? Я ведь почти умерла. Много раз. Меня вернули с того света, мне дали новый шанс. И в тот ураган, и после Мира Мечты, и даже теперь дают. И где моя благодарность? Где вся та сила, что поднимала меня в воздух, что кружила и била копытом, заставляя всё вокруг вибрировать и гудеть? Где мой конь?

— Лети, — сказал Кот, глядя на меня немигающими глазами.

Я оглянулась, снова отыскивая коня. Голубые берёзы, чёрные дубы с кривыми ветвями, кусты сиреневой малины и белого шиповника, ромашка и лаванда под ногами, перелетающие с ветки на ветку синицы, стучащие по стволам дятлы, почему-то поющие днём соловьи — глаза разбегаются от многообразия жизни, но вот коня нигде нет.

— Как же без него?

— Просто лети.

Я подпрыгнула, размахивая руками и чувствуя себя полной дурой — приземлилась так, что заболела нога. Я посмотрела на Кота, тот безразлично глядел на меня. Я вздохнула. Раз как птица я не могу летать, то надо прыгнуть с высоты.

— Летите не телом, Мирослава, — со вздохом сказал мне Соломон, когда я забралась на травянистый холм.

— Как ты себе это представляешь?

— Как во сне.

Я прыгнула с холма, твёрдо веря в то, что справлюсь. И на миг мне показалось, что ветряной конь подхватил меня и понёс над всем Садам, который обратился гигантским лесом, в центре которого стояло Древо, ведущее к могучему Тар-дану. Я увидела его полупрозрачные листья, дрожащие на ветру, причудливо изогнутые лучистые ветви, на которых наверняка время от времени — по вечерам, распивая травяные чаи? — сидят русалки и лешие, глядя оттуда на Мир Мечты, на мою родную Землю, на ещё тысячи миров, где я иногда бываю во снах, уходя в ледяные пустыни или к Поющей Горе, к мудрому Дубу или в пещеры с золотыми скелетами...

Мелькнул огонь. Я вздрогнула, рухнула, ушибла ногу. Снова я была в Саду, под холмом, на котором сидел равнодушный Кот. Над моей головой кружил Соломон.

— Не так, Мирослава, — простонал он.

Тут я совсем разозлилась.

— Думаешь, самый умный? Я сделала всё так, как ты сказал, и вот что получилось! — ответила я, растирая щиколотку. Она медленно, но неотвратимо припухла. Теперь я даже нормально ходить не смогу, не то что летать.

— Приложите, Мирослава, — сказал Соломон, протягивая крошечными когтистыми пальцами листок подорожника.

— Издеваешься? — устало спросила я.

— Он поможет, правда.

Я вздохнула и приложила лист.

— Ты почти готова, — сказал спрыгнувший с холма Кот. — Скоро, если захочешь, увидишь полёты других ведьм. А пока слушай, пора рассказать о Мире Мечты. Ты видела маски хранителей и стражей?

Я кивнула. А сама подумала: причём тут маски, если мы о ведьмах? Может, они научат меня летать лучше? И где их увидеть? На шабаш, что ли, ехать?

— Раньше птеродактили — предки твоего Соломона — были вместо хранителей и стражей, — ровным тоном продолжал Кот.

Мне вспомнилось, как о Мире Мечты мне рассказывал Артур, когда я только вернулась сюда. Когда мы шли по улочке, когда сидели на скамейке, когда весь мир вмещался в прикосновение наших ладоней. Когда отзывался во мне каждый его вздох и каждое слово. Когда я верила, что впереди у нас — бесконечное счастье, ведь мы вместе.

Как же давно это было.

Как же щемит в груди от мысли, что сейчас он не здесь. Что я не с ним. И мысли, они бегут беспокойной вереницей, и одна печальней другой: куда мы идём? Что у нас будет после того, как приключение это кончится? Я дойду до Костра, я сделаю то, что должна — а потом? И где вообще Артур? Что с ним? Он молча исчез, сошёл с тропы, ни восточки от него — ничего.

К горлу покатила ком. Захотелось то ли заплакать от одиночества, вдруг нахлынувшего на меня, то ли вонзить ногти в ладони, чтобы отвлечь себя болью. Но разве сильные ведьмы плачут? Разве им бывает больно?

— Всё хорошо, Мирослава, — прошептал Соломон, и слова его сперва отскочили от меня, отразились, подобно солнечному лучу, что отражается от ледяной корки и ослепляет смотрящего, а потом вдруг они отогрели верхний слой, расковали мой лёд и попали в самое

сердце. Кокон беспокойства исчез.

— Знаешь, ты и сам волшебный, Соломон, — тихо сказала я, чтобы Кот не услышал. Соломон потёрся пушистой головой мне о щеку.

— Они оберегали Мир Мечты, как и многие другие миры, — продолжал Кот, делая вид, что не замечает того, как я отвлекаюсь. — Маски — даже не дань памяти тем временам. Без них у хранителей теряется вся сила, поскольку маски эти созданы из настоящих птеродактилей, из их кожи и черепа.

Я представила громадную птицеподобную животину, с которой снимают скальп. Меня замутило.

— А почему птеродактили?

Кот не ответил.

— Мы и сами не знаем, Мирослава, — сказал Соломон. — Так было слишком давно.

— Твоё важное дело — отрезвить ведьм. Вывести их из полусна, где они живут из-за глупости и страха.

А это к чему? Мы же вроде о хранителях говорили. Надо было слушать его внимательнее.

Я представила, как по знакомым улочкам полетят толпы ведьм на мётлах, а за спинами у них будут котлы с зельями.

— Нет, — сказал Кот, отвечая на мои мысли. — Ты сама ведьма, ты должна понимать. Погрузись в себя.

Я закрыла глаза. Нога всё ещё ныла, но уже не так сильно.

Перед глазами замелькали кадры. Лицо Артура, почему-то окружённое светом, мама со стариком на фоне пустыни, кладбища с черно-белым фото отца. Вновь непомерное одиночество захлестнуло, набежало волной, но отступило. «Я ведьма. Всё будет хорошо», — сказала я себе.

И услышала плеск воды.

Я плыла по ручью, и словно из густого тумана предо мной представали женщины. В платьях, в обносках, в формах. Худые, полные, чрезмерно толстые, средние. Совсем юные, старые, мои ровесницы. Они проплывали — верней, это я проплывала — мимо, но меня словно никто не замечал. Одни говорили с цветами и обнимали деревья, тоскуя по смутному, почти позабытому умению слышать их голоса, видеть мысли и сны растений. Другие смотрели на пламя свечи, надеясь и боясь, что однажды огонь заговорит с ними. Некоторые опускали стопы в ручей и смотрели мне в лицо, словно могли зреть то, что недоступно другим. Однако когда я махала им рукой, они будто каменели и закрывали глаза.

И ведь все они жили в этом. И боялись.

Я плыла по всему Миру Мечты, я видела множество ведьм, и редкая из них принимала то, кто она на самом деле. Тут тоска завладевала мной. Сколько лет я сама чувствовала, смутно догадывалась, что во мне сокрыто нечто странное и сильное, но как отмахивалась я от этих мыслей. Списывала их на воображение, на детские и юные фантазии, на что угодно — но не принимала всерьёз.

Сострадание заполнило меня и увлекло в обратную сторону. Я проносила мимо всё тех же силуэтов, но уже не глядела на них.

Вдруг я открыла глаза.

Холм. Соломон. Кот. Подорожник.

— Знаете, я хочу помочь им.

— Теперь ты готова, — сказал Кот. — Идём. Артур ждёт тебя.

Глава 47. Сомнения

И мы отправились. По тропинке меж сиреневатыми витиевато изогнутыми деревьями, под небом чистой звенящей голубизны. Мы шли по красивейшему месту, но я почти не замечала его. На душе было тяжело. И от этого казалось, что и цветы вокруг, и пение птиц, и полёты тонкокрылых бабочек — всё это было создано будто не для меня, всё это словно проходило, проскальзывало мимо, едва лишь задевая мою кожу полупрозрачными листьями, чуть достигая моего слуха через кокон, сотканный из беспокойных мыслей.

Думала я об Артуре.

Я вроде и хотела увидеть его, и обнять, и склонить голову к плечу, переплести наши пальцы и соприкоснуться ладонями как тогда, в тот наш вечер, в наш первый настоящий вечер, когда я только вернулась. Когда мы сидели так близко, когда весь мир заключался в наших пальцах, в губах, в дыхании.

Но что-то мучило меня. Отчего-то было тоскливо.

От того ли, что не вернуть того времени, полного счастья и надежд? От того ли, что сейчас не было Артура рядом со мной?

Нет. Я просто до сих пор ждала его предложение. И не получала его. И всё думала и думала о том, почему ничего не меняется. Мы словно топтались на месте. И от этого я начинала всё больше сомневаться в том, любит ли он меня вообще. Нужна ли я ему? Важна ли?

Как мне узнать, если он не говорит. Как мне понять, если пока мы в разлуке?

Или это всё из-за неё? Из-за того что я так долго была без Артура — успела охладеть? Но раз я столько ждала его прежде, то это короткое расставание ничего бы не переменяло.

Или я просто насытилась Артуром? Остыла к нему? Нет.

Всё не то. Истинная причина была в том, что я наконец увидела настоящего Артура де Вильбурга. Не возвышенного творца, не того всемогущего гения и мудрого старшего друга, в которого влюбилась маленькой девочкой. Теперь это был обыкновенный художник в старой рубашке, за душой у которого — кисти да краски. Ни своего дома, ни мастерской, ни статуса — ничего.

Это был абсолютно другой Артур. С прошлым, о котором я почти ничего не знала. Уставший. Который не пойдёт со мной по всему Миру Мечты, что бы он ни говорил, мы не отправимся с ним в путешествие по уютным городкам и в походы по горам — потому что он другой. Ему приятна жизнь у моря, где он пишет картины в тишине и спокойствии. Где есть чайки. Где есть вдохновение.

А моё вдохновение — свобода.

Как долго я держала себя! Как я ограничивалась, как я не смела даже думать о других мужчинах, играя роль верной возлюбленной из русской классики. Как глупо. Я заигралась, заблудилась в собственных фантазиях и наконец устала бродить по ним. А выйти к настоящему Артуру у меня не хватало смелости. Увидеть в его глазах не отражение своих грёз, не его выставки, на которые съезжаются богачи и меценаты, не то, как он при них зовёт меня своей музой, а его самого. Настоящего.

И вновь мои пальцы вонзились в ладони.

Вновь захотелось причинить себе боль, назвать себя самыми последними словами, опять погрузиться туда, где была до моего путешествия в Мир Мечты, где шагала по топкому

болоту, где увязала в своих страхах и сомнениях, где ходила по тонкому краю, так и норовя поскользнуться.

Но нельзя.

Но как же мне любить его, даже если я обманулась? Как вновь смотреть ему в глаза? И хочу ли я смотреть на него настоящего? Люблю ли я Артура?.. Или свои грёзы о нём?

Впрочем, скоро я увижу его лицо, услышу голос, от которого ещё недавно меня бросало в дрожь, и всё, надеюсь, станет мне ясно.

Глава 48. Встреча с Богиней

Вдалеке, под тем самым Древом, что когда-то отправило меня домой, на Землю, стоял Артур. Цилиндр лежал у его ног, одной рукой он держал букет, а второй поправлял цветы, стараясь уложить их посимпатичней.

Я улыбнулась. До того мило это выглядело, что все мои сомнения рассеялись. Я поняла, что по-прежнему люблю его руки, люблю его дурацкую колючую щетину, люблю эти серые глаза, часто обращённые глубоко во внутрь — люблю его целиком, пусть он и бывает недогадлив, пусть порой и раздражает меня, пусть пока он слишком закрытый, всё равно люблю. А он, кажется, любит меня.

— Иди, — сказал Кот за моей спиной.

И я подошла к Артуру.

— Как бесконечно долго мы не виделись, — сказал он и протянул цветочки, улыбаясь так же, как когда целует меня.

Сирень. Милая сирень. Мне вдруг вспомнилось, как когда-то давным-давно, в прошлой жизни, я смотрела на распустившиеся кисти сирени, вдыхала их сладковатый, совершенно особенный аромат, он ведь не как у черёмухи — у неё куда приторнее — и не как у яблони — у неё тоже другой оттенок — и мечтала, чтобы мой возлюбленный, мой Артур де Вильбург подарил мне такой букет.

Артур де Вильбург... Которого я то ли нарисовала своим юным воображением, то ли и впрямь повстречала когда-то. Я ведь потому всегда носила на себе тот кулон в форме вытянутой капли, чтобы в минуты сомнений держать его в руках и точно знать, что со мной частичка Мира Мечты и Артура.

Я вынырнула из воспоминаний и коснулась этого кулона. Он по-прежнему был на мне. А я почти позабыла о нём.

— Пора, — сказал Кот, который вышел из-за Древа. Разве он не говорил только что за моей спиной? Я оглянулась. Никого. Станный, всё-таки очень странный этот Кот. Или их просто двое? Или вообще трое, ведь и Хэйден с кем-то шёл. А где он, кстати? — Он выбрал другую дорогу, — ответил Кот на мои мысли. Кажется, я уже переставала этому удивляться.

— С ним всё хорошо?

— Да. Ты очень долго тянешь.

— Что? — спросила я, хотя отлично поняла, что он говорит про Пустоту.

— Хватит бояться. Ты справишься, иначе я бы не пришёл к тебе.

Пустота... Что же это всё-таки такое? «Тем, кто смело идёт в неизвестность, открываются все пути. В том числе лучший», — ответил мне Кот, не раскрывая рта.

— Хорошо. Я готова.

И тут ветер вновь подхватил меня.

Так же было много лет назад. Словно в какой-то иной, в прошлой жизни, когда я ещё не знала, что я ведьма, что это я управляю полётом. Но теперь я по своей воле мчалась на ветряном коне.

Я вновь ощущала свободу. И силу.

И прохладную кожу, которой касалась ладонями, и полупрозрачную, словно сотканную из лунного света или тончайшей паутинки гриву. Мой конь. Это ты поднял меня в Мир Мечты, это с тобой я говорила все годы. Это тебя я звала.

Я глянула вниз: пятна. Смена пятен. Смена мест. Смена миров. Тут, должно быть, земля, а теперь вода, и вой ветра в ушах, и огонь, пылающий внутри меня и толкающий вперёд. Вперёд и вверх. К приключениям и счастью.

И крылатый простор за спиной, и ширь, бесконечная ширь повсюду. Как я люблю это чувство. Как славно мчаться на коне по Миру Мечту. Но куда? Впрочем, я ведь и так знаю, куда мне нужно, с кем я так давно хочу встретиться...

И мы помчались ещё быстрее, так что пятна слились в невообразимое нечто, замерцали, запульсировали, закружились, заплясали, затащили воронками и вдруг — лопнули.

Я мчалась в бесконечную бездну, но не боялась. Ни Соломона, ни коня, ни даже Кота — никого рядом. Я одна летела то ли вниз, в бездну морскую, то ли вверх, к звёздам. Это было неважно. Верх — низ, лево — право. Таких понятий здесь нет. Они не существуют, ведь они несущественны.

Мерцание, подобное тому, что я видела в Пещере Тайн много лет назад. Оно плывёт, движется по спирали — или это я так движусь? — и окутывает меня, околдовывает, очаровывает — чарует. Я всё глубже и глубже, я всё выше и выше, я всё ближе к громадному Древу, и я всё меньше хочу думать о чём бы то ни было.

Огненные струящиеся волосы, скрывающие лик. Тонкое лучистое тело, протянутая ко мне ладонь, каждый перст которой исписан древним спиралевидным узором. Она. Та Богиня.

Я едва прикасаюсь к пальцу. Тепло струится по моему телу, и я вся сияю, словно приобщилась к великой тайне, что делает меня частью божественной силы. Но эта лучистая мощь до того велика — величественна — и могуча, что, кажется, ещё миг... ещё один томительный миг...

В груди моей, там, где сердце, всё трепещет, всё тянется к Богине. Ещё капля, и я метнусь ей навстречу, я растворюсь... Но нет. Но время пока не пришло. Эта мысль приходит извне, пронзает меня, и я отдёргиваю руку.

Глава 49. Встреча

Я очнулась у Древа. Надо мной склонился Артур. На его плече сидел Соломон. За спиной де Вильбурга мелькал белый хвост Кота.

Так странно и хорошо мне было. Я не сумею описать этого чувства во всей его полноте. Из меня словно вынули все мысли, верней — они остались, но теперь не имели ровно никакого значения. Они были слишком мелкими по сравнению с миром вокруг и внутри меня, по сравнению с Богиней, частью которой я теперь являюсь и всегда являлась.

Испуганное красивое лицо Артура. Далёкие слова о любви. Вздохи и причитания летающего надо мной кругами Соломона — ничто не трогало меня. Вот я встала. Обняла Артура. Погладила по голове чуть притихшего Соломона. Взглянула Коту в глаза. Лишь он, казалось, понимал мою отрешённость. Он так же, как и я, отстранённо наблюдал за происходившим. Просто наблюдатель. Я просто смотрю, ничего не делаю.

— Идём, — сказал Кот. — Теперь ты готова к важному делу.

Я не спрашивала ни о чём. Всё казалось понятным. Само по себе. Словно кто-то отворил для меня резную дверь, и всё, что раньше таилось за ней и так манило, и будоражило, и мучило — всё теперь стало доступным и ясным. Рассеялся туман.

Я села на ветряного коня и чуть было не воспарила, как вспомнила об Артуре. Он стоял рядом всё в том же пиджаке, что и в самую первую встречу. Только теперь он был совсем затасканный и изорванный. Лицо Артура сильно загорело, местами было исцарапано. Он глядел на меня как-то странно, словно в нём намешались многие чувства, которым он не находил выхода, ведь рядом не было его холста и красок. Мне стало жаль его. Он прошёл большой путь, а я едва не забыла о нём, сев на коня. Я опять отдалилась от него. Теперь ещё больше, чем когда бы то ни было.

А самое удивительное, мне стало как будто всё равно. Позовёт меня или нет. Обнимает или уйдёт. Ведь счастье — я ощущала его — уже настало. Оно всегда, оказывается, находилось рядом. Овивало меня воздушным потоком, баюкало и гладило по рыжим кудрям своей прохладной и ласковой рукой, когда у меня болела голова от буйных мыслей, и грело, когда мне казалось, что я замерзаю от одиночества. И лишь я порой переставала замечать. Но теперь я вижу. Я снова слышу. Я снова понимаю. Я чувствую свободу и счастье. И я принимаю вас.

— Мира, — тихо позвал Артур, и я вздрогнула, словно кто-то вытащил меня из дремоты. Точнее — вернул обратно в неё, попытался опустить к тревогам и суете, но я удержалась, я сохранила равновесие, устояла и обратилась к Артуру из своего спокойствия.

— Садись, — сказала я.

— Куда? — спросил он, оглядываясь по сторонам. Коня, на котором уже восседали Соломон и равнодушный Кот, он не видел.

Тогда я подвела его, как слепца, к коню и погрузила его пальцы в гриву. Артур вздрогнул.

Я улыбнулась.

— Знаешь, что это? Мой конь. Помнишь его?

И я едва прикоснулась своими губами к его, передавая ту нежность и любовь, что накопились во мне за всю мою странную и прекрасную жизнь. Он ответил на мой поцелуй. И от этого нега стала всё больше и всеохватней, и уже покрыла весь Сад, весь Мир Мечты,

потянулась ростками по всей Вселенной, выходя за её пределы, достигая могучего древа Тардан с полупрозрачной листвой, достигая лучистой Богини. Моя любовь подобна любви этой Богини. Ведь она и есть я. Но только после, в далёком будущем, когда я стану мудрее.

Как же я скучала по Артуру... По вот этим рукам, по голосу, по картинам, по этому дурацкому пиджаку с заплатками, который теперь остаётся лишь выбросить: до того он истрёпан и засален. Как давно, как же долго этого не было. Как же долго...

— У нас мало времени, — сказал Кот, и я отошла от Артура.

Он сел позади меня, приобняв за талию. От его прикосновений по всему телу разлилось едва не позабытое тепло.

Он не закрыл глаза, хотя я просила, чтобы не закружилась голова.

— Помнишь, как я просил тебя закрыть глаза, когда мы летели на драконе? Ты ведь не сделала этого, вот и я не стану.

Упрямый. Умный до чёртиков. Талантливый. Бесконечно любимый.

— Тогда держись крепче, — сказала я, ощущая близость Артура, и конь взметнулся вверх.

Глава 50. Пустота

Я сама не поняла как, но уже через миг мы оказались в Библиотеке. Длинные ряды пыльных шкафов в полумраке, бесчисленное множество книг, старые воспоминания о том, как я попала сюда много лет назад.

Артур де Вильбург был рядом. Кот, помахивая пушистым хвостом, уже шёл чуть впереди. Соломон летел над ним, то обгоняя, то отставая, если что-то разглядывал или трогал крошечными пальцами. Я догнала их.

Шаги гулким эхом разносились по залам и коридорам. Здесь совсем никого не было. По крайней мере, мне так казалось. Паутина, пыль, затхлый, подвальный воздух. Неужели вместо Артура никто не работал все эти годы? Но почему? Что с Библиотекой не так? Если привести всё порядок, я бы согласилась бродить здесь часами.

— Нам сюда, — сказал Кот и свернул в коридор, который я не сразу заметила за плотным слоем паутины. Сколько я ни рвала её руками, она всё равно липла на лицо. Кружилась голова, и почему-то всё казалось каким-то ненастоящим, как на сцене дрянного театра.

— Я вспомнил, — вдруг сказал Артур и застыл. — Он там, да?

— Да, — ответил Кот, не оборачиваясь и продолжая идти.

— Вы о чём?

— Там Костёр, который уничтожил часть Библиотеки, — сказал Артур, и я тоже остановилась.

— Кот, а что именно я должна сделать?

— Твоя задача — попасть в Пустоту и пройти по тропе, что ведёт в лучшую версию тебя. Она внутри Костра.

— А зачем?

— Так надо. Артур знает, он пойдёт с тобой.

— Знаешь, Кот, я... я боюсь, — призналась я и опустила глаза.

— Всё будет хорошо, — сказал Соломон.

— Ты в безопасности. Иначе бы Ехидна не избрала тебя. Ты ведь видела её в облике Богини, так? Ты исцелила её, знаешь это? Чего же боишься? Она благословила тебя. Идём нельзя медлить, мы здесь не одни.

Я прислушалась: только моё дыхание и эхо. Вдруг раздались голоса. Мужской и женский. Артур и Соломон оглянулись.

— Идём же, — повторил Кот и посмотрел мне в глаза. И я увидела, как хранители и стражи в масках врываются в дома, забирают из них женщин и ведут на Костёр. Значит, и здесь такое было? Картинка сменилась: уцелевшие, не замеченные никем, перепуганные ведьмы вытягивают из себя силы, зарывают их в землю, топят в воде, сбрасывают со скал, а сами едва добираются до домов, где изничтожают всё, что хоть как-то связано с силой. Их жизнь теперь — воспоминание о былом могуществе. Новый кадр: Мир Мечты полнится созданиями, которым ничто не нужно, ничто не интересно, у которых внутри — Пустота, оставшаяся после вытягивания сил. И вот она обращается туманом неизвестности, ширится, выходит наружу, укрывает дома, улицы, города и, наконец, весь Мир Мечты. И жители вязнут в тумане.

Я же сама иду в него по своей воле. Потому что справлюсь. Потому что теперь поняла

это. И следую за Котом быстрым шагом, и целую Артура де Вильбурга, глажу Соломона по белой пушистой головке и смело ступаю на дорогу в Пустоту.

А тут полутуман-полуявь, полусказка-полубыль. Сине-голубые огоньки вдоль тропы, что убегает куда-то влево и вдаль. Стрекот ночных сверчков. Обрыв по одну сторону, скалы — под другую. Лес поблизости, через который и ведёт меня тропа. Тропа чудес и волшебства.

— Мира, — говорит мне Артур, и я оглядываюсь. Его тёплая, чуть шершавая ладонь берёт мою и греет. — Я буду рядом.

Покой и благодать наполняют меня. Я больше не ёжик в тумане, я теперь знаю, куда иду. Внутренний компас, как у птицы, ведёт меня — нас — прямо к цели. Раз здесь Пустота, раз здесь возможно всё, то я выбираю лучший путь. Тот, что приведёт меня в уютный домик, где мы с любимым пьём травяной чай по вечерам и смотрим на звёзды в телескоп. Где есть садовые качели во внутреннем дворике. Где свет и тепло. Где всегда хорошо. Домик, из которого порой мы уезжаем в дальнюю дорогу за приключениями и куда привозим диковинные вещицы и камни на память. Домик, где есть мой рабочий писательский кабинет, веранда и чердак. Домик, где живут наши дети.

Я иду туда.

— А Костёр? Мы уже прошли через него? — спрашивает вдруг Артур.

И всё мне ясно. Всё теперь доступно для понимания. Костёр — это очищение. Это огонь, который сжигает лишнее, плохое. Он не уничтожил тогда Библиотеку, а спас от гибели. Не будь того пожара, исчезли бы все накопленные знания, рухнули бы стены того места, испарились бы его источники мудрости, зачахли бы и истлели все книги.

Почему?

Оставалось слишком мало добра в том месте. Много зла там царило, пока огонь не сжёт его, пока не обнажилась чистейшая суть Библиотеки, что бережёт и передаёт мудрость поколений, что корнями древа тянется из глубин веков и листьями своими достигает потомков.

То поведал мне сам Костёр, пока мы шли. Я слышала треск сучьев под ногами и в его объятиях, я глядела на мелькающие огоньки светляков — отблески пламени, его крошечные язычки. Мы уже давно ступали по нему, сквозь него. Но пройдёт лишь тот, кто чист душой. Кто силён и смел.

— Почти, — говорю я и вдруг замечаю туман.

Он мутнеет среди деревьев, среди леса, и вход в него словно охраняет невидимый страж. Там, в неизвестном будущем и находится мой желанный домик, моё женское счастье. И к нему ведёт тропа, по которой я хотела бы пройти.

Я чувствую, как ноги дрожат от страха. Я почти готова убежать обратно, к привычному и обычному. Но нет. Домик слишком чётко стоит перед глазами, нельзя сдаваться. Нужно быть храброй.

И я прошу разрешения пройти. И благодарю, ведь мне позволяют.

Мы с Артуром перешагнули незримую границу. Мы переступили порог неизвестности и Пустоты.

Забрезжил свет. Что-то то ли запело высоким-высоким голосом, то ли затрещало, то ли засвиристело. Я зажмурилась и прикрыла глаза свободной рукой. Закружилась голова.

— Что это такое? — спросила я у Артура. — Куда мы попали?

— Пока не знаю, — ответил он, сжав мою ладонь сильнее.

— Вам помочь? Вам помочь? Вам помочь? — донеслось до меня тройное вопрошание, и голова совсем поплыла. Я ощутила, как ноги ослабли и подкосились.

Когда я очнулась, то первым делом увидела небо. Голубое, совсем как земное в ясный солнечный день. Мелькнул чей-то расплывчатый силуэт, но я не испугалась, ведь от него лучами исходило тепло, которое заполняло всё вокруг. И я оставалась совершенно спокойной.

— Вы меня напугали, — сказал этот кто-то. И голос показался мне знакомым. Женский голос. — Мира, всё в порядке?

— Вроде бы, — пробормотала я и привстала. — Где Артур?

— Я здесь, — сказал он, и наконец в смутном свете проступило его лицо. Потом руки, плечи — весь он. В новом пиджаке, без этого цилиндра, в чистой рубашке. Где ты успел переодеться? — Сам не знаю, — ответил он на мой не заданный вопрос. Совсем как Кот. Я, интересно, тоже так умею?

— Умеешь. Ещё как умеешь, — ответил голос, и я вдруг разглядела ту, что говорила. Огненно-рыжие кудрявые волосы, зелёные, почти изумрудные глаза, тонкое лучистое тело. Да это же... — Не пугайся, — сказала она и положила мне голову тёплую ладонь. — Всё хорошо. Всё страшное позади.

— Но когда? Когда я прошла Пустоту? Я освободила ведьм?

Она ласково улыбнулась, и я перестала спрашивать. Раз испытание окончено, раз всё благополучно, то...

А не мираж ли это? Вдруг подумала я, что мне всё это чудится, что я стою сейчас у входа в туман, или в Библиотеке среди пыльных стеллажей, или вообще у окна приморской гостиницы... Я схватилась за кулон. На месте. И Артур тоже тут. Значит, всё реально. Значит, я и в самом деле сейчас в каком-то невообразимо далёком месте, которое ещё дальше и выше, чем Мир Мечты.

— Идём, — сказала она, и я поднялась. Очертания предметов по-прежнему расплывались, так что нельзя было понять наверняка, на чём же я только что лежала и куда мы движемся. Лишь смутное чувство, будто такое уже когда-то было, не покидало меня. Давным-давно, когда я очутилась в Министерстве...

А если я там? А если Хранитель всё-таки проник в голову? Вот мне и чудится всякое. Но ведь кулон. Он по-прежнему на шее. Да и закончилась та история с Хранителем, я исцелила его. И Ехидну тоже. Но почему же столько сомнений? Чего я боюсь?

— Ты в неизвестности, Мира, потому тебе страшно. Но всё в порядке, помни, что сказал тебе Кот. Идём за мной. Стоять нельзя.

И я двинулась следом. И мысли отступили. Осталась лишь дорога и впереди — лучистая фигура, а ещё дальше, где-то далеко, куда мы и шли, стоял тот самый дом. Красно-коричневый, с чердаком и задним двориком, где наверняка есть садовые качели. Где мы однажды залезем в сугроб по самые колени и будем смотреть на полную колдовскую Луну. А внутри у нас будет так же тепло и спокойно, как в день нашего первого поцелуя. Так пусть же будет так. Пожалуйста.

— Просто помни о том, кто ты такая, Мира. Ты ведьма. А они самые счастливые, — сказал мне голос, и тут всё закружилось. Всё завертелось, свет замелькал, фигура стала отдаляться, и я поняла, что вот-вот меня вытащат из этого места.

— Прощай! — крикнула я.

— До свидания, — спокойно ответил мне такой знакомый, мой собственный голос.

Я очнулась в Библиотеке.

Те же ряды, те же книги. Кот, пристально глядящий на меня, и Соломон, нервно обмахивающий меня перепончатыми крыльями. Поблизости Артур де Вильбург. По-прежнему его тёплая рука.

— Пришлось вернуть вас, — строго сказал Кот. — Далеко пошли.

— Я... — произнесла я, и мне странным показался собственный голос. — Я... — продолжила и забыла, о чём хотела сказать. В голове всё ещё стоял туман и отзвуком доносились те слова «до свидания».

— Всё хорошо, Мирослава, — сказал Соломон и привычно уселся мне на плечо. Я улыбнулась и погладила его. Внутри было легко, светло и чисто. Будто из меня вынули все тревоги, все страхи и сомнения.

— Пора уходить, — сказал Кот. — Мы здесь не одни, помнишь?

И я вновь услышала мужской и женский голос. Артур тоже. Но если я просто удивилась, то он вдруг вскочил на ноги, словно и не бывал только что в том сказочном месте, и насторожился.

Интересно, он всегда такой импульсивный?

— Это же... — начал было он, но осёкся. — Почему они здесь? — спросил он у Кота. — Они оба бесконечно далеки от Библиотеки.

— Ошибаешься. Мы теперь здесь стражи, — ответил за Кота мужчина, появившийся из-за стеллажа. Незнакомец как-то нелепо выгнул грудь колесом. Рядом с ним возникла девушка в цветастой юбке.

И Артур тяжело вздохнул.

Глава 51. Выбор

— Что за бесконечное невезение, — пробормотал он и пошёл в противоположную сторону.

— Так просто уйти нельзя, Артур, — сказала девушка, но он лишь покачал головой и даже не обернулся. — Вы незаконно проникли в Библиотеку. Мы обязаны отвести вас в Министерство.

Мне вдруг показалось, что я снимаюсь в ужасно бездарном кино. Где столкнулись, по-видимому, старые враги, где вот-вот будет драка, а тут два героя-ковбоя. Но только одному нет никакого дела до конфликта и он преспокойно уходит. А второй стоит как онемевший попугай с выпяченной грудью. На фоне голос Кота, который пытается о чём-то договориться. О перемирии, должно быть. А, ещё же девица. Та хлопает глазами, при этом почему-то очень часто моргает. Видимо, нервничает. Я же вместе с летучей мышью на плече вообще не в тему.

Отличная кульминация бы вышла. Отличная сцена для дрянного фильма или книжки. Но нет никакого желания в этом участвовать. После всего, что я увидела там, после той встречи — что мне эти мелочи вроде нарушений каких-то правил, на кой мне эти ваши министерства?

Я пошла за Артуром.

Пускай Кот, если хочет, сам разбирается с этими попугаями. Я своё дело сделала. Не знаю, правда, как именно помогла другим ведьмам, когда успела исцелить Ехидну, но какая мне разница? Может, всё это случилось в тот же миг, как я переступила границу тумана? В любом случае теперь мы с Артуром вольны идти куда угодно.

— Знаешь, — сказала я ему, когда мы так привычно и так славно переплели пальцы. — Я хотела бы позвать тебя в свой мир. На Землю. У нас там не так удивительно, как здесь, но тоже замечательно. У нас леса и моря, у нас тоже есть реки, есть даже Луна. Я бы очень хотела показать её тебе. Когда она полная, она бывает совсем сказочной. И свет от неё исходит на всю нашу Землю, а вокруг Луны — радуга. Круглая, как кольцами. Она обнимает Луну, а Луна обнимает в такие ночи всех людей. Особенно тех, кто смотрит на неё.

Я говорила и внутренне надеялась, почти молилась, чтобы он согласился. Я готова была рассказать ему про все земные чудеса, про все мои походы, про наши далёкие горы, но на самом деле я просто боялась помолчать хоть немного. Ведь тогда он, наверное, ответит. А пока я говорю, пока я продолжаю — ещё всё может быть. Всякий вариант возможен. И даже тот, где мы с ним счастливо живём в нашем домике с чердаком и садовыми качелями во дворе. И верандой, которую потом достроим.

Но пора притормозить и выслушать его ответ. Ведь это ему выбирать. Жить с ведьмой в её мире или оставаться в своём привычном, но без неё. Так ли сильна его любовь ко мне, чтобы выбрать меня?

Мы прошли все испытания. Мы сделали всё, что обещали. Мы теперь свободны.

— Что скажешь? — спросила я, вся трепеща от неизвестности и желая остаться в ней, продлить этот хоть и мучительный, но такой обнадеживающий миг. Но больше ждать нельзя. Я принимаю твой выбор, мой милый. Говори же. Давай выйдем наконец из тумана на зримую тропу.

И он поцеловал меня.

— Так что ты решил? — повторила я. — Я жду твоего ответа. Я сделала всё, что было в моих силах. Я представляла наш дом, я молилась Луне, но выбор за тобой.

И тут я вдруг поняла, что надо сделать. Самой избрать тропу. Выбраться из Пустоты. Оставить её позади и идти вперёд, не оглядываясь. А там будь что будет.

Довольно стоять и звать его за собой, умолять пойти — хватит. Пора сделать как Хэйден — просто отправиться туда, куда мне хотелось бы. Ведь он не уговаривал никого, не просил отпустить его или пойти следом — нет. Он просто сделал свой выбор.

Так и я совершу свой. Даже если Артур откажется, я всё равно пойду к тому дому. Под Луной, с садовыми качелями. Даже если не с ним. Пусть это больно, пусть неприятно — пускай. Тащить за собой следом — глупо. Он взрослый мужчина. Он точно знает, что я хочу от него. А продолжать ждать его предложения и изводить себя догадками и вымыслами, лезть к нему в душу — на кой мне это? Хватит. Я прождала достаточно. Я показала ему, какое счастье его ждёт рядом со мной. Теперь же я отправляюсь к своему собственному счастью. Ведь ведьмы... Я помню её слова. Я постараюсь всегда помнить эти слова.

И я пошла. Меж стеллажей, меж книг. Но вдруг одна мысль остановила меня: Соломон. Он будет со мной на Земле?

— Буду, Мирослава. Я ведь там уже бывал, помните тот чердак?

И я улыбнулась, и потрепала его по белой пушистой голове. Конечно же помню. Забудешь такое. Столько криков. И как давно всё это было...

— Я ведь правильно делаю? Знаешь, я...

— Всё будет хорошо. Я рядом, — сказал он, и я успокоилась. Раз я видела Богиню, раз видела саму себя в будущем, раз есть мой дом — всё будет хорошо. Я верю. Я знаю теперь, какой могу быть и чего достойна.

Даже если без Артура. Ведь нельзя никого тянуть за собой, не лошадь же я, в конце-то концов. Сам решит. Он знает, где меня найти.

Но тут я заплакала. Как ни хотела я быть сильной и смелой, а всё-таки я была обычным человеком, обычной девушкой, которая мечтала о счастье, о семье, о прекрасном и уютном домике, где будет хорошо и тепло. И вот теперь я поворачивалась спиной к тому, с кем так хотела быть в этом доме. Кого жаждала видеть рядом. Обнимать каждое утро. С кем хотела бы встречать рассветы в горах и глядеть на Луну и звёзды...

Но я утёрла слёзы. Раз ведьмы самые счастливые, раз это так, то я буду храброй. Я избираю тот путь, где мои счастье и любовь.

Я вернулась к Древу. Я ни разу не оглянулась ни на Кота, ни на Артура, ни на этих выряженных попугаев. Если бы я сделала это, я бы разревелась и никуда не пошла. Осталась бы навеки подле Артура, который сам не знал, чего хотел от меня и от жизни. Потому я стойко держала себя в руках на этом, как мне показалось, бесконечно длинном пути и наконец увидела тонкий ствол Древа. С корой, под которой словно пульсируют сосуды. С могучими корнями как у дуба. Сочетание противоположностей.

Я помню, что надо просто идти. Быстро и прямо. Стоит сбиться с пути, чуть замедлиться, как унесёт обратно. Но туда нельзя.

— Я люблю тебя, Артур, — шептала я. — Я люблю тебя. Пожалуйста, прости меня, мне очень жаль, что я ухожу. Я люблю тебя, я бесконечно люблю, так услышь же меня. Приди же ко мне, пожалуйста. Приди ко мне. Я жду тебя. Ты знаешь, как меня найти. Ты знаешь, где я буду. Так иди же, если любишь меня. Если твоя любовь сильна, ты приди. Пожалуйста, — повторяла я то ли заклинание, то ли просто слова, чтобы утешить себя и ослабить боль.

И я коснулась шершавого ствола. И всё заплесало.

И вот моя Земля. И вот я у гостиницы. У приморской гостиницы, куда вернулась сама. Куда так боялась попасть и куда отправилась по своей воле, даже не попрощавшись.

Меня бы накрыло отчаянием с головой, я бы вонзилась ногтями в ладони и бросилась бы из окна, если бы не твёрдое знание, что всё сделала правильно. Может быть, я полная дура, что сбежала от Артура, что сама ушла от него и того счастья, что было так близко, что я снова ушла не предупредив и на этот раз по-настоящему. И боль давила на меня, и раскаяние, и мысли пугались, но я понимала, что на меньшее соглашаться нельзя. Я уже видела ту себя, какой могу быть. И с тем Артуром де Вильбургом это невозможно. Лишь с другим, который сам придёт ко мне, сам отыщет меня, как я отыскала его в Мире Мечты. А если он не пойдёт за мной... Если отпустит так просто... То пускай. Значит, так тому и быть. Значит, будет рядом со мной другой, более подходящий мужчина.

Я повторяла себе всё это, а сама боялась оглянуться и не увидеть моего Соломона. Моего белого пушистого мышонка. Которого я так любила.

— Я здесь, Мирослава. Всё хорошо, — сказал он, и я заплакала ещё сильнее.

— Куда же мне теперь идти? — спросила я, отворачиваясь от окна.

— К счастью, — ответил он.

— Тогда нам прямо, — сквозь слёзы добавила я.

И вот я вышла из гостиницы.

А тут по-прежнему стояло лето. Кричали те же чайки, и лишь солнце уже село за горизонт. Словно ничего не изменилось, пока я была там, в Мире Мечты и ещё дальше, но переменилась я. Такое нельзя забыть, нельзя забывать.

Я шла по ночному приморскому городку и то плакала от отчаяния и раскаяния, то наполнялась спокойствием и твёрдой верой, что Артур придёт ко мне, то просто глядела на прохожих без единой мысли в голове и без единого чувства в сердце. Я ловила огоньки проезжающих машин. Я впитывала в себя свет фонарей. И всё чудилось мне, что вот-вот пелена спадёт, что я снова воспарю золотой горной птицей, вновь прикоснусь к Богине и услышу голос той себя из будущего. Но нет. Пока я лишь стояла посреди земного городка и осознавала, что слёзы продолжают течь по моим щекам.

Как глупо. Как в дурацкой сценке. Ещё бы дождь добавить на фоне, чтобы он со слезами мешался, так было бы вообще отлично.

И я зарыдала. И пошла наугад, не разбирая дороги, отгоняя мысли и стараясь успокоиться, вспоминая все те слова, какие натолкнули меня на то, чтобы уйти от Артура. Какая дура! Я ведь люблю его, он любит меня, а я ушла. И хожу тут, жду, что он отыщет. А он и знать не знает об этом городке, я здесь как иголка в стоге сена.

Или как спичка. Ведь я всё-таки огненно-рыжая ведьма.

Да, я помню это. Я знаю, что они самые счастливые.

Я вздохнула. Подняла голову, распрямила спину и вдруг увидела полную Луну. Она висела надо мной жёлтым диском, и от неё лучами исходило нечто такое, чего мне не описать при всём желании. Словно Богиня или же кто-то вроде неё, но только близкий — близкая, ведь Луна является женщиной — глядел на меня и утешал. Нет, не так. Глядела и давала веру в себя.

Я заговорила с Луной. Вслух. По-дурацки, наверно, это выглядело со стороны, ну и ладно. Сочтут за пьяную или помешанную. Таких обычно обходят стороной.

Луна, конечно, молчала. Но светила. По-прежнему. Так знакомо и таинственно, словно хотела, чтобы я отыскала в этом сиянии тайну и разгадала её.

Сама не знаю как, но я вышла к дому. К тому самому, где жила много лет назад с родителями. Вот только он вновь переменялся. Высокий забор снесли, и теперь я могла видеть, что пластиковые окна сменили обратно на деревянные, что стены кто-то окрасил в красно-кирпичный цвет и что на одной из них висит надпись «Продаётся». Смутное чувство заставило меня обойти дом.

Там были садовые качели.

Я позвонила по номеру, хоть и было поздно. Я договорилась о встрече. И когда я уже положила трубку, когда я хотела позвать Соломона, когда я обернулась, ведомая всё тем же неясным чувством — я вдруг увидела Артура де Вильбурга.

Никаких сомнений: это он. В новом пиджаке, со своей щетиной на лице, со всем очарованием — совсем другой, но он.

И в этот миг полные внутренней уверенности и спокойствия серые глаза Артура встретились с моими.

КОНЕЦ

